Н. Карѣевъ.

БЕСѢДЫ
О
ВЫРАБОТКѢ МІРОСОЗЕРЦАНІЯ.

ИЗДАНІЕ 4-ОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л
1896.

2438

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
20 / 605

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 4-му ИЗДАНІЮ.

„Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“, выходящія теперь четвертымъ изданіемъ, составляютъ продолженіе „Писемъ къ учащейся молодежи о самообразованіи“. Задача, которую я себѣ поставилъ въ этой книжкѣ, заключалась въ томъ, чтобы изложить въ извѣстной системѣ главные вопросы научнаго и нравственнаго міросозерцанія. Въ первыхъ трехъ изданіяхъ „Бесѣдъ“, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту, дѣлались указанія на сочиненія, относящіяся къ затронутымъ въ книжкѣ вопросамъ, и кромѣ того помѣщался краткій указатель самообразовательнаго чтенія. Въ настоящее время, съ выходомъ въ свѣтъ „Программъ чтенія для самообразованія“, изданныхъ Особымъ Отдѣломъ Комитета Педагогическаго Музея, этотъ указатель въ прежнемъ своемъ видѣ сдѣлался излишнимъ, и мы замѣнили его другимъ, въ которомъ названы почти исключительно сочиненія по философіи вообще и по философіи отдѣль-

ныхъ наукъ въ частности, отмѣченныя большею частью въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ прежнихъ изданій.

Продолженіемъ „Писемъ о самообразованіи“ и „Бесѣдъ о выработкѣ міросозерцанія“ служатъ „Мысли объ основахъ нравственности“ и „Мысли о сущности общественной дѣятельности“, написанныя для тѣхъ же читателей, для которыхъ предназначены и „Письма“, и „Бесѣды“.

I. О взаимныхъ отношеніяхъ между естественными и гуманитарными науками.

Всѣ предметы и явленія, доступныя нашему знанію при посредствѣ опыта и наблюденія, могутъ быть раздѣлены на двѣ великія области — міръ природы и міръ человѣка. Соотвѣтственно съ этимъ и науки, изучающія отдѣльныя категоріи этихъ предметовъ и явленій, раздѣляются на науки естественныя и науки гуманитарныя: первыя имѣютъ дѣло съ міромъ природы, вторыя — съ міромъ человѣка, включая въ послѣдній и ту категорію явленій, которую мы называемъ человѣческимъ обществомъ, т.-е. причисляя къ наукамъ гуманитарнымъ и отдѣльныя отрасли обществовѣдѣнія (науки соціальныя).

Производя такое дѣленіе всего, доступнаго нашему знанію, и самого этого знанія, мы, однако, подъ міромъ человѣка разумѣемъ не всѣ стороны и явленія человѣческой жизни. Человѣкъ не есть нѣчто, существующее внѣ природы и отъ нея независимое: напротивъ, онъ есть часть природы, поскольку является вещественнымъ предметомъ, составленнымъ изъ элементовъ, общихъ у него съ другими вещественными предметами, и животнымъ организмомъ, подобнымъ другимъ такимъ же организмамъ. Вотъ почему науки, изучающія человѣка съ

этой стороны, — а таковы анатомія и физіологія человѣка и антропологія, — относятся къ области естествознанія. Съ точки зрѣнія особаго интереса, какой мы, какъ люди, должны имѣть къ человѣку, весьма важно понять мѣсто человѣка въ природѣ и ближайшимъ образомъ его мѣсто среди другихъ живыхъ существъ.

Если мы отдѣляемъ міръ человѣка отъ міра природы, то лишь имѣя въ виду не матеріальную сторону человѣческаго бытія, а сторону духовную и общественную, т.-е. совокупность такихъ явленій, которыя хотя и наблюдаются среди другихъ живыхъ существъ, - но достигаютъ наивысшаго, самаго полнаго и самаго всесторонняго развитія только въ человѣчествѣ. Гуманитарныя науки суть именно тѣ, которыя изучаютъ человѣка — какъ индивидуумъ, такъ и весь родъ — въ его психической и соціальной жизни (психологія и соціологія). Если человѣкъ, какъ животный организмъ, есть предметъ біологіи, какъ науки о жизни, то духовная сторона его бытія прежде всего изучается въ психологіи, т.-е. наукѣ о духѣ. Такъ какъ, однако, человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, и въ реальномъ мірѣ мы никогда не наблюдаемъ психическихъ явленій, которыя не были бы связаны съ явленіями тѣлесными, то весьма важно понять взаимныя отношенія духа и тѣла въ человѣческомъ существованіи.

Одною изъ важнѣйшихъ задачъ современнаго естествознанія является именно опредѣленіе того мѣста, какое человѣкъ занимаетъ въ природѣ, и тѣхъ отношеній, въ какихъ находятся между собою въ каждомъ человѣкѣ матеріальная и духовная сторона его бытія. Этой цѣли естествознаніе достигаетъ, во-первыхъ, изучая человѣка сравнительно съ другими живыми существами, а во-вторыхъ, изслѣдуя психическія явленія въ связи съ физіо-

логическими процессами, происходящими въ человѣкѣ (психо-физіологія). Въ первомъ отношеніи современная біологія исходитъ изъ идеи эволюціи, разсматривая человѣка, какъ продуктъ постепеннаго развитія низшихъ формъ животной жизни, и стремится вывести высшія проявленія духа и общественности человѣка изъ зачатковъ того и другой, наблюдаемыхъ у другихъ животныхъ. Этимъ самымъ она стираетъ ту рѣзкую грань, которую прежде полагали между природой и человѣкомъ. Съ другой стороны, изслѣдуя элементарные процессы психическаго характера, такъ сказать, еще сливающіяся съ процессами чисто физіологическими, психо-физіологія, которую справедливо считаютъ наукою естественною, старается подмѣтить ту несомнѣнную тѣсную связь, какая въ мірѣ, доступномъ опытному знанію, существуетъ между духомъ и матеріей.

Эволюціонная біологія, разсматривающая человѣка, какъ высшее звено органическаго развитія, и психо-физіологическія изслѣдованія, изучающія связь душевныхъ явленій съ явленіями тѣлесными, оказали весьма сильное вліяніе на современное міросозерцаніе, поставивъ человѣка на подобающее ему мѣсто въ природѣ и положивъ начало выясненію природы самого человѣка. Изъ тѣхъ открытій, которыя въ обоихъ отношеніяхъ сдѣланы были во второй половинѣ XIX вѣка, многіе пытались вывести общій взглядъ на сущность того самаго міра природы, часть коего составляетъ и человѣкъ.

Отъ научнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ души и тѣла нужно отличать метафизическій вопросъ объ основной субстанціи міра явленій. Научные вопросы касаются предметовъ, доступныхъ опытному знанію, а къ числу именно такихъ предметовъ и относятся явленія, коими занимается психо-физіологія. Совсѣмъ другое дѣло — во-

просы метафизическіе: они касаются не міра явленій, а того, что, какъ выражаются философы, лежитъ по ту сторону явленій, что составляетъ ихъ сущность, недоступную опыту и наблюденію, однимъ словомъ, что не можетъ быть предметомъ достовѣрнаго знанія. Если не считать той теоріи знанія, которая ограничиваетъ его возможность лишь міромъ явленій, т.-е. не допускаетъ возможности знанія чего-либо, лежащаго за предѣлами опыта, мыслители, стремившіеся проникнуть въ сущность вещей, всегда предполагали, что эта сущность или духовна, или вещественна, откуда противоположныя метафизики спиритуализма и матеріализма (рядомъ съ которыми, впрочемъ, существуетъ еще дуализмъ, кладущій въ основу міра оба начала). Спиритуализмъ и матеріализмъ, будучи оба ученіями метафизическими, т.-е. внѣнаучными и догматическими, т.-е. основанными на своего рода вѣрѣ, а не на критическомъ знаніи, родственны въ томъ отношеніи, что стремятся свести явленія одной категоріи на явленія другой, какъ на ихъ основную сущность, будетъ ли таковою признаваться духъ или матерія. На самомъ дѣлѣ понятія духа и матеріи суть только обобщенныя выраженія двоякаго рода явленій, данныхъ человѣку въ его опытѣ, который, какъ извѣстно, раздѣляется на опытъ внѣшній и опытъ внутренній. То, что является намъ въ опытѣ внѣшнемъ при посредствѣ нашихъ чувствъ (зрѣнія, слуха, осязанія, вкуса и обонянія), мы познаемъ, какъ матерію, а тѣ явленія, которыя непосредственно происходятъ въ нашемъ опытѣ внутреннемъ (мысли, чувствованія, желанія) и выражаются внѣ насъ въ нашихъ словахъ и дѣйствіяхъ съ возникающими на ихъ основѣ общественными отношеніями, мы обозначаемъ, какъ явленія духовныя. Матерія и духъ суть одинаково явленія, а не сущности въ мета-

физическомъ смыслѣ. Безъ догматизма, удовлетворяющагося вѣрою въ непонятное и чисто словесными объясненіями, нельзя свести ни матерію на духъ, ни духъ на матерію, и остается предположить, что матерія и духъ суть лишь двѣ стороны или два способа проявленія для насъ одной и той же міровой сущности, недоступной ни внутреннему, ни внѣшнему опыту нашему, а потому и не могущей быть предметомъ знанія.

Міръ природы познается нами въ опытѣ внѣшнемъ, для котораго всѣ предметы являются, какъ матерія. Въ виду этого естествознаніе ближе стоитъ къ матеріалистическому міросозерцанію, хотя и не можетъ дать ему прочной основы, поскольку вопросъ о правильности или неправильности матеріализма, какъ метафизическаго ученія, рѣшается лишь на почвѣ философіи, изслѣдующей не только вопросы бытія, но и вопросы знанія. Можно принимать всѣ конечные выводы естествознанія относительно общихъ свойствъ того, что̀ мы называемъ матеріей, и въ то же время не признавать матеріи за всеобщую и основную сущность міра. Послѣдняго отношенія даже прямо требуетъ критическая философія, доказывающая, что эта всеобщая и основная сущность непознаваема. Признаніе за человѣкомъ того мѣста въ природѣ, какое ему отводитъ современная эволюціонная біологія, и признаніе той зависимости, въ какую ставитъ современная психо-физіологія душевныя явленія отъ явленій физіологическихъ, не есть матеріализмъ, ибо этимъ отнюдь не предрѣшается вопросъ о міровой сущности, противополагаемой міру явленій, тѣмъ болѣе, что въ обоихъ случаяхъ констатируются только факты, наблюдаемые въ мірѣ явленій, тогда какъ матеріализмъ есть ученіе, стремящееся возвести вещество на степень общаго основанія, лежащаго подъ всѣми явленіями міра. Мало того, современная психо-физіологія,

изслѣдующая между прочимъ дѣятельность нашихъ внѣшнихъ чувствъ, какъ органовъ, при посредствѣ коихъ мы познаемъ вещественные предметы. разрушаетъ наивное представленіе о матеріи, будто бы существующей внѣ насъ совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ мы познаемъ ее посредствомъ органовъ зрѣнія, слуха, осязанія, вкуса и обонянія, — и въ этомъ отношеніи только подкрѣпляетъ выводы критико-философской теоріи познанія. Мы познаемъ предметы не такими, какими они суть, а такими, какими они намъ являются въ зависимости отъ устройства нашихъ органовъ чувствъ и отъ основныхъ условій нашей познавательной способности.

Явленія духа познаются нами непосредственно въ нашемъ внутреннемъ опытѣ. Каждый знаетъ такимъ образомъ только свое собственное *я* и предполагаетъ существованіе такого же *я* у всѣхъ другихъ людей лишь на основаніи внѣшнихъ проявленій внутренней психической жизни въ мимикѣ лица, въ тѣлодвиженіяхъ, въ словахъ и поступкахъ того или другого человѣка. То, что мы назвали міромъ человѣка въ отличіе отъ міра природы, суть прежде всего внутреннія, психическія состоянія людей, ихъ мысли, чувствованія, желанія, затѣмъ всѣ внѣшнія проявленія этихъ внутреннихъ состояній, далѣе, то духовное взаимодѣйствіе, въ которое вступаютъ между собою люди, со всѣми продуктами этого взаимодѣйствія и, наконецъ, выростающія на этой почвѣ постоянныя формы отношеній между людьми, называемыя общественнымъ устройствомъ. Этотъ міръ, заключенный въ мірѣ природы, подвергающійся съ ея стороны разнообразнымъ вліяніямъ и воздѣйствіямъ, даже прямо ею обусловленный, мы тѣмъ не менѣе не можемъ мыслить иначе, какъ существеннымъ образомъ отъ нея отличнымъ. Если одинъ есть міръ матеріи, другой есть міръ духа, а матерія и

духъ суть двѣ великія противоположности нашего знанія, два понятія, подъ которыя мы подводимъ всѣ явленія, доступныя нашему опыту и наблюденію. Науки, изучающія міръ духа въ широкомъ смыслѣ этого слова, всегда болѣе или менѣе были благопріятны для спиритуалистической метафизики, которая не только отрицала возможность построить знаніе этого міра на понятіи матеріи, но даже стремилась самый міръ матеріи вывести изъ нематеріальнаго начала. Однако, признаніе за духовными явленіями полной ихъ особности, т.-е. признаніе коренныхъ отличій между духомъ и матеріей отнюдь еще не влечетъ за собою, какъ необходимое слѣдствіе, перенесенія понятія о духѣ, образовавшагося на почвѣ внутренняго опыта и на почвѣ наблюденій надъ внутреннею жизнью другихъ, за предѣлы міра явленій. Понятіе духа есть такое же обобщеніе нашего ума для одного рода явленій, какимъ для другого рода явленій мы признаемъ понятіе матеріи. Какъ съ основными предположеніями матеріализма еще можно объяснить явленія, совокупность коихъ составляетъ міръ природы, но нельзя, оставаясь вполнѣ послѣдовательнымъ, объяснить всѣ явленія въ мірѣ человѣка, такъ, наоборотъ, и спиритуализмъ, кое-какъ еще справляющійся съ объясненіемъ міра человѣка, совершенно безсиленъ объяснить намъ міръ матеріальной природы.

Кто хочетъ понять природу и человѣка, матерію и духъ, тотъ не долженъ быть ни матеріалистомъ, ни спиритуалистомъ, какъ ни неудовлетворительнымъ можетъ показаться для нашей жажды знанія такой выводъ: матерія и духъ суть два различныя, одно на другое несводимыя проявленія (т.-е. намъ являющіяся и потому доступныя знанію) одной и той же сущности, которая остается для насъ непознаваемой и которую поэтому нельзя

мыслить ни въ формахъ матеріи, ни въ формахъ духа. Таковъ и есть на самомъ дѣлѣ главный результатъ такъ называемой критической философіи, сводящейся къ теоріи человѣческаго познанія.

То же самое требованіе отказа отъ рѣшенія метафизической задачи о сущности вещей, лежащей въ основѣ міра явленій, представляетъ и такъ-называемая положительная философія (позитивизмъ), которая съ особенною настойчивостью вооружается противъ всякой метафизики въ дѣлѣ изученія явленій міра человѣческаго и въ особенности въ дѣлѣ изученія общества. Весьма долгое время гуманитарныя (и въ ихъ числѣ соціальныя) науки были проникнуты метафизическими идеями, пока и на эту область знанія не были распространены принципы строго научнаго метода, ранѣе всего начавшіе вырабатываться и примѣняться въ естествознаніи. Въ настоящее время принято, что міръ человѣка долженъ изучаться совершенно такъ же, какъ изучается міръ природы, т.-е., во-первыхъ, въ основу изученія міра человѣка кладется наблюденіе надъ явленіями духовнаго и общественнаго характера, а во-вторыхъ, изъ этой области знанія изгоняются метафизическія предположенія, цѣлью которыхъ было бы объяснять психическія и соціальныя явленія изъ началъ, лежащихъ внѣ сферы, доступной опытному знанію. Вопросы психологіи и соціологіи были поставлены на научную почву, т.-е. на почву положительнаго знанія лишь тогда, когда къ изученію человѣка въ духовной и общественной сторонахъ его бытія были примѣнены тѣ цѣли, къ которымъ стремится естествознаніе въ изученіи матеріальной природы, и тѣ пути, идя по которымъ естествознаніе доискивается истины.

Именно, впервые на почвѣ естественныхъ наукъ возникла и развилась идея о закономѣрности, коей подчинены

всѣ явленія, доступныя нашему знанію. Одною изъ главныхъ задачъ каждой науки сдѣлалось открытіе общихъ законовъ, коимъ подчиняются отдѣльныя категоріи явленій, т.-е. открытіе постоянныхъ и необходимыхъ отношеній, существующихъ между одновременными и послѣдовательными явленіями. Идея единообразія, господствующаго въ природѣ, единообразія, подмѣченнаго ранѣе всего въ явленіяхъ матеріальной природы, была перенесена и на изученіе духовной и общественной жизни человѣка. Въ этомъ отношеніи современное міросозерцаніе признаетъ существованіе нѣкоторыхъ общихъ началъ, коимъ одинаково подчинены явленія въ природѣ и въ жизни человѣка, явленія матеріальныя и явленія духовныя. Таковы идеи закономѣрности всѣхъ процессовъ, совершающихся въ мірѣ явленій, причинности, не допускающей того, чтобы какое бы то ни было явленіе не имѣло своего основанія въ другомъ какомъ-либо явленіи, и т. п. Вмѣстѣ съ теоріей знанія совокупность подобныхъ истинъ, составляющая какъ бы теорію бытія (бытія, конечно, феноменальнаго, т.-е. существованія явленій), образуетъ своего рода общую философію міра безъ раздѣленія его на матеріальную и духовную области и безъ подраздѣленія послѣднихъ на болѣе частныя категоріи явленій.

Всѣ явленія въ мірѣ, которыя мы раздѣлили на матеріальныя и духовныя, подраздѣляются еще на болѣе частныя категоріи. Въ природѣ мы отличаемъ неорганическую матерію отъ матеріи организованной, а въ неорганической природѣ сверхъ того — явленія механическія, физическія и химическія. Равнымъ образомъ въ мірѣ человѣка мы полагаемъ разницу между явленіями духовными въ тѣсномъ смыслѣ и явленіями общественными. Каждая категорія явленій — мертвая природа, жизнь, духъ, общество — подчинена своимъ собственнымъ законамъ и

притомъ такъ, что чѣмъ явленія болѣе общи и менѣе зависимы отъ явленій другихъ категорій, тѣмъ они проще, и тѣмъ легче открываются управляющіе ими законы. Самыми общими, наиболѣе независимыми, а потому и наиболѣе простыми, конечно, всякій долженъ признать явленія, изучаемыя механикой, физикой и химіей: неорганизованная матерія наполняетъ всю вселенную, и свойства этой матеріи не зависятъ отъ явленій другихъ категорій; потому и изучающія ее науки ранѣе другихъ достигли высшей ступени развитія. Органическая жизнь представляетъ собою явленіе уже менѣе общее и болѣе зависимое, а кромѣ того и болѣе сложное: лишь часть матеріи, и притомъ самая незначительная, является намъ организованною, и жизненные процессы составляютъ лишь исключеніе среди процессовъ чисто механическихъ, физическихъ и химическихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ всякое живое существо, повинуясь общимъ законамъ всякой жизни, зависитъ еще отъ дѣйствія законовъ механики, физики и химіи, по отношенію къ коимъ законы жизни являются своего рода усложняющимъ придаткомъ; вотъ почему и науки, изучающія явленія органической жизни и называющіяся біологическими, не достигли того совершенства, какимъ могутъ гордиться науки о неорганизованной матеріи. То, что представляютъ собою біологическія явленія среди мертвой природы, то же самое представляютъ собою явленія психическія въ мірѣ органической жизни: они еще менѣе часты, чѣмъ явленія біологическія, еще болѣе, чѣмъ послѣднія, обусловлены, и еще ихъ сложнѣе; но подобно тому, какъ у жизни есть свои законы, не сводящіеся на законы наукъ, изучающихъ неорганизованную матерію, такъ точно и духъ имѣетъ свои законы, которыхъ тѣмъ болѣе нельзя свести на законы біологіи и подавно на законы такихъ наукъ, какъ химія,

физика и механика, что между всѣми матеріальными явленіями, съ одной стороны, и явленіями психическими, съ другой, существуетъ такая громадная разница. Признавая обусловленность психическихъ явленій явленіями физіологическими, мы, никоимъ образомъ не впадая въ матеріалистическую метафизику, въ сущности притомъ ничего не объясняющую, не можемъ видѣть въ физіологическихъ процессахъ источникъ явленій духовныхъ и разсматривать духъ, какъ простое осложненіе жизни, совершающейся въ организованной матеріи. Наименѣе общими и наиболѣе зависимыми отъ другихъ явленій, а потому самыми сложными и трудными для изученія мы должны. наконецъ. признать явленія общественныя, которыя, основываясь непосредственно на явленіяхъ чисто духовнаго характера, тѣмъ не менѣе подчиняются собственнымъ своимъ законамъ, подвергаясь въ то же время дѣйствію условій, находящихся не только въ духовной области, но и въ мірѣ организованной и неорганизованной матеріи. Порядокъ явленій физико-химическихъ, біологическихъ, психологическихъ и соціологическихъ есть порядокъ убывающей общности и возрастающей зависимости—зависимости общественныхъ явленій отъ духовныхъ, этихъ послѣднихъ—отъ жизненныхъ (въ смыслѣ обусловленности, а не источника), жизненныхъ же—отъ явленій, совершающихся въ мірѣ неорганизованнаго вещества. Въ этомъ порядкѣ происходила и міровая эволюція: наша солнечная система и нашъ земной шаръ были созданы дѣйствіемъ силъ механическихъ, физическихъ и химическихъ; органическая жизнь на землѣ явилась лишь послѣ того, когда земля пережила уже длинный періодъ въ качествѣ самостоятельнаго небеснаго тѣла, отдѣлившагося отъ первобытной безформенной массы; потребовалось весьма длинное развитіе жизни прежде, нежели среди живыхъ

существъ могли проявиться первые проблески духа, и, наконецъ, только на извѣстной стадіи психическаго развитія сдѣлались возможными явленія общественности. Такимъ образомъ, среди явленій болѣе общихъ и болѣе простыхъ возникали явленія болѣе частныя и сложныя и притомъ существенно новыя, подчиняющіяся законамъ, такъ сказать, высшаго порядка. Чѣмъ менѣе общи и сложны явленія, тѣмъ легче открываются управляющіе ими законы, и тотъ порядокъ, который только-что былъ представленъ, былъ порядокъ, въ какомъ отдѣльныя науки достигали положительной ступени развитія. Ранѣе всего получила вполнѣ научный характеръ математика, за которою слѣдовали механика, физика, химія, потомъ біологія, позднѣе же всего стали переходить на степень положительныхъ наукъ психологія и соціологія. Степень совершенства названныхъ наукъ и въ наше время опредѣляется опять-таки этимъ же іерархическимъ порядкомъ.

Обратимъ теперь вниманіе лишь на двѣ стороны въ разсмотрѣнныхъ нами отношеніяхъ, какія существуютъ между явленіями низшихъ и высшихъ порядковъ, считая самыми низшими явленія, происходящія въ мертвой природѣ, самыми высшими—явленія общественныя, въ коихъ находитъ послѣднее выраженіе духовная природа человѣка. Первая сторона заключается въ томъ, что высшія явленія зависятъ отъ низшихъ, вторая же—въ томъ, что въ высшихъ явленіяхъ всегда можно обнаружить нѣчто, не сводимое безъ остатка на явленія низшихъ порядковъ, нѣчто, такъ сказать, новое и представляющее собою самостоятельный принципъ данной области. Въ наибольшей мѣрѣ это наблюдается при переходѣ отъ міра матеріи къ міру духа, въ болѣе слабой степени—при переходѣ отъ явленій физико-химическихъ къ біологическимъ и отъ психологическихъ къ соціологическимъ, т.-е., съ одной

стороны, явленія, происходящія въ организованной природѣ, болѣе тѣсно связаны съ явленіями, совершающимися въ неорганической природѣ, съ другой—болѣе тѣсно связаны между собою явленія общественной жизни человѣка съ явленіями его духовной жизни. Первый принципъ, принципъ зависимости явленій высшаго порядка отъ явленій порядковъ низшихъ вноситъ въ современное пониманіе міра человѣка извѣстный реализмъ и именно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, міръ человѣка не изучается отдѣльно отъ міра природы, въ коемъ онъ существуетъ и коимъ многоразлично обусловливается, а во-вторыхъ, къ изученію человѣческой жизни, какъ личной, такъ и общественной, въ настоящее время подъ вліяніемъ естествознанія примѣняются и тѣ задачи, и тѣ способы изслѣдованія, которые дали столь плодотворные результаты въ изученіи природы. Задача науки — понять дѣйствительность въ ея отдѣльныхъ фактахъ (конкретныхъ явленіяхъ) и постоянныхъ отношеніяхъ (абстрактныхъ законахъ), и въ этомъ заключается реализмъ науки; путь же, посредствомъ коего она разрѣшаетъ эту задачу, можетъ быть опредѣленъ, какъ постоянное подчиненіе отвѣтовъ, даваемыхъ нами на тѣ или другіе вопросы, объективнымъ даннымъ познаваемой дѣйствительности, короче говоря, подчиненіе знанія его предмету (объекту). Реализмъ и объективизмъ, какъ самыя важныя условія научности, впервые развились на почвѣ естествознанія, и перенесеніе ихъ въ область наукъ гуманитарныхъ было громаднымъ шагомъ впередъ на пути научнаго пониманія человѣческой жизни въ ея личныхъ и общественныхъ проявленіяхъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что гуманитарныя науки безусловно и цѣликомъ должны быть подчинены принципамъ и методамъ естествознанія: на основаніи другого положенія, выставлен-

наго нами, положенія о томъ, что въ явленія высшаго порядка привходитъ нѣчто новое, требующее, конечно, и постановки новыхъ задачъ и примѣненія новыхъ пріемовъ, мы никоимъ образомъ не должны считать исчерпывающимъ всѣ вопросы то общее отношеніе къ предмету знанія, которымъ характеризуется естествознаніе. Наприм., въ психологіи кромѣ наблюденія и опыта (эксперимента), коими пользуется естествознаніе, возможно еще самонаблюденіе.

Не перечисляя всѣхъ особенностей наукъ гуманитарныхъ, отличающихъ ихъ отъ естествознанія, мы ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на то, что реализмъ и объективизмъ естественныхъ наукъ должны быть въ дѣлѣ изученія и пониманія индивидуальной и соціальной жизни человѣка пополнены тѣмъ, чему мы въ противоположность объективизму и реализму даемъ названіе субъективизма и идеализма. Эта необходимость вытекаетъ изъ того новаго, которое является въ мірѣ человѣка по сравненію его съ міромъ природы.

Реализмъ и объективизмъ требуютъ изученія того, что есть, какъ оно есть. Прежнія теоріи общества часто грѣшили въ томъ отношеніи противъ научнаго реализма, что строились не на основаніи изученія фактическихъ отношеній, т.-е. дѣйствительности, а путемъ выведенія однихъ отвлеченныхъ понятій нашего ума изъ другихъ такихъ же понятій, что весьма характерно было названо идеологіей, а съ другой стороны, дѣйствительнымъ отношеніямъ приписывались такія свойства, коихъ отношенія эти не имѣли, но которыя доказывались тѣми же отвлеченными идеями объ этихъ отношеніяхъ, вслѣдствіе чего происходила идеализація дѣйствительности. Идеалистическое и субъективное направленіе подобнаго рода противорѣчило истинному реализму и объективизму науки,

ибо тутъ предметомъ изученія дѣлалась не настоящая дѣйствительность, а нѣкоторыя отвлеченныя идеи, и дѣйствительность эта представлялась не такою, какова она на самомъ дѣлѣ, а какою мы безсознательно желали бы ее видѣть. Реализмъ и объективизмъ, развившіеся на почвѣ естествознанія и перенесенные оттуда въ область наукъ гуманитарныхъ, изгнали изъ этой области то, что мы сейчасъ только обозначали именами идеологіи и идеализаціи; но они, реализмъ этотъ и этотъ объективизмъ, не могутъ устранить изъ этой области идеализма и субъективизма иного рода. Въ дѣлахъ человѣческихъ, включая въ ихъ число и общественныя отношенія, мы желаемъ знать не только то, что̀ есть, но и то, что̀ должно быть, и вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ не только понимать, какъ происходитъ или происходило то, что̀ есть и что̀ было, но и оцѣнивать все это съ точки зрѣнія нашихъ представленій о томъ, что̀ должно быть. Идеализмъ, котораго реализмъ не имѣетъ надобности и права устранять, есть именно творчество идеаловъ въ смыслѣ идей о должномъ въ личной и общественной жизни людей,—направленіе, возможное и законное лишь въ изученіи міра человѣка, и только въ этомъ также мірѣ возможенъ и законенъ субъективизмъ, принимая его въ смыслѣ оцѣнки существующаго, субъективизмъ, лишь дополняющій объективизмъ. Здѣсь мы хотимъ знать не только то, что̀ есть, но и что̀ должно быть, не только понимать реальныя отношенія дѣйствительности, но и оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ. Надлежитъ только не смѣшивать задачъ изслѣдованія дѣйствительности съ задачами творчества идеаловъ, пріемовъ пониманія дѣйствительности съ пріемами ея оцѣнки. Такова законная роль идеализма и субъективизма въ наукахъ гуманитарныхъ подъ двумя, однако, условіями, во-первыхъ, чтобы при

этомъ ни малѣйшимъ образомъ не нарушались требованія реализма и объективизма и чтобы подъ покровомъ идеализма и субъективизма не проникала въ науку метафизика, переносящая изслѣдованіе изъ міра явленій въ недоступный знанію міръ сущностей, или вещей въ самихъ себѣ.

Съ разсмотрѣнной точки зрѣнія къ міру человѣка возможно двоякое отношеніе, одно совершенно такое же, какъ въ естествознаніи, т.-е. реалистическое и объективное, другое, свойственное лишь гуманитарнымъ знаніямъ, идеалистическое и субъективное, причемъ второе не должно противорѣчить первому, а должно его лишь только дополнять. Мы можемъ назвать первое научнымъ отношеніемъ по преимуществу, второе тогда можно назвать отношеніемъ этическимъ. Такое этическое отношеніе возможно лишь къ міру человѣка, къ явленіямъ духа и общества, и оно должно составлять весьма важную сторону человѣческаго міросозерцанія. Человѣкъ въ своемъ теоретическомъ отношеніи къ дѣйствительности не можетъ ограничиться однимъ ея пониманіемъ безъ всякой ея оцѣнки, да и не можетъ ограничиться однимъ теоретическимъ къ ней отношеніемъ, имѣя нужду въ руководящихъ началахъ своей практической жизни, причемъ должны быть удовлетворены не однѣ нужды его тѣлесной жизни, но и потребности его духа. Изгнаніе изъ наукъ гуманитарныхъ этическаго начала превратило бы живое знаніе въ мертвую ученость. Поэтому рядомъ съ науками о человѣческомъ духѣ и о человѣческомъ обществѣ, каковы они есть (психологія и соціологія), существуетъ наука о томъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ и чѣмъ должно быть общество, наука, которой дается названіе этики, хотя подъ послѣднею обыкновенно разумѣютъ ученіе лишь о явленіяхъ и принци-

пахъ нравственныхъ, не затрогивая области отношеній политическихъ (соціальной этики).

Въ этикѣ, взятой и въ личномъ, и въ общественномъ смыслѣ, рѣшаются высшіе вопросы человѣческаго бытія, вопросы о назначеніи человѣка, о принципахъ его поведенія, объ основахъ, на коихъ должны покоиться взаимныя отношенія людей, о справедливости въ отношеніяхъ общественныхъ Здѣсь мы изъ міра явленій переходимъ въ міръ идей, изъ области знанія—въ область вѣры, понимаемой въ смыслѣ не того, что́ человѣкъ знаетъ, но чего желаетъ и къ чему стремится.

Вся область нашего знанія находится между двумя границами непознаваемаго: одно непознаемое лежитъ по ту сторону матеріи, другое—по ту сторону духа, но если одно непознаваемое есть загадка для нашего ума, другое непознаваемое влечетъ къ себѣ нашу волю, которая ищетъ высшаго руководства въ этическихъ идеяхъ, какую бы теоретическую подкладку—религіозную, метафизическую или научную—эти идеи ни получали въ отдѣльныхъ случаяхъ. При полномъ нейтралитетѣ между матеріализмомъ и спиритуализмомъ, какъ теоретическими попытками понять, въ чемъ заключается основа міра явленій, нельзя не сказать, что въ практическомъ отношеніи къ задачамъ этики, конечно, всегда ближе стоялъ спиритуализмъ, ибо основу этическихъ стремленій человѣка можно понятнымъ образомъ искать лишь въ духѣ, а не въ матеріи.

II. О научномъ изученіи матеріальной природы.

Критическая философія совершенно устраняетъ метафизику въ смыслѣ „науки о вещахъ, лежащихъ внѣ

всякаго возможнаго опыта, или апріорнаго построенія дѣйствительности въ смыслѣ понятій". Съ этой точки зрѣнія критическая философія одинаково устраняетъ какъ матеріалистическую, такъ и спиритуалистическую метафизику, не исключая и метафизики дуалистической, которая, не пытаясь свести всѣ явленія міра къ одному началу, признаетъ независимое бытіе двухъ основныхъ сущностей—матеріи и духа. Для критической философіи матерія и духъ суть явленія, а не сущности, и можно только предположить, удовлетворяя потребности нашего ума свести всѣ явленія къ высшему единству (монизмъ въ противоположность дуализму), что матерія и духъ суть лишь различныя формы явленія одной и той же недоступной познанію нашему (агностицизмъ) сущности.

Основное воззрѣніе матеріализма, какъ особаго вида метафизики, сводится къ тому, что міровая сущность есть протяженная и непроницаемая матерія, дѣятельность коей выражается въ движеніи. Такой взглядъ, если только устранить то соображеніе, что сущность вещей недоступна нашему познанію, составляетъ вполнѣ удовлетворительную предпосылку для объясненія всей тѣлесной природы и происходящаго въ ней движенія, и въ этомъ отношеніи матеріализмъ всегда стремился обосновать себя на естествознаніи, да и натуралисты для цѣлей своихъ научныхъ изслѣдованій и построеній могли очень хорошо обходиться безъ всякой нематеріалистической философіи. Но матеріализмъ на этомъ не останавливается, стремясь дать объясненіе изъ одного вещественнаго начала всѣмъ явленіямъ дѣйствительности, не исключая и явленій сознанія. Ссылаясь на тотъ фактъ, что психическія явленія даны въ опытѣ только въ самой тѣсной связи съ извѣстными физическими явленіями, въ частности съ дѣятельностью нервной системы животныхъ, это міровоззрѣ-

ніе ищетъ причины душевныхъ явленій въ особыхъ свойствахъ животныхъ организмовъ, разсматривая ихъ, какъ отправленіе (функцію) нервной системы: „мысль есть такое же выдѣленіе мозга, какъ желчь—выдѣленіе печени“. Да и сами явленія сознанія, которыя мы представляемъ себѣ вполнѣ своеобразными и неподлежащими сравненію съ тѣлесными предметами, съ такой точки зрѣнія должны быть приняты за особыя видоизмѣненія всего того же движенія, какъ формы дѣятельности, присущей матеріи. Вся дѣйствительность есть матерія и движеніе, а то, что мы называемъ душою и сознаніемъ, суть не что иное, какъ извѣстныя преобразованія матеріи и движенія въ немногихъ пунктахъ и въ немногіе моменты безконечнаго пространства, наполненнаго матеріей, и безконечнаго времени, въ коемъ совершается движеніе.

Свои аргументы матеріализмъ заимствуетъ изъ данныхъ и выводовъ естествознанія, именно изъ физики и химіи, изъ физіологіи и изъ космологіи, но всѣ эти аргументы могутъ быть вполнѣ убѣдительны лишь для того, кто допускаетъ возможность знанія сущности вещей и кто за такую сущность, а не за явленіе только, признаетъ именно матерію. Задача философіи въ этомъ отношеніи состоитъ не только въ томъ, чтобы опредѣлить условія, свойства и границы нашей познавательной способности, но и подвергнуть критическому анализу самое понятіе матеріи. Конечно, общее ученіе о матеріи должно разрабатываться въ естествознаніи вообще и болѣе частнымъ образомъ въ такихъ наукахъ, какъ физика и химія, но эти послѣднія, какъ таковыя, т.-е. въ качествѣ наукъ объ извѣстныхъ явленіяхъ (движеніяхъ), происходящихъ въ матеріи, для своихъ спеціальныхъ цѣлей вовсе не нуждаются въ такомъ анализѣ понятія матеріи, который давалъ бы отвѣтъ на вопросъ о всеединой и всеоб-

щей сущности всѣхъ явленій Другими словами, физикъ и химикъ могутъ превосходно справляться съ своими научными задачами, даже оставаясь при томъ наивномъ пониманіи вещества, которое лежитъ въ основѣ матеріалистической метафизики. Однимъ изъ важныхъ пріобрѣтеній философіи было какъ-разъ разрушеніе этого взгляда, только-что названнаго нами наивнымъ.

Спросите любого человѣка, которому никогда не приходили въ голову никакія сомнѣнія о достовѣрности того знанія, какое мы имѣемъ о внѣшнемъ мірѣ, — спросите его, что̀ такое всѣ тѣла, видимыя имъ вокругъ, что̀ такое вещество, изъ коего эти тѣла состоятъ. Отвѣтъ его будетъ очень простъ; такъ какъ наши представленія похожи на самыя вещи, нами познаваемыя, подобно сходству, существующему между копіями и оригиналами, между отпечаткомъ и печатью, то внѣ насъ существуютъ тѣлесные предметы именно такими, какими они являются въ нашихъ представленіяхъ, т-е. протяженными, непроницаемыми, имѣющими извѣстную форму, цвѣтъ, вкусъ, запахъ и т. п. Одна изъ естественныхъ же наукъ, именно та самая физіологія, въ которой матеріализмъ ищетъ своихъ аргументовъ, совершенно разрушаетъ такой наивный взглядъ на матеріальную дѣйствительность, насъ окружающую. Вотъ именно въ чемъ дѣло. Я вижу сахаръ бѣлымъ и ощущаю его сладкій вкусъ: значитъ ли это, что сахару объективно принадлежатъ свойства, которыя мы называемъ бѣлизною и сладостью, или же это значитъ, что сахару свойственно нѣчто такое, что возбуждаетъ въ насъ субъективныя ощущенія бѣлизны и сладости? Наивное воззрѣніе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, наука — во второмъ. Кто учился элементарной физикѣ, тотъ знаетъ, что ощущеніе свѣта вызывается волнообразнымъ движеніемъ эѳира, ощущеніе звука — такимъ же

движеніемъ воздуха или иной какой-либо упругой среды. Свѣтъ и звукъ столь же мало похожи на возбуждающія ихъ колебанія эѳира и воздуха, сколь и вообще должны быть непохожи ощущенія, получаемыя нами отъ внѣшняго міра, на этотъ самый внѣшній міръ. Все, что мы знаемъ о находящихся внѣ насъ предметахъ, докладывается намъ органами нашихъ чувствъ. совершенно преобразовывающими объективныя свойства этихъ предметовъ въ нѣчто иное, субъективное и столь же отъ объективнаго отличное, какъ отлично ощущеніе свѣта или звука отъ колебательнаго движенія матеріальныхъ частицъ. Качества, приписываемыя нами тѣлеснымъ вещамъ, поэтому не суть качества самихъ этихъ вещей, а наши субъективныя воспріятія, и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ основаній дѣлать какое-либо различіе между качествами, которыя существуютъ лишь въ отношеніи къ нашей чувственности (цвѣтъ, вкусъ, запахъ и т. п.), и качествами, будто бы отъ этихъ послѣднихъ отличающимися своею принадлежностью самимъ вещамъ. Протяженность и непроницаемость, приписываемыя нами матеріи, суть въ такомъ же смыслѣ содержаніе того, что намъ о внѣшнемъ мірѣ докладываютъ зрѣніе и осязаніе, въ какомъ звукъ—содержаніе того, что докладываетъ намъ чувство слуха. Тѣлесности предметовъ не существовало бы для человѣка безъ чувствъ зрѣнія и осязанія съ ощущеніемъ собственнаго тѣла, совершенно такъ же, какъ для слѣпого не существуетъ цвѣтности предметовъ, и наоборотъ, если бы къ нашимъ органамъ чувствъ прибавился одинъ или нѣсколько новыхъ, которые инымъ образомъ докладывали бы намъ о внѣшнемъ мірѣ, мы приписали бы матеріи и новыя качества. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы, желая быть вполнѣ послѣдовательными, лишаемся какого бы то ни было права утверждать, что и внѣ нашего

міра представленій существуетъ нѣчто подобное нашему представленію матеріи. Если даже и признавать возможность познанія сущности вещей и за таковую признавать матерію, то во всякомъ случаѣ эту матерію нельзя мыслить тождественною съ тою, какую мы находимъ лишь въ нашемъ представленіи. Но то, что выходитъ за предѣлы міра представленій, который и есть то же, что міръ явленій, можетъ быть предметомъ догадки, фантазіи и вѣры, а никакъ не принципомъ объясненія явленій, доступныхъ нашему знанію.

Таково главное теоретическое возраженіе, какое можетъ сдѣлать критическая философія противъ догматической метафизики матеріализма. Съ другой стороны, весьма распространеннымъ является убѣжденіе, въ силу коего матеріализмъ долженъ считаться ученіемъ вреднымъ и опаснымъ съ моральной точки зрѣнія, даже прямо ученіемъ безнравственнымъ. Безпристрастные критики матеріализма находятъ неосновательнымъ такое утвѣрженіе, исходя отъ того положенія, что наше поведеніе опредѣляется не теоретическими нашими взглядами на сущность вещей, а другими условіями, центръ тяжести коихъ нужно искать не въ умѣ, а въ волѣ, и это общее соображеніе доказывается многими примѣрами соединенія въ мысли и жизни однихъ и тѣхъ же людей, съ одной стороны, матеріалистической метафизики съ этическимъ идеализмомъ, а съ другой — теоретическаго спиритуализма съ практическимъ матеріализмомъ, ничего не вѣдающимъ ни о нравственности, ни о совѣсти, ни о любви къ ближнему и уваженіи къ его правамъ, ни о долгѣ. О таковомъ возраженіи матеріализму здѣсь нужно было упомянуть, дабы указать на то, что приведенныя выше теоретическія возраженія не имѣютъ ничего общаго съ точкой зрѣнія, съ которой къ исканію истины подходятъ съ мѣркою пользы

или вреда. Очень часто матеріалисты пользовались успѣхомъ въ обществѣ именно потому, что съ своими теоретическими объясненіями, во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительными для ума, соединяли нравственную проповѣдь, говорившую очень много какъ-разъ именно высшимъ потребностямъ духа, хотя бы послѣдній и разсматривался, какъ продуктъ или функція матеріи.

Философская критика матеріализма направляется, собственно говоря, лишь противъ двухъ положеній этого метафизическаго ученія. Она говоритъ, во-первыхъ, слѣдующее: нельзя доказать, чтобы матерія, какъ мы ее себѣ представляемъ не только на основаніи непосредственныхъ воспріятій, но и на основаніи научнаго изслѣдованія, была сущностью вещей, и наоборотъ, доказывается то, что матерія, взятая даже въ наиболѣе абстрактномъ смыслѣ, есть явленіе, т.-е. представленіе нашего ума о нѣкоторомъ недоступномъ познанію нашему бытіи. Во-вторыхъ, эта критика говоритъ, что нѣтъ возможности доказать сводимость всѣхъ духовныхъ явленій къ чисто-матеріальному источнику, какъ, впрочемъ, не можетъ быть доказанъ и противоположный тезисъ, такъ какъ признаніе того, что въ основѣ міра лежитъ духъ или лежитъ матерія, или лежатъ вмѣстѣ и духъ, и матерія, или же, наконецъ, что духъ и матерія суть лишь различныя проявленія одной и той же неизвѣстной сущности, можетъ быть лишь дѣломъ метафизическаго творчества и вѣры, а не научнаго изслѣдованія и знанія. Если мы послѣднюю гипотезу считаемъ болѣе вѣроятною, то основываясь на такихъ соображеніяхъ. Прежде всего, она не выноситъ за предѣлы міра явленій представленій, имѣющихъ чисто опытное происхожденіе, какъ то дѣлаютъ матеріализмъ и спиритуализмъ; она, далѣе, кромѣ того, повинуясь стремленію человѣческаго ума къ единству, говоритъ объ

единствѣ міровой сущности, признавая несводимый дуализмъ матеріи и духа лишь въ мірѣ явленій; наконецъ,—и это самое важное,—гипотеза эта удовлетворительнѣе, чѣмъ всякая иная, можетъ объяснить неразрывную связь, данную въ опытѣ между физическими и психическими явленіями, и ихъ параллелизмъ, намекающій, такъ-сказать, на то, что тѣ и другія явленія имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ, одну и ту же основу. Съ этой точки зрѣнія духъ не есть продуктъ матеріи, мысль не есть функція мозга: говоря грубо, мысль и мозгъ суть одно и то же, одна и та же неизвѣстная намъ въ сущности вещь, познаваемая нами двоякимъ образомъ и потому являющаяся намъ въ двухъ совершенно различныхъ видахъ. То, что въ моемъ внѣшнемъ опытѣ могло бы явиться мнѣ, какъ нѣкоторая вещественная масса, имѣющая извѣстную форму, извѣстное строеніе, извѣстный цвѣтъ и т. д., если бы я могъ извнѣ наблюдать свой собственный мозгъ, то же самое въ моемъ внутреннемъ опытѣ является мнѣ, какъ моя мысль. Въ другихъ людяхъ я могу видѣть этотъ самый мозгъ и предполагать въ нихъ существованіе души, которую я, однако, не могу познавать столь же непосредственно (т.-е. внутреннимъ опытомъ), какъ свою собственную душу, и, наоборотъ, въ себѣ я ощущаю свою душу и предполагаю существованіе мозга, котораго я не могу, однако, видѣть, какъ могъ бы видѣть (конечно, при вскрытіи черепа) мозгъ другихъ людей. Другими словами, то самое, что въ другихъ людяхъ явилось бы мнѣ при посредствѣ моихъ органовъ чувствъ, какъ нѣкоторая вещественная масса (мозгъ), и существованіе чего я долженъ предполагать и въ себѣ, какъ совершенно такого же куска матеріи,—въ моемъ внутреннемъ опытѣ является мнѣ, какъ моя мысль, мое чувство, моя воля, словомъ, какъ то, что̀ я называю своимъ *я*. Одна и та же вещь

кажется намъ вообще различною, смотря по тому, какимъ путемъ мы ее познаемъ. Одинъ и тотъ же сахаръ бѣлъ для глаза и сладокъ для языка: бѣлизна и сладость существуютъ, чтобы коротко выразиться, не въ самомъ сахарѣ, а въ нашемъ зрѣніи и нашемъ вкусѣ, т. е. одно и то же вещество является намъ различнымъ въ зависимости отъ того, что на глазъ оно дѣйствуетъ такъ, а на вкусъ иначе, и было бы, конечно, нелѣпо утверждать, что бѣлизна есть основное свойство, по отношенію къ коему сладость есть свойство производное (или наоборотъ). Совершенно такъ же и въ данномъ случаѣ: то, что, доходя до насъ путемъ внѣшняго опыта, производитъ на насъ одно впечатлѣніе (тѣлесность), имѣетъ для насъ совершенно иной характеръ (духовность) въ нашемъ внутреннемъ опытѣ, и не сводить нужно одно на другое, какъ дѣлаютъ, съ одной стороны, матеріализмъ, а съ другой—спиритуализмъ, а скорѣе, предполагать, что все различіе не въ самой вещи, а въ нашемъ къ ней отношеніи. Матерія и духъ столь же непохожи между собою, какъ въ примѣрѣ, нами взятомъ, непохожи бѣлизна и сладость. Представимъ себѣ слѣпорожденнаго, которому очень хорошо извѣстенъ сладкій вкусъ сахара, но который не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о его бѣломъ цвѣтѣ, какъ и вообще о цвѣтахъ, но вотъ этому слѣпому искусный окулистъ посредствомъ удачной операціи даетъ возможность видѣть, и нашъ человѣкъ видитъ и между разными предметами онъ видитъ кусокъ сахара: спрашивается, узнаетъ ли онъ, что это—та самая вещь, которую онъ столь хорошо знаетъ по вкусу? Разумѣется, не узнаетъ. Въ подобномъ положеніи находится и человѣкъ по отношенію къ тѣлесности и духовности міра явленій, и когда я своими глазами увидѣлъ бы свой собственный мозгъ, я никогда не узналъ бы въ немъ той самой вещи,

которую инымъ путемъ, т.-е. въ своемъ внутреннемъ опытѣ, я хорошо знаю, какъ свое внутреннее *я*. Не для того, чтобы сдѣлать спиритуалистическій выводъ, а для того, чтобы пошатнуть матеріалистическій догматизмъ, можно даже сказать, что внутренній опытъ передъ внѣшнимъ имѣетъ преимущество непосредственности, благодаря чему скорѣе можно предполагать бо́льшую подлинность нашего знанія о сущности вещей (еслибы послѣднее было возможно) за данными внутренняго опыта, чѣмъ за данными опыта внѣшняго. Можно сомнѣваться въ существованіи всего за исключеніемъ собственнаго сомнѣвающагося *я*, и исходя изъ того положенія, что мы знаемъ не самыя вещи, а тѣ представленія о вещахъ, какія получаемъ чрезъ органы нашихъ внѣшнихъ чувствъ, мы имѣемъ право разсматривать и самую матерію, какъ продуктъ нашего мыслящаго начала. Такой выводъ и дѣлался прямо нѣкоторыми философами.

Обозначивши для краткости матерію, какъ внѣшнее, духъ, какъ внутреннее въ проявленіи одной и той же неизвѣстной намъ міровой сущности, мы можемъ сказать, что первая сторона проявляется внѣ насъ во всемъ, что доступно нашимъ органамъ чувствъ, другая же—только въ насъ самихъ и въ другихъ существахъ, въ коихъ мы предполагаемъ присутствіе такого же сознанія, какъ и у насъ. Это внѣшнее и это внутреннее суть двѣ стороны одного и того же невѣдомаго начала, а не то, чтобы одно было продуктомъ другого, т.-е. они существуютъ рядомъ, отнюдь не одно черезъ другое. Это есть отношеніе параллелизма, и именно къ такому параллелистическому воззрѣнію стремится современная философія, примиряющая въ немъ одностороннія тенденціи матеріализма и спиритуализма, хотя бы равновѣсіе обоихъ началъ нарушалось въ пользу одной или другой стороны въ за-

висимости отъ того, имѣется ли въ виду объясненіе внѣшней природы, коимъ занято естествознаніе, или проникновеніе въ человѣческій духъ, что является одною изъ основныхъ задачъ философіи.

Въ концѣ-концовъ, критическая философія, повторяемъ, разрушаетъ матеріализмъ, уча, что сущность вещей непознаваема, что матерія, какъ мы ее себѣ представляемъ, можетъ быть сведена на содержаніе нашихъ воспріятій, и что тѣлесный міръ и міръ сознанія суть лишь различныя формы, въ коихъ проявляется дѣйствительное само по себѣ. Затѣмъ философія предоставляетъ естествознанію, устранивъ вопросъ о томъ, что лежитъ за предѣлами міра явленій, изслѣдовать основныя свойства и разнообразныя формы того, что является намъ, какъ тѣлесный міръ, какъ внѣшняя природа, какъ матерія.

И естествознаніе разрѣшаетъ эту нелегкую задачу. Два великія натуралистическія ученія XIX вѣка создали цѣлую философію природы, взятой въ смыслѣ совокупности явленій матеріальнаго характера, и оба эти ученія должны быть извѣстны въ наше время каждому, кто стремится составить себѣ научное міросозерцаніе. Я говорю о теоріи единства физическихъ силъ въ философіи неорганической природы и объ эволюціонизмѣ въ философіи природы органической. Благодаря этимъ двумъ ученіямъ, наше общее представленіе о мірѣ мертвой и живой матеріи получило совершенно новый видъ.

Конечно, здѣсь возможно лишь въ очень немногихъ словахъ и въ самыхъ общихъ чертахъ изложить то, что понимается подъ единствомъ силъ природы. Понятіе силы, какъ присущаго матеріи свойства, извѣстно всякому, получившему среднее образованіе, изъ элементарнаго курса физики, которая и разсматриваетъ силы, какъ причины изучаемыхъ ею явленій. Такъ какъ явленія эти весьма

разнообразны и непохожи одни на другія, то было принято, что и силы природы весьма различны, благодаря чему въ самой физикѣ возникло раздѣленіе на ученія о свѣтѣ, о теплотѣ, о звукѣ и т. п. Дальнѣйшее изслѣдованіе свѣтовыхъ, тепловыхъ, звуковыхъ и т. д. явленій показало, что эти различія главнымъ образомъ суть результаты различія путей (органовъ чувствъ), посредствомъ коихъ мы съ этими явленіями знакомимся, что свѣтовыя, тепловыя, звуковыя и всякія подобныя ощущенія непохожи на тѣ явленія, которыя совершаются внѣ органовъ чувствъ и вызываютъ всѣ указанныя ощущенія, и что, наконецъ, объективная сторона этихъ явленій представляетъ, наоборотъ, много сходныхъ чертъ. Такъ, ощущеніе свѣта вызывается колебательнымъ и волнообразнымъ движеніемъ эѳира, ощущеніе звука—таковымъ же движеніемъ воздуха, причемъ оба движенія оказываются аналогичными. Но этого еще мало. Доказано было, кромѣ того, чисто опытнымъ путемъ, что одни явленія при извѣстныхъ условіяхъ могутъ переходить въ другія явленія, наприм., такъ называемыя электрическія явленія—въ свѣтовыя и тепловыя, которыя въ свою очередь могутъ быть источниками явленій электрическихъ, а рядомъ съ этимъ оказываются еще возможными переходъ теплоты въ механическую работу и преобразованіе послѣдней въ теплоту. Отсюда былъ только одинъ шагъ до предположенія о существованіи единаго источника, или первопричины всѣхъ физическихъ явленій, каковая и была усмотрѣна въ движеніи. Въ настоящее время основнымъ стремленіемъ физики можно назвать стремленіе свести всѣ изучаемыя ею явленія къ движенію, какъ самому существенному и неотъемлемому свойству матеріи. Съ ученіемъ о переходѣ однихъ явленій въ другія, указывающимъ на ихъ общій источникъ, современная физика соединяетъ

теорію о томъ, что сумма тѣхъ силъ, которыя присущи матеріи, или запасъ энергіи, коимъ обладаетъ вселенная. есть величина всегда себѣ равная, постоянная, т.-е. не уменьшающаяся и не увеличивающаяся: преобразовываясь изъ одного вида въ другой, энергія, или способность производить извѣстную работу никогда вновь не образуется и никогда не исчезаетъ безслѣдно. Другими словами, въ міръ не входитъ ничего такого, что не было бы видоизмѣненнымъ продолженіемъ чего-либо другого, раньше существовавшаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ ничто равнымъ образомъ, такъ сказать, и не теряется изъ міра. Это—принципъ сохраненія энергіи и неуничтожаемости матеріи. Сохраненіе энергіи сдѣлалось однимъ изъ основныхъ законовъ физики, параллельно съ которымъ химія признаетъ законъ сохраненія вещества (неуничтожаемости матеріи). Замѣтимъ, что и химическія явленія въ ихъ отличіи отъ явленій механическихъ и физическихъ въ тѣсномъ смыслѣ понимаются въ настоящее время тоже, какъ движенія атомовъ въ тѣхъ частицахъ вещества, движеніями коихъ занимаются извѣстные отдѣлы физики.

Какое примѣненіе можно сдѣлать изъ ученія объ единствѣ силъ природы къ изслѣдованію отдѣльныхъ категорій, на которыя мы можемъ раздѣлить всѣ физическія явленія, физическія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. со включеніемъ въ нихъ явленій механическихъ и химическихъ, объ этомъ здѣсь намъ, конечно, распространяться не приходится. Другое дѣло—общіе выводы, какіе можно сдѣлать изъ этого ученія для нашего міросозерцанія. Одинъ выводъ дѣлается отсюда прямо въ матеріалистическомъ смыслѣ, и разсужденіе, которое къ нему приводитъ, можетъ быть резюмировано въ слѣдующихъ строкахъ. Въ мірѣ существуетъ лишь движеніе и преобразованіе движеній, причемъ сумма энергіи и произво-

дмаго ею и могущаго быть ею произведеннымъ движенія остается постоянно равною себѣ самой величиною. Явленія сознанія суть не что иное, какъ преобразованныя движенія. Мы ударяемъ въ колоколъ, происходитъ колебаніе воздуха, его волны достигаютъ слухового нерва, производятъ въ немъ раздраженіе, которое передается мозгу, но, конечно, здѣсь движеніе не исчезаетъ—и вотъ мы имѣемъ его въ формѣ ощущенія звука. Съ другой стороны, если я произвожу движеніе рукою, желая, напримѣръ, взять тотъ или другой предметъ, то мое движеніе и сопровождающее его перемѣщеніе предмета могутъ быть только преобразованіемъ другихъ какихъ-либо физическихъ движеній—въ двигательномъ нервѣ, въ мозгу. ибо физическое дѣйствіе можетъ имѣть лишь физическую причину. Если бы можно было предположить, что перемѣщеніе предмета, схваченнаго моей рукой, было въ концѣ-концовъ слѣдствіемъ моего намѣренія, какъ простого явленія сознанія, то пришлось бы отвергнуть основной принципъ естествознанія, ибо если бы мысль могла привести въ движеніе безъ всякой предыдущей физической причины хотя бы одну частицу мозга, отъ которой получилъ бы движеніе двигательный нервъ, то почему бы нельзя было той же самой мысли совершить такое же чудо съ любой горою и даже со всѣмъ земнымъ шаромъ? Пусть, скажетъ далѣе матеріализмъ, намъ и непонятно, какимъ образомъ движеніе преобразуется въ сознаніе, но вѣдь намъ столько же непонятно и то, какъ и почему тѣла притягиваются одно къ другому, какъ и почему соединяются химическіе элементы вообще и такіе-то съ такими-то въ такихъ-то и такихъ-то отношеніяхъ, какъ и почему столкновеніе одного тѣла съ другимъ передаетъ послѣднему движеніе. Слѣдовательно, нечего ссылаться на непонятность явленія (перехода движенія въ явленія со-

знанія), когда мы не понимаемъ, *какъ* одно движеніе переходитъ въ другое: важно знаніе того, *что* происходитъ, а опытъ и наблюденія доказываютъ, что явленія сознанія обусловлены матеріальными явленіями, которыя сами сводятся къ движенію. Нужно согласиться съ логичностью такого разсужденія, и мы должны были бы принять его правильность, если бы само то движеніе, которое разсматривается, какъ первооснова физическихъ явленій, не было понятіемъ, заимствованнымъ опять-таки изъ міра явленій, и слѣдовательно, если бы это понятіе годилось для того, чтобы играть приписываемую ему матеріализмомъ роль. Но и вполнѣ соглашаясь съ приведеннымъ разсужденіемъ, мы можемъ сдѣлать изъ него тотъ выводъ, что между психическими и физическими явленіями нѣтъ причинной связи, а имѣется лишь связь сосуществованія (параллелизмъ). Мысль не есть движеніе, она есть мысль, но она связана съ движеніемъ и связана настолько неразрывно, что изъ существованія намѣренія перемѣстить такую-то вещь и изъ осуществленія этого намѣренія въ дѣйствительности я сдѣлаю заключеніе о томъ, что это намѣреніе было лишь инымъ проявленіемъ той физической въ мозгу причины, которая привела въ движеніе извѣстные нервы и мускулы и произвела перемѣщеніе моей рукою того предмета, о коемъ шла рѣчь. Такимъ толкованіемъ нисколько не нарушается законъ сохраненія энергіи, но за то устраняются опровергаемыя критическою философіею догматическія предпосылки матеріалистической метафизики.

Перейдемъ теперь къ другому современному естественно-историческому ученію, извѣстному подъ названіемъ эволюціонизма. Даже въ области естествознанія, не говоря уже о перенесеніи понятія эволюціи, т.-е. развитія въ области наукъ гуманитарныхъ, эволюціонизмъ

можно понимать въ болѣе широкомъ и въ болѣе узкомъ смыслѣ. Послѣдній придается слову, когда имъ обозначается то ученіе о развитіи органической природы, которое навѣки соединено съ именемъ одного изъ величайшихъ натуралистовъ всѣхъ временъ, именно Дарвина, но современное міросозерцаніе объясняетъ съ эволюціонистической точки зрѣнія и неорганическую природу, и жизнь человѣчества на землѣ. Научная космологія все пониманіе исторіи міра основала на идеѣ развитія, на идеѣ постепеннаго происхожденія высшихъ формъ явленій изъ низшихъ формъ, на идеѣ трансформизма, въ коемъ все новое въ мірѣ явленій разсматривается, какъ преобразованіе стараго. Канто-лапласовская теорія о происхожденіи солнечной системы (и другихъ астрономическихъ міровъ) изъ первобытной безформенной туманности, геологическая теорія о постепенномъ охлажденіи земли изъ первоначальнаго капельно-жидкаго состоянія и т. п. представляютъ изъ себя настоящую естественную исторію мірозданія до того момента, когда наша земля могла сдѣлаться жилищемъ органическихъ существъ. Хотя эта исторія по необходимости должна быть гипотетической, но безъ гипотезъ не можетъ обойтись никакое человѣческое знаніе, если мы только желаемъ, чтобы наше знаніе было полно. Гдѣ у насъ нѣтъ возможности получить вполнѣ достовѣрную истину, мы поневолѣ должны,—разъ только вопросъ касается міра явленій, въ его недоступномъ непосредственному наблюденію прошломъ, а не міра вещей въ самихъ себѣ, недоступнаго какому бы то ни было знанію,—мы поневолѣ должны довольствоваться наиболѣе вѣроятными предположеніями и отвѣтами приблизительными, когда точные отвѣты невозможны. Наше физическое міросозерцаніе было бы неполно, еслибы мы не имѣли такого или иного представленія о возникновеніи

всего того, что̀ можетъ быть предметомъ нашего наблюденія. Что касается до современнаго состоянія міра, то, конечно, и оно должно быть такъ или иначе понято, чтобы въ нашемъ міросозерцаніи не было пробѣловъ, и тутъ нельзя, хотя бы мимоходомъ, не упомянуть, что соединеннымъ усиліямъ астрономіи, физики и химіи удалось доказать, что вездѣ, куда только проникаетъ телескопъ, такъ называемый спектральный анализъ показываетъ присутствіе совершенно такого же по химическому своему составу вещества, какое мы знаемъ и въ ближайшимъ образомъ насъ окружающей природѣ, а это вмѣстѣ съ указаніемъ на повсемѣстное господство однихъ и тѣхъ же законовъ природы приводитъ насъ къ идеѣ объ единствѣ мірозданія. И вотъ именно съ точки зрѣнія идеи эволюціи, общій смыслъ которой былъ изложенъ выше, вся вселенная является намъ, какъ единое великое развитіе единаго начала, представляющагося въ видѣ развитія матеріи и развитія духа.

Остановимся болѣе подробнымъ образомъ на эволюціи органической жизни на землѣ.

Уже давнымъ-давно на свѣтѣ существуетъ изреченіе: природа не дѣлаетъ скачковъ (natura non facit saltus). Это изреченіе могло бы сдѣлаться девизомъ эволюціоннаго міросозерцанія. Но если природа и не дѣлаетъ скачковъ, то не всѣ ея переходы отъ однѣхъ формъ бытія къ другимъ становятся и даже вообще могутъ быть для насъ извѣстными. Появленіе органической жизни на землѣ для потребности нашей въ естественномъ объясненіи этого факта остается великою загадкою. Впрочемъ, загадка эта существуетъ не потому лишь, что столь далекое прошлое недоступно нашему наблюденію, но и потому, что въ вопросѣ о сведеніи жизненныхъ явленій вообще къ явленіямъ физическимъ (съ механическими и химическими),

ихъ обусловливающимъ, тоже есть нѣчто, не поддающееся научному объясненію. Между природою неорганическою и природою организованною существуетъ различіе, и вопросъ о томъ, что̀ такое жизнь, является не только основнымъ вопросомъ въ біологіи, какъ наукѣ о жизненныхъ явленіяхъ, происходящихъ въ одной ли особи или въ цѣломъ растительномъ и животномъ царствѣ, но и весьма важнымъ вопросомъ въ общей философіи. Мы здѣсь, однако, только отмѣчаемъ существованіе этого вопроса съ краткимъ указаніемъ на то, что въ старыя времена господствовало цѣлое ученіе (витализмъ), которое признавало существованіе особой „жизненной силы“, какъ начала, лежащаго въ основѣ всѣхъ біологическихъ явленій, и что новѣйшее естествознаніе возстало противъ этого ученія, поставивъ на его мѣсто стремленіе сводить указанныя явленія къ началамъ механики, физики и химіи: именно было отмѣчено то, что въ составъ растительныхъ и животныхъ организмовъ не входитъ ни одного элемента, котораго не существовало бы и въ неорганической природѣ, что нѣкоторыя химическія соединенія, вырабатывающіяся въ организмахъ, могутъ быть получены искусственно въ лабораторіяхъ, и что къ организованнымъ тѣламъ, какъ то подтверждается опытомъ, можетъ быть вполнѣ приложенъ принципъ сохраненія энергіи. Нельзя, однако, не упомянуть, что за послѣднее время среди самихъ натуралистовъ начинаютъ раздаваться голоса противъ сведенія явленій жизни на простыя явленія механики, физики и химіи, и что споръ въ этой области потому далеко нельзя считать совершенно поконченнымъ.

Къ числу жизненныхъ явленій, необъяснимыхъ, по мнѣнію новыхъ представителей витализма, относятся не столько тѣ явленія, которыя могутъ быть подведены подъ

общее понятіе отправленія отдѣльныхъ органовъ, — въ коемъ и заключается жизнь организма, — сколько явленія развитія растительныхъ и животныхъ организмовъ изъ первоначальной яйцевой клѣтки (omne vivum ex ovo) и явленія наслѣдственной передачи организаціи предками потомкамъ, не говоря уже о психическихъ функціяхъ организмовъ. Дѣло въ томъ, что каждый организмъ развивается по нѣкоторому общему ему со всѣми организмами того же вида плану, необходимость коего не поддается вполнѣ физико-химическому объясненію, оказывающемуся, наоборотъ, совершенно удовлетворительнымъ, когда дѣло идетъ о функціонированіи организма, т.-е. объ отправленіи его органовъ, а не о развитіи и самого организма, и этихъ его органовъ. Современная эмбріологія (наука о зарожденіи живыхъ существъ) пришла къ тому выводу, что въ своемъ развитіи, и именно въ первыхъ его стадіяхъ (наприм., человѣкъ въ утробной жизни, т.-е. до своего рожденія), такъ сказать, повторяетъ вкратцѣ всѣ тѣ фазисы, чрезъ которые прошелъ данный видъ, начиная съ простѣйшей формы, давшей ему начало, и кончая тою, какой онъ наконецъ достигъ. Въ этомъ прежде всего обнаруживается дѣйствіе великаго закона наслѣдственности, господствующаго въ живой природѣ, но фактъ наслѣдственности есть именно то новое, которое переходитъ въ природу съ возникновеніемъ органической жизни. Еслибы, далѣе, дѣйствовала въ мірѣ жизни одна наслѣдственность, животные и растительные виды оставались бы неизмѣнными, какъ это и было господствующимъ мнѣніемъ въ наукѣ, пока оно не было разрушено Дарвиномъ, весь смыслъ ученія котораго въ томъ и заключается, что виды животныхъ и растительныхъ организмовъ не остаются неизмѣнными, что теперешняя фауна и флора (животное и раститель-

ное царства) есть результатъ развитія все высшихъ и высшихъ формъ изъ формъ низшихъ, и что этотъ процессъ развитія однѣхъ формъ изъ другихъ (трансформизмъ) можно объяснить чисто естественнымъ путемъ. Кромѣ наслѣдственной передачи извѣстной организаціи предками потомкамъ, въ мірѣ животныхъ и растеній наблюдается еще индивидуальная измѣнчивость, которая тоже передается по наслѣдству нисходящему потомству, и это вноситъ въ жизнь вида начало измѣненія. Изъ подобныхъ отклоненій одни могутъ быть выгодны, другія невыгодны для особи въ ея борьбѣ за существованіе, и тѣ особи, которыя отклонились отъ видового типа въ невыгодную для себя сторону, погибаютъ, тѣ же, наоборотъ, отклоненія коихъ только помогаютъ въ борьбѣ за существованіе, выживаютъ и оставляютъ болѣе приспособленное къ жизни потомство (естественный отборъ). Такова сущность этого біологическаго эволюціонизма, который взялся объяснить „происхожденіе видовъ путемъ естественнаго отбора“. Теорія эта произвела цѣлый переворотъ въ біологическихъ наукахъ и отразилась въ числѣ послѣднихъ и на антропологіи поскольку родъ человѣческій, какъ животный видъ, сталъ разсматриваться съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ новой теоріи. Эволюціонизмъ былъ далѣе примѣненъ и къ развитію формъ психической жизни въ мірѣ организмовъ, къ духовной жизни человѣка.

Къ сожалѣнію, безъ весьма значительныхъ подробностей, которыя можно найти въ соотвѣтственной литературѣ, мы не могли бы здѣсь развить той мысли, что въ самомъ толкованіи развитія возможны два оттѣнка: одинъ, при которомъ живыя существа лишь пассивно подвергаются развитію, механически подчиняясь дѣйствію на нихъ внѣшнихъ условій, и другой, съ точки зрѣнія коего

живыя существа участвуютъ въ развитіи активно въ силу дѣйствія внутреннихъ причинъ. Послѣднее мнѣніе указываетъ на то, что воля жить и продолжать жизнь себѣ подобныхъ, т.-е. стремленіе къ самосохраненію и къ оставленію потомства и есть внутреннее основаніе жизни и развитія, ибо самая борьба за существованіе была бы совершенно немыслима безъ этого стремленія, и едва ли позволительно было бы предположить, что это стремленіе само явилось лишь результатомъ дѣйствія на живую природу со стороны природы мертвой. Если въ одномъ пониманіи эволюціонизмъ можетъ соединиться съ матеріалистическимъ міросозерцаніемъ и довольствоваться одними чисто механическими объясненіями, то въ другомъ его основные принципы могутъ быть самымъ тѣснымъ образомъ соединены съ параллелистическимъ взглядомъ на природу.

III. О научномъ изученіи психическихъ явленій.

Съ психологіей, опирающейся непосредственно на біологію, мы вступаемъ въ область изученія явленій духовнаго характера. Эти явленія совершенно такъ же, какъ и тѣ, которыя происходятъ въ матеріальномъ мірѣ, могутъ быть предметомъ научнаго знанія лишь подъ условіемъ соблюденія нѣкоторыхъ требованій, исполненіе коихъ одно только и создаетъ настоящую науку. Во-первыхъ, и въ этой области, какъ и въ области естествознанія, мы должны ограничить себя одними явленіями, отказавшись разъ навсегда отъ безплодныхъ въ научномъ смыслѣ попытокъ проникнуть за предѣлы міра

явленій, въ таинственный міръ метафизической „вещи самой въ себѣ“. Во-вторыхъ, какъ главнымъ источникомъ нашихъ знаній о природѣ является опытъ въ широкомъ смыслѣ этого слова (т.-е. наблюденіе и экспериментъ); такъ и въ основѣ нашихъ знаній о мірѣ духа должны лежать данныя все того же опыта въ широкомъ смыслѣ слова. Въ-третьихъ, и во всѣхъ явленіяхъ, имѣющихъ психологическую природу, мы должны искать той же самой закономѣрности, которая ранѣе всего была открыта въ болѣе простыхъ, т.-е. менѣе сложныхъ явленіяхъ матеріальнаго характера. Понятно, что основными законами всего существующаго—какъ въ области матеріи, такъ и въ области духа—мы должны признать, во-первыхъ, законъ причинности, по которому всякое явленіе предполагаетъ другое явленіе, его породившее, во-вторыхъ—законъ эволюціи, т.-е. развитія высшихъ формъ бытія (въ феноменологическомъ смыслѣ) изъ формъ низшихъ. Итакъ, я намѣчаю здѣсь три принципа, слѣдованіе коимъ только и можетъ сообщить нашимъ знаніямъ о духовномъ мірѣ дѣйствительно научный характеръ: это именно 1) ограниченіе всѣхъ вопросовъ о духовномъ мірѣ областью однихъ явленій, 2) обоснованіе всѣхъ знаній нашихъ объ этомъ мірѣ на данныхъ одного только опыта и 3) примѣненіе къ духовнымъ явленіямъ (конечно, съ выростающими изъ нихъ явленіями культурными и соціальными) идеи о закономѣрности всего совершающагося въ доступной нашему знанію дѣйствительности. Изъ того, однако, что эти три принципа должны имѣть одинаковую силу и въ естествознаніи, и въ наукахъ гуманитарныхъ, отнюдь еще не слѣдуетъ, будто тѣмъ самымъ стирается всякая разница между первымъ и послѣдними. Конечно, и естествознаніе, и гуманитарныя науки должны изучать только явленія, но это еще не

значитъ, чтобы явленія матеріальныя и явленія духовныя были совершенно однородны. Съ другой стороны, и то, что мы называемъ опытомъ (не въ смыслѣ эксперимента), въ обоихъ случаяхъ далеко не одно и то же, и это, конечно, зависитъ отъ того, что самое отношеніе человѣка, какъ познающаго субъекта, къ явленіямъ обоихъ міровъ не можетъ быть тождественнымъ. Наконецъ, нужно допустить, что законы, по которымъ происходятъ матеріальныя явленія, будучи выведены изъ изученія только этихъ явленій, не могутъ цѣликомъ переноситься въ науки, имѣющія своимъ предметомъ міръ духа и человѣческихъ отношеній. Разъясненію всѣхъ этихъ пунктовъ капитальной важности я и посвящу настоящую бесѣду.

Старая метафизическая психологія разсматривала душу, какъ особую субстанцію, которой спиритуализмъ приписывалъ такое же основное значеніе, какое матеріализмъ придавалъ веществу. Эта субстанція представлялась въ метафизической психологіи, какъ нѣчто простое, неимѣющее протяженія и невещественное, какъ нѣчто безусловно постоянное и непреходящее и носящее въ себѣ или въ себѣ заключающее тѣ силы, коими вызываются явленія сознанія. Этой субстанціи, далѣе. приписывалось значеніе истинной сущности вещей и дѣлалось это на такомъ приблизительно основаніи. Матеріальный міръ мы познаемъ, какъ нѣчто внѣшнее, при помощи нашихъ органовъ чувствъ, т.-е. не непосредственно, тогда какъ свое *я* мы знаемъ внутреннимъ образомъ, безъ какого бы то ни было посредства со стороны какихъ-бы то ни было органовъ: значитъ,—такое заключеніе дѣлалось изъ этого сопоставленія,—значитъ, если во внѣшнемъ мірѣ мы имѣемъ дѣло съ одними явленіями, а не съ тѣмъ, что составляетъ ихъ основу, ихъ субстанцію, вещь самое въ себѣ, то во внутреннемъ нашемъ мірѣ передъ нами открывается истин-

ная природа того, что существуетъ само по себѣ, а не какъ явленіе въ нашемъ представленіи. О различіи между опытомъ внѣшнимъ (посредственнымъ) и опытомъ внутреннимъ (непосредственнымъ) рѣчь еще впереди, но пока весь вопросъ въ томъ, что̀ дается намъ въ опытѣ внутреннемъ и дается ли въ немъ дѣйствительно душа. какъ субстанція или же эта субстанція намъ въ опытѣ вовсе не дается и представленіе о ней возникаетъ въ умѣ нашемъ лишь въ качествѣ результата нашихъ размышленій о природѣ психическихъ явленій.

Во внутреннемъ нашемъ опытѣ намъ даются отдѣльныя психическія явленія, которыя суть для насъ различныя состоянія, событія и дѣятельности нашего *я*. Все существованіе этого нашего *я* (=души) совершенно исчерпывается нашею психическою жизнью, которая вся цѣликомъ состоитъ изъ отдѣльныхъ душевныхъ состояній, событій и дѣятельностей, т. е. изъ явленій, о которыхъ докладываетъ намъ нашъ внутренній опытъ. Правда, всѣ эти данныя намъ въ великомъ множествѣ психическія явленія связываются въ сознаніи нашемъ въ нѣкоторое единство, въ коемъ и заключается тождество нашего *я* во времени, но какимъ образомъ это происходитъ, опредѣлить мы этого не въ состояніи, и во всякомъ случаѣ существованіе такого единства не уполномочиваетъ насъ на то, чтобы отличить душевныя явленія, къ коимъ сводится вся психическая жизнь, отъ чего-то субстанціальнаго, играющаго роль носителя всѣхъ тѣхъ силъ, которыя производятъ упомянутыя явленія. Лишь путемъ умозаключенія отъ существованія явленій, непосредственно данныхъ намъ въ опытѣ, мы дѣлаемъ выводъ о существованіи силъ, эти явленія вызывающихъ, а отсюда переходимъ къ понятію особой субстанціи, какъ носительницы всѣхъ этихъ силъ. Никто, однако, въ своемъ вну-

треннемъ опытѣ этой субстанціи непосредственно не находитъ, и она такимъ образомъ представляется намъ, какъ продуктъ нашего творчества. Конечно, въ сознаніи нашемъ намъ дается единство нашего *я*, или нашей душевной жизни, и ничто, за исключеніемъ извѣстной психической болѣзни, не въ состояніи разрушить въ насъ сознанія нашего единства, но оно, единство это, опять-таки есть не что иное, какъ одно изъ данныхъ нашего внутренняго опыта, не болѣе того, отнюдь не какая-то особая субстанція. Самое понятіе о такой субстанціи, повидимому, возникло первоначально совсѣмъ въ другой области и лишь оттуда было перенесено въ психологію: область эта—матеріальный міръ, въ коемъ мы отличаемъ явленія отъ чего-то такого, что остается неизмѣннымъ при всѣхъ измѣненіяхъ явленій, а такимъ неизмѣннымъ въ матеріальномъ мірѣ признается атомъ, — и вотъ въ психологіи за всѣми измѣненіями, изъ коихъ состоитъ вся душевная жизнь, усматривается также нѣчто неизмѣнное, какъ своего рода душевный атомъ, простая, постоянная и непреходящая субстанція непротяженнаго и невещественнаго характера. Если эта предполагаемая субстанція прямо не дана намъ въ нашемъ самосознаніи, а лишь мысленно нами прибавляется къ даннымъ дѣйствительнаго (внутренняго, конечно) опыта, то говорить, будто внутренній опытъ выводитъ насъ изъ міра явленій и вводитъ въ міръ „вещей въ самихъ себѣ“, нѣтъ никакихъ основаній, а въ такомъ случаѣ и самое понятіе души, какъ субстанціи, относится къ числу метафизическихъ идей, не могущихъ играть никакой роли въ научномъ объясненіи явленій. Матеріализмъ, выводящій психическія явленія изъ дѣятельностей, въ коихъ выражается субстанція матеріи, и спиритуализмъ, выводящій эти же самыя явленія изъ силъ, коими одарена особая субстанція души,

одинаково метафизичны, и лишь въ томъ отношеніи оба эти воззрѣнія, вмѣстѣ взятыя, заключаютъ въ себѣ извѣстную истину, что, съ одной стороны, въ дѣйствительности мы никогда не наблюдаемъ душевныхъ явленій, которыя происходили бы внѣ какого-либо тѣла (исходный пунктъ матеріализма), и что, съ другой стороны, однако, явленія эти такъ отличаются отъ явленій тѣлесныхъ, что выводить ихъ изъ послѣднихъ не представляется возможнымъ.

Итакъ, явленія сознанія могутъ разсматриваться, какъ дѣйствительное (въ феноменологическомъ смыслѣ) само по себѣ, за которымъ нѣтъ надобности мыслить особую субстанцію съ особыми силами, которая ихъ, эти явленія, производитъ и осуществляетъ. Душа вся заключается въ самихъ этихъ явленіяхъ, реальнѣе которыхъ для человѣка ничего быть не можетъ, ибо если я мыслю, чувствую, желаю, то дѣйствительно мыслю, чувствую, желаю, а мнѣ не кажется только, будто я мыслю, чувствую, желаю, какъ можетъ показаться, что я нѣчто вижу, слышу или обоняю, когда въ дѣйствительности нѣтъ нѣтъ ничего, что бы я могъ видѣть, слышать, обонять (явленіе галлюцинаціи). Но это реальное, которое мы называемъ своимъ внутреннимъ міромъ, своимъ *я*, своей душой, не нуждается еще въ чемъ-то другомъ, болѣе яко-бы реальномъ, въ родѣ особой субстанціи съ тѣми аттрибутами, которыми награждаетъ ее спиритуализмъ. Въ такомъ случаѣ, если вполнѣ реальны мои душевныя явленія и реально то ихъ единство, которое я называю своимъ *я*, своей душой, эти явленія и эта душа могутъ сдѣлаться предметомъ научнаго знанія, т.-е. знанія въ предѣлахъ міра явленій, и въ этомъ смыслѣ психологія можетъ быть такою же наукою, какъ и любая отрасль естествознанія.

Для того, чтобы быть настоящею наукою, психологіи слѣдуетъ отказаться отъ разрѣшенія метафизическихъ проблеммъ о сущности, природѣ, свойствахъ, силахъ и т. д. души, не той, которая дается намъ въ явленіяхъ нашего внутренняго опыта, а души метафизической, какъ „вещи въ самой себѣ“. Современная психологія и стремится, дѣйствительно, стать опытной наукой. Это нужно понимать не только въ томъ смыслѣ, что извѣстные отдѣлы психологіи (такъ называемые психо-физіологическіе) допускаютъ употребленіе экспериментальнаго метода, но и въ томъ болѣе широкомъ и важномъ смыслѣ, что всѣ заключенія строятся на данныхъ наблюденія надъ реальными явленіями психической жизни. Въ послѣднемъ смыслѣ психологію позволительно называть наукою опытною, хотя, конечно, на одномъ опытѣ безъ философскаго его истолкованія не можетъ обойтись ни одна наука, и психологія совершенно такъ же, какъ и физика.

Изучая явленія душевной жизни, доступныя опыту и наблюденію, психологія разсматриваетъ эти явленія совершенно такъ же, какъ дѣлаетъ это, напр., физика или біологія по отношенію къ явленіямъ, подлежащимъ вѣдѣнію этихъ двухъ наукъ. Современное міросозерцаніе исходитъ изъ той идеи, что въ мірѣ явленій все совершается закономѣрно, т.-е., что между явленіями наблюдаются постоянныя и необходимыя отношенія существованія и послѣдовательности. Если два явленія существуютъ неизмѣнно рядомъ одно съ другимъ, это указываетъ на то, что они имѣютъ нѣкоторую общую причину, которая оба эти явленія неизмѣнно вызываетъ, а когда, наоборотъ, одно явленіе неизмѣнно слѣдуетъ за другимъ, это свидѣтельствуетъ равнымъ образомъ лишь о томъ, что одно есть причина другого. Долгое время міру природы, въ коемъ одномъ будто бы царитъ законъ причинности, про-

тивополагали міръ духа, гдѣ будто бы, напротивъ того, господствуетъ свобода, устраняющая дѣйствіе закона причинности; въ частности свойство быть свободною въ смыслѣ совершеннаго неподчиненія причинности, или въ смыслѣ способности начинать совершенно новый рядъ явленій безъ предшествующихъ причинъ приписывали волѣ (ученіе о свободѣ воли). Научная психологія прежде всего требуетъ, чтобы явленія душевной жизни разсматривались, какъ порождаемыя извѣстными причинами, которыя должны заключаться въ другихъ явленіяхъ, каковыми могутъ быть или явленія психическія же, или явленія физическія, — послѣднее при той тѣсной связи, какая существуетъ въ нашей жизни между тѣлеснымъ и духовнымъ. Но закономѣрная послѣдовательность явленій не есть только связь причинная, постоянное порожденіе однѣми и тѣми же причинами однихъ и тѣхъ же слѣдствій, ибо между послѣдовательными явленіями можетъ еще существовать связь эволюціонная, извѣстный порядокъ, въ коемъ происходитъ развитіе явленій, переходъ и измѣненіе низшихъ формъ въ формы высшія. Душевная жизнь подчиняется и законамъ развитія, не одной причинности. Это наблюдается не только на индивидуальной жизни каждаго человѣка, но и на всей психической жизни, какая только доступна нашему наблюденію, разъ мы возьмемъ ее въ цѣломъ. Высшія душевныя способности человѣческаго рода являются результатомъ долгаго процесса параллельныхъ органическаго и психическаго развитій, на разныхъ ступеняхъ каковыхъ развитій и теперь находятся различныя человѣческія расы. Но душевныя явленія низшаго порядка сравнительно съ тѣмъ, что мы находимъ въ мірѣ человѣка, представляетъ намъ и такъ называемое животное царство, въ которомъ опять-таки мы встрѣчаемъ далеко неодинаковыя ступени

психическаго развитія. Тотъ самый эволюціонизмъ, о коемъ у насъ шла рѣчь въ предыдущей бесѣдѣ, началъ проникать и въ область психологіи, и эта наука стала понимать духъ, какъ нѣчто развивающееся и въ своемъ развитіи, какъ и все въ мірѣ, подчиненное своимъ законамъ.

Вотъ это-то все, повторяю, и даетъ психологіи право быть наукою, если только она будетъ изучать одни явленія, основываться на данныхъ одного опыта и руководиться одной идеей о закономѣрности явленій. Но изъ всего этого еще не слѣдуетъ, чтобы психологія ограничивалась изученіемъ лишь тѣхъ явленій, которыя могутъ быть предметомъ и естествознанія, чтобы при этомъ она пользовалась только тѣми пріемами, какіе въ ходу у натуралистовъ, и чтобы законы причинности и развитія, дѣйствующіе въ духовномъ мірѣ, были вполнѣ тождественными съ законами, открываемыми естествознаніемъ для причинныхъ и эволюціонныхъ отношеній въ мірѣ матеріальной природы.

То, что происходитъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, и то, что происходитъ въ окружающей насъ природѣ, суть одинаково явленія; но одни явленія, разумѣется, не суть такія же явленія, какъ другія, т.-е. между тѣми и другими существуетъ большая разница. Основнымъ фактомъ психической жизни въ ея отличіи отъ чисто матеріальнаго существованія является то, что мы называемъ сознаніемъ. Если въ настоящее время психологія признаетъ существованіе безсознательныхъ душевныхъ явленій, то не въ томъ смыслѣ, чтобы эти послѣднія не стояли ни въ какомъ отношеніи къ сознанію, а въ томъ, что они могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, быть сознаваемыми и что, быть можетъ, въ данномъ случаѣ скорѣе слѣдовало бы говорить о крайнемъ пониженіи, а

не о полномъ отсутствіи сознательности. Сознаніе—признакъ, наиболѣе характеризующій развитую психическую жизнь, а существованіе въ сознаніи разныхъ степеней до полнаго отсутствія сознанія, признаваемаго нами у неодушевленныхъ предметовъ, служитъ намъ указаніемъ на то, что гдѣ-то тамъ, внѣ сферы нашего сознанія, могутъ происходить процессы, родственные сознаннымъ душевнымъ явленіямъ, сами по себѣ несознаваемые, но способные сдѣлаться таковыми. Быть явленіемъ внутренняго опыта и быть сознаннымъ—одно и то же; но если наука открываетъ существованіе явленій, которыя, не будучи сознаны и, слѣдовательно, не будучи предметами внутренняго опыта. тѣмъ не менѣе обладаютъ одною же природою съ настоящими психическими явленіями, то этимъ она устанавливаетъ нѣчто въ высшей степени важное и въ смыслѣ причиннаго объясненія психическихъ явленій, вполнѣ сознанныхъ, изъ психическихъ же причинъ, лежащихъ, какъ говорится, за порогомъ нашего сознанія, и въ смыслѣ примѣненія къ душевной жизни идеи эволюціи, именно, внесенія въ психологію представленія о сознаніи, какъ о чемъ-то развивающемся, проходящемъ въ своемъ развитіи разныя ступени. Сознаніе столь отлично отъ всего остального въ мірѣ явленій, что нѣтъ никакой возможности перекинуть мостъ отъ сознанія ко всему остальному; но въ безсознательныхъ психическихъ процессахъ мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ нѣчто переходное отъ психическаго къ физическому: эти процессы находятся на рубежѣ вѣдѣнія физіологіи и психологіи въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, на рубежѣ чисто растительной и животной жизни во всемъ органическомъ мірѣ.

Сознаніе есть кульминаціонный пунктъ душевной жизни: постепенно понижаясь, сознательное существованіе переходитъ въ существованіе безсознательное. Чѣмъ

сильнѣе и ярче сознаніе, тѣмъ болѣе явленіе, обладающее этими свойствами, есть настоящій предметъ психологіи, и наоборотъ, чѣмъ сознаніе слабѣе и болѣе смутно, тѣмъ болѣе явленіе, такимъ образомъ могущее характеризоваться, становится предметомъ физіологіи. Недаромъ, когда философія хотѣла провести рѣзкую грань между духомъ и матеріей, то основнымъ свойствомъ перваго признала мышленіе, какъ основнымъ свойствомъ второй—протяженіе. Я уже сказалъ, что быть психическимъ явленіемъ, быть фактомъ внутренняго опыта и быть сознаннымъ (а не воспринятымъ, какъ это бываетъ по отношенію къ явленіямъ внѣшняго міра) есть одно и то же. Вотъ почему сознаніе, мышленіе, умъ прежде всего обратили на себя вниманіе психологовъ, и самый спиритуализмъ предлагалъ мыслить духовную субстанцію, какъ субстанцію интеллектуальную. Ранѣе всего стала разрабатываться—и съ метафизической, и съ научной точки зрѣнія—психологія ума, т.-е. теорія процессовъ ощущенія, воспріятія, представленія, мышленія,—иначе говоря, психологія представленій. И въ обыкновенномъ воззрѣніи способность представленія разсматривается, какъ основная и наиболѣе характерная функція души. Но въ нашемъ внутреннемъ опытѣ мы находимъ рядомъ съ дѣятельностями ума дѣятельности воли, т.-е. стремленія, побужденія, желанія, хотѣнія и дѣйствія съ сопровождающими послѣднія возбужденіями чувства. Мы строго отличаемъ одни отъ другихъ явленія двухъ категорій, выступающія передъ нами въ самосознаніи, а именно, представленія ума и возбужденія воли, и въ первыхъ видимъ обыкновенно основу всей душевной жизни. Такъ смотритъ на дѣло и цѣлое направленіе психологіи (интеллектуализмъ), но за послѣднее время стала все болѣе и болѣе дѣлаться популярною та мысль, что за первичную и основную сторону

психической жизни слѣдуетъ признать не умъ, а волю (волунтаризмъ). На низшихъ ступеняхъ психическаго развитія, возьмемъ ли мы, напр, новорожденнаго ребенка или какую-нибудь низшую форму животной жизни, мы не имѣемъ никакого права сводить главное содержаніе психической жизни на дѣятельность ума, но въ этой жизни несомнѣнно проявляется дѣятельность воли съ сопровождающими ее возбужденіями чувства. Это разъ. Во-вторыхъ, постепенное психическое развитіе представляется намъ, какъ развитіе ума, мышленія, сознанія, которые на высшихъ ступеняхъ психической эволюціи дѣлаются руководствами воли въ ея стремленіяхъ къ достиженію тѣхъ или другихъ цѣлей. Наконецъ, и въ жизни даже самаго развитого человѣка доминируетъ не умъ, а воля,— воля, ставящая цѣли жизни, основныя стремленія характера, на почвѣ коихъ возникаютъ идеалы, основныя настроенія человѣка, съ точки зрѣнія коихъ такъ или иначе оцѣнивается окружающая дѣйствительность. Умъ не только является позднѣе воли, но играетъ еще роль по отношенію къ ней служебную, будучи орудіемъ, посредствомъ котораго воля осуществляетъ свои жизненныя стремленія. Такое значеніе воли въ душевной жизни человѣка дало, между прочимъ, поводъ къ возникновенію цѣлаго метафизическаго воззрѣнія, объявляющаго волю не только основнымъ факторомъ душевной жизни, но даже настоящею сущностью вещей (Шопенгауеръ). Даже отказываясь отъ рѣшенія метафизической проблеммы о „вещи въ самой себѣ“, можно сказать, что такое представленіе имѣетъ гораздо болѣе вѣроятности, чѣмъ чисто интеллектуалистическій спиритуализмъ, т.-е. ученіе о томъ, что основу міра нужно искать въ духѣ и что основное свойство самого духа проявляется въ мышленіи. Въ волѣ, дѣйствительно, мы открываемъ нѣчто родственное тѣмъ силамъ, дѣйствіями

которыхъ физика и химія объясняютъ явленія, происходящія въ природѣ матеріальной. Въ самомъ дѣлѣ, отъ вполнѣ развитой, т.-е. сознающей самое себя воли въ мірѣ явленій мы постепенно спускаемся чрезъ явленія полусознательныя и безсознательныя, но имѣющія несомнѣнный волевой характеръ, къ явленіямъ, представляющимъ нѣкоторую аналогію съ волевыми стремленіями (напр., постоянное обращеніе растеній къ свѣту), и наконецъ, къ явленіямъ, происходящимъ въ неорганической природѣ, въ которой дѣйствіе каждой силы проявляется въ извѣстномъ ея стремленіи. Можно даже сказать, что понятіе о силахъ, производящихъ явленія механическія, физическія и химическія, составлено по образу и подобію человѣческой воли, какъ это признаютъ многіе изъ естествоиспытателей, когда даютъ опредѣленіе силѣ. Быть можетъ, понятіе силы, которая есть въ то же время воля, или понятіе воли, которая въ то же время есть сила, ближе всего подходитъ къ тому, чтобы характеризовать ту неизвѣстную сущность вещей, разныя проявленія коей мы видимъ въ матеріи и духѣ: по крайней мѣрѣ, аналогія, существующая между тѣмъ, что въ физикѣ называется силою, и тѣмъ, что въ психологіи носитъ названіе воли, можетъ только служить лишнимъ подтвержденіемъ предположенія о нѣкоторомъ общемъ источникѣ физическихъ и психическихъ явленій. Не забудемъ, однако, что воля все-таки не есть сама какая-то сущность, а опять-таки лишь совокупность отдѣльныхъ психическихъ явленій, т.-е. великаго множества стремленій, побужденій, желаній, хотѣній и дѣйствій, и откажемся еще разъ отъ рѣшенія метафизической проблеммы и при посредствѣ понятія воли, возведенной на степень міровой субстанціи.

Если для волевыхъ явленій мы находимъ нѣкоторыя аналогіи во внѣшнемъ мірѣ и даже можемъ установить

извѣстную градацію между причинами происходящихъ въ мірѣ явленій, начиная съ силы, какъ ее принимаетъ механика, и кончая волею въ томъ опредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется въ неметафизической психологіи, то для явленій мышленія и чувствованія внѣшній міръ не представляетъ намъ никакихъ аналогій, и именно лишь ощущеніе и сознаніе изъ воли дѣлаютъ волю, т.-е. настоящую волю, а не нѣкоторое ея подобіе, коимъ можно было бы объяснять, напр., почему растеніе тянется и поворачивается къ свѣту. Въ какихъ бы отношеніяхъ, далѣе, ни находились между собою явленія ума, чувства и воли, всѣ эти явленія познаются прежде всего въ опытѣ внутреннемъ, дѣлаясь доступными нашему сознанію: въ этомъ коренное различіе между физическимъ и психическимъ. Напрасно, слѣдовательно, мы стали бы думать о такой психологіи, которая не пользовалась бы прежде всего самонаблюденіемъ. Духовный міръ открытъ для непосредственнаго наблюденія каждаго изъ насъ только въ каждомъ изъ насъ въ отдѣльности: только въ самомъ себѣ я могу непосредственно наблюдать явленія мысли, чувства и воли и притомъ лишь въ томъ случаѣ, если эти явленія даны въ моемъ сознаніи. О существованіи душевной жизни въ другихъ людяхъ я знаю только по внѣшнимъ проявленіямъ этой жизни, по тѣмъ или другимъ движеніямъ, производимымъ этими людьми, относя сюда мимику лица, жесты, рѣчь (движенія голосовыхъ органовъ) и поступки, т.-е. я сужу о существованіи внутренняго міра другихъ людей лишь по аналогіи его внѣшнихъ проявленій съ моими собственными проявленіями во всей моей психической жизни. Такимъ образомъ не наблюденіе надъ другими играетъ роль основного метода психологіи, а самонаблюденіе: наблюденіе надъ другими лишь къ нему присоединяется, придается къ нему на помощь. Другими словами,

наблюденіе надъ чужою психическою жизнью было бы совершенно немыслимо, еслибы ему не предшествовало самонаблюденіе, и наоборотъ, послѣднее вполнѣ возможно безъ перваго. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы психологія должна была ограничиваться данными одного самонаблюденія. Напротивъ того: лишь подъ условіемъ постоянныхъ наблюденій надъ чужою психическою жизнью возможно собрать достаточный фактическій матеріалъ для научной психологіи. Еслибы мы ограничивались однимъ самонаблюденіемъ, то были бы совершенно немыслимы, напр., психологія ребенка или психологія животныхъ, не говоря уже о томъ, что всѣ другія гуманитарныя науки, изучающія культурную и соціальную жизнь человѣчества (а не индивидуальную жизнь человѣка), пользуются исключительно данными наблюденій надъ чужою жизнью. Тѣмъ не менѣе понимать чужую психическую жизнь, будетъ ли то жизнь ребенка, или жизнь высшихъ и низшихъ животныхъ, или историческая жизнь народовъ, мы въ концѣ-концовъ бываемъ въ состояніи лишь на почвѣ данныхъ, сообщаемыхъ намъ самонаблюденіемъ. Вотъ почему и слѣдуетъ приписывать ему первенство въ психологическихъ изслѣдованіяхъ. Какъ сознаніе отлично отъ всего остального, что̀ доступно нашему опыту, какъ внутренній опытъ отличенъ отъ опыта внѣшняго, такъ и самонаблюденіе отличается отъ наблюденія не надъ нами самими. Духовный міръ внѣ насъ мы наблюдаемъ совершенно такъ же, какъ и міръ физическій. Глазъ и ухо докладываютъ намъ о тѣхъ или другихъ событіяхъ, совершающихся въ жизни людей, т.-е. мы видимъ ихъ поступки, слышимъ ихъ слова; иначе говоря, эти поступки, эти слова становятся предметомъ нашихъ внѣшнихъ наблюденій, являются данными внѣшняго опыта, но въ то же время въ этихъ данныхъ внѣшняго опыта обнаруживаются состоянія, собы-

тія и дѣйствія, которыя для другихъ людей суть данныя непосредственнаго внутренняго опыта. Гдѣ мы не можемъ предполагать существованія внутренняго опыта, подобнаго нашему собственному, т.-е., гдѣ не можемъ предполагать существованія сознанія, хотя бы самаго слабаго и смутнаго, тамъ безъ риска впасть въ метафизику мы и не имѣемъ права говорить о психическихъ явленіяхъ.

Итакъ, въ другихъ живыхъ существахъ я предполагаю присутствіе душевной жизни лишь на основаніи аналогіи, наблюдаемой между внѣшними проявленіями моего внутренняго міра въ тѣхъ или другихъ моихъ движеніяхъ, словахъ и поступкахъ, и только чрезъ посредство наблюденій надъ этими внѣшними проявленіями, понятыми по аналогіи съ внѣшними проявленіями моего собственнаго *я*, я могу проникнуть въ чужой внутренній міръ. Съ другой стороны, я непосредственно наблюдаю свои душевныя явленія лишь тогда, когда эти явленія даны въ моемъ сознаніи: то, что̀ называютъ безсознательными психическими процессами, не можетъ быть предметомъ внутренняго опыта и, слѣдовательно, самонаблюденія, хотя и можетъ быть предметомъ наблюденія извнѣ. Если мы приписываемъ такимъ безсознательнымъ явленіямъ психическую природу, то лишь потому, что явленія эти могутъ достигнуть сознанія. Если я, напримѣръ, знаю исторію, то это вовсе не значитъ, чтобы всѣ историческіе факты, какіе я знаю, были въ моемъ сознаніи постоянно: это значитъ только, что я всегда могу вызвать ихъ въ моемъ сознаніи. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти факты и тогда, когда я о нихъ не думаю, хранятся въ моей памяти.

Если такимъ образомъ психическія явленія суть прежде всего актуально или потенціально (т.-е. въ дѣйствительности или возможности) явленія сознанія, то главнымъ

источникомъ ихъ познаванія, конечно, всегда будетъ опытъ внутренній, основнымъ способомъ—самонаблюденіе. Поскольку, однако, нѣкоторые психическіе процессы не достигаютъ до сознанія тѣхъ лицъ, въ коихъ происходятъ, и тѣмъ не менѣе проявляются во-внѣ въ разныхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ этими лицами и доступныхъ нашему наблюденію, и такъ какъ, съ другой стороны, и сознательная психическая жизнь другихъ людей можетъ быть предметомъ лишь наблюденія извнѣ, то рядомъ съ самонаблюденіемъ и здѣсь нужно поставить наблюденіе извнѣ, памятуя, однако, что исходнымъ пунктомъ для заключеній о томъ, что происходитъ въ области безсознательныхъ психическихъ процессовъ или въ чужомъ сознаніи, могутъ быть только данныя нашего собственнаго внутренняго опыта. Этому внѣшнему наблюденію и, гдѣ это возможно (особенно въ психо-физіологіи), научному эксперименту подлежитъ, наконецъ, не сама внутренняя жизнь, а ея внѣшнія проявленія, сводящіяся въ концѣ-концовъ къ движеніямъ, воспринимаемымъ нами посредствомъ органовъ зрѣнія (мимика, жесты, поступки) или слуха (рѣчь). Созерцая разнаго рода движенія въ матеріальной природѣ, какъ нѣчто по отношенію къ намъ внѣшнее, мы съ представленіями объ этихъ движеніяхъ совсѣмъ не соединяемъ представленій о нѣкоторыхъ невидимыхъ и неслышимыхъ, но намъ знакомыхъ и совершенно намъ понятныхъ внутреннихъ явленіяхъ. Вотъ почему и причинность въ мірѣ человѣческихъ (и вообще психическихъ) явленій понимается нами нѣсколько иначе, чѣмъ въ мірѣ неодушевленной матеріи. Въ послѣднемъ между движеніемъ-причиной и движеніемъ-слѣдствіемъ (напр., въ случаѣ передачи катящимся шаромъ движенія другому шару, съ которымъ первый сталкивается на своемъ пути) мы не открываемъ никакого посредствую-

щаго момента, который заключался бы въ какомъ-либо актѣ иного характера, чѣмъ матеріальное движеніе. Другое дѣло — поступокъ-причина и поступокъ-слѣдствіе въ дѣлахъ человѣческихъ: если только вызовъ второго первымъ не будетъ простымъ рефлексомъ, объясняемымъ въ физіологіи чисто механическимъ образомъ (напр., сокращеніе мускуловъ подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія, положимъ, у обезглавленной лягушки), поступокъ-причина не непосредственно вызываетъ поступокъ-слѣдствіе, какъ то бываетъ въ случаѣ передачи движенія при толчкѣ, а сначала порождаетъ извѣстный психическій актъ, который въ свою очередь вызываетъ уже поступокъ-слѣдствіе. Примѣръ: мнѣ нанесенъ ударъ (поступокъ-причина), я чувствую физическую боль или оскорбленіе, проникаюсь чувствомъ злобы къ ударившему меня, желаю отмстить за сдѣланную мнѣ непріятность, обдумываю, какъ это лучше всего сдѣлать (цѣлый рядъ промежуточныхъ между поступкомъ-причиною и поступкомъ-слѣдствіемъ психическихъ состояній и актовъ) и такъ или иначе дѣйствую въ зависимости отъ этихъ внутреннихъ событій, совершившихся въ моей душѣ. Другими словами, чисто механическое объясненіе связи причинъ со слѣдствіями совершенно немыслимо, разъ намъ приходится имѣть дѣло съ явленіями, въ коихъ участвуетъ сознаніе, а изъ такихъ явленій состоитъ не только жизнь отдѣльнаго лица, но и вся исторія. Въ послѣдней мы имѣемъ постоянно дѣло съ внѣшними событіями, какъ и въ мірѣ природы, гдѣ тоже совершаются событія разнаго рода, но такъ какъ событія историческія складываются изъ человѣческихъ поступковъ, а послѣдніе связаны всегда съ внутренними, душевными явленіями, то въ исторіи мы имѣемъ передъ собою не только чисто внѣшнія событія, въ послѣднемъ анализѣ сводящіяся къ тѣлеснымъ движеніямъ

людей, но и событія, совершающіяся въ духовномъ мірѣ, событія, безъ коихъ первыя были бы прямо лишены того смысла, какой мы имъ придаемъ. Но и это еще не все: если наши поступки суть лишь внѣшнія проявленія внутреннихъ актовъ воли, причемъ сознательные акты воли всегда сопровождаются представленіемъ о цѣли, къ которой воля стремится, то въ этомъ мы равнымъ образомъ должны видѣть весьма важное отличіе міра духа (понятно, въ смыслѣ особаго рода явленій) отъ міра матеріи. Въ послѣднемъ все объясняется (или наука, по крайней мѣрѣ, стремится объяснить) чисто механически, т.-е. съ точки зрѣнія порожденія (генезиса) однихъ явленій другими, какъ слѣдствій ихъ причинами, причемъ изъ области этихъ объясненій изгоняется понятіе о цѣли, ради которой происходитъ то или другое. Къ тѣмъ внѣшнимъ явленіямъ, въ коихъ участвуетъ психическій элементъ, т.-е. въ сущности ко всѣмъ дѣятельностямъ человѣка въ индивидуальной жизни и въ исторіи механическое объясненіе, какъ мы видѣли, неприложимо: тутъ нужно именно объясненіе психологическое, а оно непремѣнно требуетъ пониманія поступковъ въ зависимости отъ тѣхъ цѣлей, съ какими эти поступки совершались (телеологическій принципъ, въ его отличіи отъ принципа генетическаго). Конечно, поскольку всѣ человѣческіе поступки, сводясь въ послѣднемъ анализѣ къ тѣлеснымъ движеніямъ, причастны міру матеріальному, поскольку многіе изъ этихъ поступковъ не суть внѣшнія проявленія сознательно и цѣлесообразно дѣйствующей воли,—въ исторіи (какъ и въ индивидуальной жизни) есть цѣлая сторона, подлежащая чисто механическому и исключительно генетическому объясненію, но есть и другая сторона, которая для того, чтобы быть понятой, нуждается въ объясненіи изъ внутреннихъ мо-

тивовъ и изъ поставленныхъ цѣлей, т.-е. въ объясненіи психологическомъ и телеологическомъ.

Отсюда можно сдѣлать весьма важные выводы для пониманія закономѣрности явленій, совершающихся въ мірѣ человѣка.

Психологія, какъ наука, изучаетъ явленія душевной жизни съ цѣлью открытія законовъ, этими явленіями управляющихъ. Общая идея о томъ, что и въ личной, и въ общественной жизни человѣка господствуютъ, какъ и въ природѣ, извѣстные законы, т.-е. постоянныя и необходимыя отношенія между явленіями, притомъ законы, существующіе независимо отъ нашего сознанія и нашей воли, иначе законы естественные, — эта общая мысль вполнѣ уже утвердилась въ наукахъ гуманитарныхъ и должна считаться за одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній современнаго міросозерцанія. Мы видѣли, что такіе законы могутъ быть раздѣлены на законы причинности (каузальные) и законы развитія (эволюціонные). Современная наука признаетъ, что и въ мірѣ человѣка, какъ и въ мірѣ природы, все подчинено законамъ причинности и развитія. Старая метафизика признавала существованіе свободной воли, т.-е. возможность актовъ воли, вызывающихъ поступки, какъ свои слѣдствія, но въ свою очередь не вытекающихъ изъ какихъ-либо причинъ, однимъ словомъ, возможность явленій безпричинныхъ; но наука давно покончила съ признаніемъ свободы воли въ такомъ абсурдномъ смыслѣ, допуская, однако, возможность свободы воли отъ многаго другого (напр., отъ низменной чувственности, отъ своекорыстныхъ инстинктовъ и т. п., только не отъ причинности). Если, — говоритъ наука, — въ нашемъ сознаніи воля является свободною, то это происходитъ по той причинѣ, что до сознанія нашего достигаетъ только конечный результатъ безсознательнаго, пси-

хическаго процесса, который самъ долженъ же имѣть свою причину. Но изъ того, что причинность царитъ и въ мірѣ природы, и въ мірѣ человѣка, отнюдь еще не должно вытекать, чтобы и здѣсь, и тамъ причинность проявлялась въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Есть причинность механическая и есть причинность психологическая: поскольку и та, и другая есть причинность, какъ таковая, у обоихъ видовъ причинности есть общія черты, но поскольку явленія духа отличны отъ явленій матеріи, поскольку въ однихъ случаяхъ дѣйствіе причинности познается нами внутреннимъ образомъ, а въ другихъ только внѣшнимъ, у психологической причинности есть черты, которыхъ причинность механическая, наоборотъ, совершенно лишена. Хотя воля и опредѣляется причинностью, т.-е. хотя и не существуетъ безпричинныхъ актовъ воли, тѣмъ не менѣе этимъ однимъ не исчерпывается все, что можно сказать о дѣятельности воли: эта дѣятельность опредѣляется еще цѣлями, опредѣляется, слѣдовательно, не только тѣмъ, что по отношенію къ каждому отдѣльному акту воли лежитъ въ прошломъ, но и тѣмъ, что по отношенію къ дѣйствіямъ воли является будущимъ, которое она стремится осуществить, хотя, конечно, та или другая цѣль ставится волею небезпричинно. Въ сознаніи именно отсутствуютъ тѣ причины, которыя опредѣляютъ волю въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, откуда и проистекаетъ внутреннее, непосредственное убѣжденіе въ абсолютной свободѣ воли, но зато въ сознаніи намъ дается та цѣль, къ которой стремится воля, и этимъ объясняется то, что внѣ категоріи цѣлесообразности мы не въ состояніи понимать человѣческихъ поступковъ, разъ только предполагаемъ, что послѣдніе совершены вполнѣ сознательно.

Этому различію механической и психологической при-

чинности соотвѣтствуетъ различіе, которое существуетъ между эволюціей генетической, гдѣ все послѣдующее опредѣляется предыдущимъ, какъ то бываетъ и въ механической причинности, и эволюціей телеологической, въ коей обнаруживается постановка цѣлей, стремясь къ осуществленію каковыхъ, человѣкъ тѣмъ самымъ содѣйствуетъ развитію культурныхъ и общественныхъ явленій. Содержаніе духовной жизни человѣчества, т.-е. культура и формы его жизни общественной, т.-е. соціальная организація развиваются, подчиняются законамъ эволюціи, но эта культурно-соціальная эволюція существеннымъ образомъ отличается отъ эволюціи явленій природы и отличается именно тѣмъ, что совершается такая эволюція путемъ дѣятельности людей, которая опредѣляется тѣми или другими цѣлями. Реальное существованіе этихъ цѣлей, какъ фактовъ сознанія и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ факторовъ, направляющихъ дѣйствіе воли, не подлежитъ никакому сомнѣнію: это не то гипотетическое начало, коимъ современные біологи-виталисты стремятся объяснить органическое развитіе, одаряя свою „жизненную силу“ нѣкоторыми свойствами, имѣющими психическій характеръ, и приписывая этой силѣ способность дѣйствовать для достиженія своего рода цѣлей. Если въ послѣднемъ случаѣ въ біологію переносятся принципы, выработавшіеся въ психологіи, то дѣлается это, повторяю, лишь гипотетически, хотя большинство біологовъ находитъ возможнымъ объяснять явленія органической эволюціи, не сходя съ почвы чисто-генетическаго развитія, но въ психологіи и вообще въ наукахъ о мірѣ человѣка примѣненіе къ идеѣ эволюціи понятія цѣли совершается уже не предположительно, а на основаніи реальнѣйшаго факта, даннаго въ нашемъ внутреннемъ опытѣ, того именно факта, что воля, обусловливаясь причинами, лежащими въ предыдущихъ момен-

тахъ времени, въ то же время опредѣляется цѣлями, т.-е. представленіями о чемъ-то такомъ, чего еще нѣтъ, но что должно быть осуществлено.

Психическія явленія, познаваемыя путемъ самонаблюденія и наблюденій внѣшнихъ и подчиняющіяся законамъ причинности и эволюціи, какъ объектъ психологіи, раздѣляются на двѣ категоріи. Явленія одного порядка происходятъ въ душевной жизни единицы, и ими занимается индивидуальная психологія, явленія же другого порядка возникаютъ лишь на почвѣ психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными индивидуумами и, какъ таковыя, должны изучаться психологіей коллективной. Послѣдняя, впрочемъ, едва только начинаетъ намѣчаться, какъ особый самостоятельный отдѣлъ общей психологіи или какъ особая наука рядомъ съ гораздо лучше разработанной психологіей индивидуальной. Психическія явленія, благодаря существованію взаимодѣйствія между единичными „душами“, выходятъ изъ тѣсныхъ предѣловъ отдѣльныхъ замкнутыхъ духовныхъ міровъ, какими являются отдѣльныя, единичныя *я*, и возникаетъ новый родъ психическихъ явленій, особая область духовнаго міра, то, что̀ мы называемъ культурной жизнью человѣчества. Это тоже суть явленія, притомъ явленія, доступныя нашему наблюденію и могущія быть предметомъ науки, которая стремится и въ нихъ открыть дѣйствіе законовъ причинности и развитія. И только подъ условіемъ существованія указанныхъ психическихъ явленій взаимодѣйствія возможна та форма человѣческаго бытія, коей мы даемъ названіе общества, какъ совокупности извѣстныхъ явленій, которыя также подлежатъ наблюденію, и въ которыхъ точно также наука стремится открыть дѣйствіе законовъ причинности и развитія.

IV. О существенномъ содержаніи философскаго образованія.

Къ психологіи примыкаютъ три науки — науки философскія, какъ ихъ называютъ, — имѣющія своимъ предметомъ разработку нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ высшими проявленіями трехъ сторонъ душевной жизни: ума, чувства и воли. Первая изъ этихъ наукъ есть теорія знанія въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. включая въ нее не только гносеологію (теорію знанія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ), но и логику: это — изслѣдованіе познавательной способности человѣка и изслѣдованіе законовъ мышленія, долженствующія не только удовлетворять простую любознательность, но и служить руководствомъ во всѣхъ вопросахъ знанія и мышленія. Не можетъ существовать цѣльнаго міросозерцанія, если человѣкъ не будетъ имѣть тѣхъ или другихъ взглядовъ на границы и условія человѣческаго знанія, и его міросозерцаніе не будетъ истиннымъ, если при выработкѣ послѣдняго онъ не будетъ пользоваться правильными пріемами мышленія. Отсюда понятно важное значеніе логики, разумѣя подъ нею теорію знанія въ широкомъ смыслѣ, т.-е. съ включеніемъ въ нее и гносеологіи, и логики въ болѣе употребительномъ смыслѣ слова. Умственные процессы вообще изслѣдуются психологіей, но есть особыя основанія выдѣлить въ вѣдѣніе спеціальной дисциплины то, чѣмъ занимаются гносеологія и логика. Такія же причины существуютъ для выдѣленія въ особую философскую дисциплину нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся актовъ воли и ея внѣшнихъ проявленій въ человѣческомъ поведеніи. Я говорю здѣсь объ этикѣ, т.-е. о наукѣ, которая имѣетъ

своимъ предметомъ нравственность, какъ особую категорію явленій, совершающихся въ человѣческомъ мірѣ. Какъ логика изучаетъ умъ, разсматривая его въ качествѣ орудія, посредствомъ котораго человѣкъ познаетъ истину, такъ этика изучаетъ волю съ сопровождающими ея дѣйствіе чувствами со стороны ея стремленія къ добру. Если логика показываетъ не только то, какимъ образомъ умъ познаетъ истину, но и учитъ о томъ, въ чемъ истина можетъ заключаться и какимъ правиламъ нужно слѣдовать, дабы ее, эту истину, добывать, то и этика не ограничивается однимъ изслѣдованіемъ отношенія воли къ добру, въ коемъ она полагаетъ свою цѣль, а разсматриваетъ еще вопросы о томъ, въ чемъ же состоитъ высшее благо для разумной воли и чѣмъ долженъ въ своемъ поведеніи руководиться человѣкъ, разъ такое высшее благо, какъ разумная цѣль для стремленій его воли, существуетъ. Понятно, что и безъ этической теоріи, т.-е. теоріи поведенія не можетъ существовать полнаго міросозерцанія. Логика и этика соотвѣтствуютъ такимъ образомъ умственной и волевой сторонамъ душевной жизни человѣка: одна есть теорія знанія съ точки зрѣнія истины, къ которому знаніе должно стремиться, другая — теорія поведенія съ точки зрѣнія блага, которое имъ должно осуществляться. Обѣ эти науки, кромѣ элементовъ объективнаго изслѣдованія, имѣющаго исключительно господствовать въ психологіи, должны по самой постановкѣ логическихъ и этическихъ вопросовъ на почву понятій истины и добра заключать въ себѣ и субъективные элементы творчества идеаловъ: въ нихъ, въ этихъ двухъ философскихъ дисциплинахъ, изслѣдуются не только явленія (то, что̀ есть) умственной и волевой дѣятельности, какъ это происходитъ въ психологіи, но ставятся еще тѣ идеальныя цѣли (то, что̀ должно быть), которыя мы на-

зываемъ истиной и добромъ. Такъ какъ бо́льшая часть чувствъ неотдѣлима отъ волевыхъ импульсовъ, то этика есть наука не только о нравственномъ поведеніи, но и о нравственномъ чувствѣ, такъ что логика и этика съ извѣстной точки зрѣнія охватываютъ почти всего внутренняго человѣка. Къ явленіямъ, составляющимъ предметъ логики и этики, примыкаетъ въ культурно-исторической жизни человѣчества все, что имѣетъ отношеніе къ мышленію и поведенію, къ теоритическимъ и практическилъ идеямъ, къ внѣшнимъ ихъ проявленіямъ, наконецъ, т.-е. къ религіи, философіи, наукѣ, литературѣ, нравамъ, моральнымъ и соціальнымъ идеаламъ и т. п. Всѣмъ этимъ должна между прочимъ заниматься исторія, т.-е. исторія культурная вообще и исторія религіи, философіи, науки и т. д. въ частности. Но объ этомъ послѣ.

Теперь мнѣ нужно рядомъ съ логикой и этикой назвать третью философскую науку, примыкающую къ индивидуальной психологіи и занимающуюся спеціальными вопросами изъ области чувства. Прежде чѣмъ указать на сущность этихъ вопросовъ и назвать посвященную имъ дисциплину, я скажу, что нарочно отдѣляю эту науку отъ логики и этики, отдѣляю притомъ, просто-на-просто не считая возможнымъ придавать ей въ дѣлѣ выработки міросозерцанія, а также въ изученіи индивидуальной и исторической жизни человѣка значенія, равноцѣннаго съ логикой и этикой. Чувствованія вообще весьма тѣсно связаны съ волевыми импульсами, но на высшихъ ступеняхъ психическаго развитія дѣлаются возможными чистыя настроенія безъ какого бы то ни было волевого импульса, и такими-то чувствами являются тѣ, которыя мы называемъ эстетическими. Какъ логика изучаетъ сферу ума, этика—сферу воли, такъ эстетика имѣетъ дѣло съ сферой чистыхъ чувствованій: идеямъ истины и добра въ

этой области соотвѣтствуетъ идея красоты, а соотвѣтственнымъ фактомъ въ культурно-исторической жизни является искусство. Ни въ жизни единицы, ни въ жизни человѣчества явленія наслажденія красотою не могутъ и не должны играть такой роли, какую играютъ исканіе истины и стремленіе къ добру, ибо прекрасное получаетъ высшее, духовное значеніе лишь тогда, когда оно, какъ внѣшняя форма, соединено съ истиной и благомъ, какъ съ своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Безъ логической теоріи мышленія и безъ этической теоріи поведенія немыслимо цѣльное и полное міросозерцаніе, но отсутствіе въ такомъ міросозерцаніи эстетической теоріи наслажденія красотой и художественнаго творчества не можетъ составлять особенно важнаго пробѣла, какъ и пробѣлъ въ общей исторіи, которая игнорировала бы развитіе искусства, не могъ бы имѣть такого значенія, какъ пробѣлъ относительно религіи, философіи, науки, литературы, нравовъ и т. п. Съ точки зрѣнія общей исторіи (а не спеціальной исторіи искусства) художественныя произведенія имѣютъ особое значеніе лишь тогда, когда воплощаютъ въ себѣ извѣстные идеи и идеалы: послѣдніе суть въ такомъ случаѣ настоящее содержаніе искусства,—содержаніе, которое является и содержаніемъ другихъ идейныхъ элементовъ культуры; въ данномъ случаѣ все дѣло сводится лишь къ художественной формѣ, въ какую облечено это содержаніе. По особымъ условіямъ нашей общественности у насъ весьма долгое время моральные и особенно общественные вопросы могли проникать въ массу публики лишь въ произведеніяхъ изящной литературы и литературной критики, что при обобщеніи этого явленія создало дѣйствительно принципіальный вопросъ объ искусствѣ для искусства и объ искусствѣ для жизни, но собственно говоря, это есть вопросъ не эстетики, а соціологіи, разсматриваю-

щей общественное значеніе тѣхъ явленій, которыя въ эстетикѣ ставятся на почву чисто психологическаго разсмотрѣнія,—что̀ такое художественное наслажденіе, и что̀ такое художественное творчество. Какъ ни любопытны эти вопросы сами по себѣ, они, конечно, не могутъ идти рядомъ съ основными вопросами теоріи знанія и этики. Вотъ почему мы обращаемъ здѣсь вниманіе изъ трехъ наукъ, непосредственно примыкающихъ къ психологіи, лишь на двѣ только-что названныя. Что касается до педагогики, то это есть не что иное, какъ психологія дѣтскаго возраста съ практическими указаніями на то, какъ слѣдуетъ вести дѣло воспитанія. Въ дѣлѣ выработки міросозерцанія занятіе педагогикой особаго значенія имѣть не можетъ.

Въ этой бесѣдѣ я остановлюсь на теоріи знанія и этикѣ, какъ на элементахъ общаго образованія, имѣющаго цѣлью міросозерцаніе.

Изъ философскихъ наукъ въ настоящее время лишь психологія и логика (въ тѣсномъ смыслѣ) представляютъ изъ себя настолько выработанныя ученія, что въ общемъ достаточно для той цѣли, которая нами имѣется въ виду, быть знакомымъ съ этими науками въ ихъ современномъ состояніи. Хотя, конечно, психологія не достигла еще того научнаго совершенства, какимъ по справедливости могутъ гордиться физика и химія, но и въ изученіи психологіи можно ограничиваться современными теоріями, не справляясь о томъ, какія воззрѣнія на тѣ или другіе вопросы существовали раньше Чѣмъ менѣе выработана какая-либо наука, тѣмъ все бо̀льшее и бо̀льшее значеніе пріобрѣтаютъ въ ней отдѣльныя, бо̀льшею частью несогласныя или мало между собою согласныя ученія, и притомъ не только современныя, но и тѣ, которыя высказывались въ прежнія времена, такъ какъ пункты, раздѣлявшіе мнѣнія даже древнихъ мыслителей по нѣкоторымъ

основнымъ вопросамъ, не утратили своего значенія и по сей день. Въ такомъ именно положеніи находятся теорія познанія и этика, съ вопросами коихъ гораздо удобнѣе, — если не желаешь чисто догматическаго усвоенія тѣхъ или другихъ взглядовъ, высказывающихся въ текущей литературѣ, — знакомиться исторически. Вотъ почему рядомъ съ психологіей въ ея современномъ состояніи для ознакомленія съ вопросами теоріи знанія и этики рекомендуемъ прежде всего обратиться къ исторіи философіи, что̀, конечно, не исключаетъ и самостоятельнаго знакомства съ современными гносеологическими и этическими теоріями послѣ того, какъ будетъ подготовлена почва для критическаго отношенія къ этимъ фактамъ путемъ усвоенія главнѣйшихъ данныхъ исторіи философіи.

Тѣмъ болѣе это общее замѣчаніе можетъ имѣть силу, что гносеологія и этика играютъ весьма видную роль въ исторіи философіи. Хотя философія началась съ метафизическихъ размышленій о мірѣ и человѣкѣ, и первые ея вопросы были вопросы о первоначалѣ (ἀρχή) всего сущаго и о сущности души, однако, съ развитіемъ философіи все болѣе и болѣе сталъ выдвигаться на первый планъ вопросъ о томъ, что̀ такое познаваніе и насколько оно вообще возможно. Метафизика, какъ стремленіе постигнуть основы всякаго бытія, приводитъ въ историческомъ развитіи къ гносеологіи въ смыслѣ стремленія установить прочныя основанія для человѣческаго знанія. Первые философы не ставили себѣ этихъ вопросовъ, и если относились къ чему критически при разрѣшеніи своихъ задачъ, такъ только къ отвѣтамъ, которые находили въ преданіяхъ и представленіяхъ народной вѣры, но никакъ не къ источникамъ, къ коимъ обращались за знаніемъ, и не къ пріемамъ своего мышленія. Съ теченіемъ времени сама метафизика въ смыслѣ познаванія сущности вещей сдѣ-

лалась предметомъ критическаго отношенія со стороны философовъ: результатомъ-то этого и было возникновеніе теоріи познанія. Въ исторіи философіи это былъ моментъ въ высшей степени важный. Такъ какъ на первыхъ порахъ гносеологическіе вопросы могли быть поставлены въ наиболѣе простой и удобопонятной формѣ и углублялись лишь съ теченіемъ времени и съ развитіемъ критической мысли, то для перваго знакомства съ этими вопросами историческій путь ихъ усвоенія представляется намъ наиболѣе легкимъ, удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Гносеологическіе вопросы въ той развитой формѣ, въ какой они ставятся новѣйшей философіей, никогда сами собою никому въ голову не придутъ, и можно даже быть довольно образованнымъ человѣкомъ и весьма ученымъ спеціалистомъ, оставаясь въ области вопросовъ теоріи познанія на точкѣ зрѣнія философовъ древнѣйшаго періода, не задававшихся этими вопросами. Съ другой стороны, не повторивъ въ своемъ умѣ при помощи философіи исторіи всего того мыслительнаго процесса, посредствомъ коего философія пришла къ современной постановкѣ и рѣшеніямъ указанныхъ вопросовъ, трудно, а подчасъ и прямо невозможно понять надлежащимъ образомъ основныя проблеммы гносеологіи. Въ школѣ ученику объясняютъ систему Коперника, и для того, чтобы онъ ее понялъ, нѣтъ надобности разсказывать ему, какія существовали космографическія представленія до Коперника, начиная (въ обратномъ порядкѣ) системой Птолемея и кончая наивными представленіями о чемъ-нибудь въ родѣ трехъ китовъ, держащихъ на себѣ землю. Гносеологія — другое дѣло: тутъ, хотя бы самымъ бѣглымъ образомъ, приходится разъяснять дѣло, переходя отъ простѣйшихъ постановокъ вопроса къ постановкамъ болѣе сложнымъ, что въ сущности есть путь историческій, какъ бы ни былъ онъ зама-

скированъ неисторическою формою изложенія. Вотъ почему и я въ настоящей бесѣдѣ ограничиваюсь только указаніемъ на существованіе гносеологическихъ вопросовъ, отсылая читателей за подробностями къ руководствамъ по философіи исторіи, въ коихъ особое вниманіе рекомендую отвести ученію Канта, подготовленному, разумѣется, всѣмъ предыдущимъ ходомъ философскаго мышленія и оказавшему такое могучее вліяніе на постановку гносеологическихъ вопросовъ въ новѣйшей философіи. Укажу, впрочемъ, еще на два главные вопроса въ этой области:

1) Что̀ такое познаніе? Есть ли оно адэкватный (т.-е. вполнѣ соотвѣтственный, равносильный) отпечатокъ дѣйствительности, или же оно есть внутреннее психическое явленіе, при которомъ оно не можетъ быть отпечаткомъ или какъ бы повтореніемъ вещей? Замѣчу, что вторая точка зрѣнія естественно влечетъ за собою ученіе о томъ, что результаты познавательнаго процесса обусловлены свойствами нашихъ познавательныхъ способностей и что, слѣдовательно, мы познаемъ вещи такъ, какъ онѣ намъ являются, а не такъ, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ.

2) Какъ вообще возникаетъ познаваніе, т.-е. изъ одного ли только опыта, какъ сочетанія воспріятій, или и изъ дѣятельности разума, который привноситъ въ познавательный процессъ прирожденныя разуму начала, если послѣднія не заключаются въ воспріятіяхъ, слагающихся въ данныя опыта?

За историческимъ ознакомленіемъ съ тѣмъ, какъ ставились и рѣшались эти два вопроса, могло бы быть нетолько умѣстнымъ, но даже прямо необходимымъ своего рода подведеніе итоговъ подъ результатами исторіи философіи въ особомъ критическомъ изслѣдованіи границъ и источниковъ человѣческаго знанія. Замѣчу только, что эти два вопроса имѣютъ значеніе первостепенной важности въ

дѣлѣ выработки міросозерцанія. Отъ взгляда на то, что̀ доступно и что̀ недоступно нашему познанію (т.-е. что въ послѣднемъ случаѣ для знанія, какъ такового, какъ бы не существуетъ), и отъ взгляда на то, какимъ путемъ человѣкъ пріобрѣтаетъ знаніе того, что̀ можетъ быть предметомъ знанія,—зависитъ вся общая окраска міросозерцанія. Исходные пункты такого рода должны существовать во всякомъ міросозерцаніи; но понятно, что рѣшенія обоихъ вопросовъ въ томъ или другомъ направленіи не должны приниматься на вѣру, безъ всесторонней критики, основанія для которой даются прежде всего именно историческимъ освѣщеніемъ вопросовъ. Въ предыдущихъ бесѣдахъ мы исходили изъ той идеи, что нашему знанію доступны лишь одни явленія, а не сущность вещей, но для обоснованія этого взгляда нужно обратиться уже къ самой гносеологіи въ ея историческомъ развитіи.

Тотъ же путь историческаго ознакомленія можно рекомендовать и по отношенію къ основнымъ вопросамъ этики—и въ общемъ по причинамъ, имѣющимъ отношеніе и къ теоріи знанія, какія были только что указаны. Я думаю, однако, что можно и инымъ путемъ познакомиться съ разными способами рѣшенія вопросовъ этики, взявъ эти способы не въ той послѣдовательности, въ какой они другъ друга смѣняли, а въ тѣхъ пунктахъ сходствъ и различій, между ними существующихъ, которые позволяютъ классифицировать этическія доктрины, т.-е. распредѣлять ихъ между нѣсколькими основными типами съ указаніями на тѣ аргументы *pro* и *contra*, какіе могутъ быть выставлены по отношенію къ каждому такому типу. Во всякомъ случаѣ исторія этики, составляющая одну изъ весьма важныхъ сторонъ исторіи философіи, должна быть резюмирована въ подобномъ сравнительномъ разсмотрѣніи. Въ концѣ-концовъ вопросы этики могутъ быть сведены къ

психологическому объясненію генезиса нравственнаго чувства и къ творческому установленію нравственныхъ идеаловъ, если только мы не захотимъ признавать эти идеалы, какъ нѣчто данное внѣ насъ и лишь воспринимаемое нашимъ сознаніемъ.

Научная психологія стремится поставить вопросъ о генезисѣ нравственности на эволюціонную точку зрѣнія. Нравственность не только фактъ индивидуальной жизни,—въ которой, конечно, и она, какъ и все остальное въ этой жизни, подчинена закону развитія,—она есть еще фактъ въ коллективной жизни человѣчества. Исходя изъ той идеи, что современное состояніе передовой части человѣческаго рода есть результатъ длинной эволюціи, мы въ настоящее время не можемъ смотрѣть на наши теперешнія нравственныя понятія, какъ на нѣчто исконное, и должны, наоборотъ, искать ихъ объясненія въ болѣе элементарныхъ, такъ сказать зародышевыхъ (эмбріональныхъ) явленіяхъ полуживотной и даже прямо животной жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ. Потребовалось весьма продолжительное время на то, чтобы могли выработаться моральныя истины, и чтобы наша воля сдѣлалась способною дѣйствовать по идеальнымъ мотивамъ. Какъ расширялись и углублялись наши этическія воззрѣнія, объ этомъ, конечно, лучше всего могла бы повѣдать намъ нравственная исторія человѣчества, еслибы такая исторія была написана; но вопросъ о развитіи самихъ нравственныхъ способностей человѣка есть, конечно, вопросъ психологіи и именно психологіи, поставленной на эволюціонную точку зрѣнія. Между прочимъ лишь на такой почвѣ возможно рѣшеніе основного вопроса о высшемъ благѣ или послѣдней цѣли, ради коей человѣкомъ желается все остальное.

И въ древней, и въ новой философіи по этому во-

просу давалось два противоположныхъ отвѣта: одни утверждали, что послѣднею цѣлью, ради коей люди желаютъ всего другого, является наслажденіе, тогда какъ другіе видѣли высшее благо, такъ сказать, въ опредѣленномъ способѣ проявленія жизненной способности. Мы можемъ назвать этическія доктрины съ первою исходною точкою зрѣнія гедонистическими, другія — энергистическими, поскольку для однѣхъ все въ наслажденіи (ἡδονή), для другихъ—въ энергическомъ выступленіи во внѣшнемъ мірѣ. Дѣло въ томъ, что съ эволюціонной точки зрѣнія не наслажденіе является источникомъ побужденія, а, наоборотъ, удовлетвореніе побужденія—источникомъ наслажденія; побужденіе же само есть не что иное, какъ одно изъ присущихъ организму (конечно, постепенно развившихся въ немъ) стремленій. Высшее благо, послѣдняя цѣль, къ которой направляется воля всѣхъ живущихъ существъ, есть нормальное проявленіе жизненныхъ дѣятельностей, къ коимъ только предрасположенъ извѣстный животный видъ. У новорожденнаго ребенка есть уже извѣстныя стремленія, требующія своего удовлетворенія (сосаніе груди), прежде, нежели путемъ повторительныхъ опытовъ онъ могъ бы узнать, что принятіе пищи относится къ числу жизненныхъ наслажденій. Этика есть прежде всего наука о волѣ, потомъ уже о чувствѣ, сопровождающемъ извѣстныя дѣятельности или такими дѣятельностями вызываемомъ, и лишь послѣ всего—о представленіяхъ, въ коихъ воля даетъ сознательное выраженіе своимъ стремленіямъ или которыми воля начинаетъ руководиться, освобождаясь тѣмъ самымъ отъ подчиненія чувственности.

Долгое время этика ограничивалась, далѣе, одною индивидуальною жизнью, беря нравственность, какъ нѣчто такое, что̀ существуетъ лишь для потребностей личной

жизни въ ея частныхъ отношеніяхъ къ такой же личной жизни другихъ. Другими словами идея нравственнаго примѣнялась лишь къ поступкамъ или поведенію отдѣльныхъ лицъ, не касаясь при этомъ взаимоотношеній между отдѣльными классами общества и вообще соціальныхъ формъ. Индивидуальная этика, принципы коей не переносятся затѣмъ изъ сферы частной жизни въ сферу общественныхъ порядковъ, есть зданіе, имѣющее фундаментъ, и стѣны, которыя доведены только до половины своей высоты, т.-е. есть нѣчто недоконченное. Люди суть не только отдѣльныя единицы, ведущія себя однѣ по отношенію къ другимъ такъ или иначе, но и составныя части нѣкотораго общественнаго цѣлаго, поставленныя другъ къ другу въ такія или иныя отношенія, и вопросъ о нравственности или безнравственности можетъ быть предъявляемъ не только къ отдѣльнымъ поступкамъ съ ихъ мотивами и результатами, но и къ цѣлымъ общественнымъ порядкамъ съ принципами, лежащими въ ихъ основѣ, съ тѣми вліяніями, какія эти порядки оказываютъ на моральную сторону жизни. Короче говоря, наше время требуетъ дополненія этики индивидуальной этикою соціальною. Но не нужно забывать, что послѣдняя можетъ быть лишь довершеніемъ первой, продолженіемъ ранѣе уже возведенныхъ стѣнъ увѣнчивающимъ ихъ куполомъ. Другими словами, соціальная этика должна быть лишь примѣненіемъ къ общественнымъ учрежденіямъ тѣхъ принциповъ, которые въ индивидуальной этикѣ были найдены для частныхъ отношеній. Чисто индивидуальная этика могла, напр., предписывать моральное отношеніе къ рабу, вполнѣ мирясь, какъ это и бывало, съ самимъ рабствомъ, но этика соціальная этимъ уже не довольствуется и объявляетъ самое рабство явленіемъ безнравственнымъ. Съ другой стороны, было бы совершенно

фантастическою затѣею строить соціальную этику на какихъ-либо иныхъ началахъ, кромѣ началъ этики индивидуальной, положимъ, напр., на началахъ исключительно экономическихъ, поскольку всѣ другія начала (и въ особенности именно начала экономическія) не суть вообще начала этическія. Впрочемъ, объ этомъ рѣчь будетъ идти еще впереди. Лишь при соединеніи въ одно цѣлое этики индивидуальной и этики соціальной можно надлежащимъ образомъ рѣшить еще одинъ коренной вопросъ въ этой важной области мысли.

Этическія ученія по вопросу о критеріи, или мѣрилѣ моральнаго достоинства настроеній и поступковъ могутъ быть раздѣлены на формалистическія и телеологическія: первыя исходятъ изъ чисто формальнаго принципа соотвѣтствія настроенія или поступка съ нравственнымъ закономъ, какъ его каждый понимаетъ для себя, тогда какъ вторыя имѣютъ въ виду стремленіе къ извѣстнымъ цѣлямъ или осуществленіе извѣстныхъ цѣлей, отъ чего происходитъ благо для всѣхъ, кого только могутъ касаться данные поступки. Съ точки зрѣнія чисто индивидуалистической этики еще можно примириться съ формалистическимъ взглядомъ, но онъ совершенно непримѣнимъ къ этикѣ соціальной, которая разсматриваетъ общественныя формы, какъ нѣчто долженствующее существовать для высшей цѣли, каковою является благо отдѣльныхъ лицъ. Лично я могу поступать такъ или иначе, сообразуясь исключительно съ своимъ пониманіемъ добра и зла и не заглядывая впередъ, чтобы каждый разъ предрѣшать вопросъ о послѣдствіяхъ моего поступка, но когда рѣчь идетъ объ извѣстныхъ соціальныхъ порядкахъ, судить о нихъ приходится по тѣмъ послѣдствіямъ, какія они могутъ и должны имѣть по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Высшую санкцію моральнымъ требованіямъ

можетъ дать для каждаго, кто только не эгоистично индифферентенъ къ судьбѣ отдѣльныхъ личностей и общественному благу, именно то соображеніе, что лишь поступки, вытекающіе изъ хорошихъ побужденій и не противорѣчащіе хорошимъ настроеніямъ, могутъ служить истинною основою общественнаго благополучія.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни рѣшали споръ между гедонизмомъ и энергизмомъ, между формализмомъ и телеологизмомъ, современная этика не можетъ быть неэволюціонной и исключительно только индивидуальной. Такъ какъ, однако, указанныя точки зрѣнія (эволюціонизма и соціальной этики) еще сравнительно новы, то въ этикѣ съ этихъ точекъ зрѣнія придется еще выяснять очень многія стороны вопроса о природѣ и генезисѣ нравственности. Есть тѣмъ не менѣе, какъ бы мы ни понимали эту природу и этотъ генезисъ, нѣкоторыя моральныя нормы, коими всякій нравственно развитой человѣкъ чувствуетъ себя обязаннымъ руководиться, и отступленіе отъ коихъ вызываетъ осужденіе или самоосужденіе, смотря по тому, приходится ли оцѣнивать чужой поступокъ или свой собственный. Одною изъ такихъ нормъ является повелѣніе. „не дѣлай другимъ того, чего ты не хотѣлъ бы, чтобы другіе тебѣ дѣлали“. Изъ этого принципа можно вывести цѣлый кодексъ морали и не только для частнаго обихода, но и для общественной жизни. Съ другой стороны, есть формулы, безнравственности которыхъ не хотятъ видѣть лишь люди, въ лучшемъ случаѣ, недостаточно думавшіе о различіи между добромъ и зломъ, въ худшемъ случаѣ или ослѣпленные какою-либо страстью, или лишенные нравственнаго чутья. Такова, напр., знаменитая формула о томъ, будто цѣль оправдываетъ средства. Этическіе принципы, подобно логическимъ истинамъ, должны отличаться безусловностью:

идти къ хорошей цѣли, пользуясь дурными средствами, это—такое же противорѣчіе, какъ добывать истину при помощи ложныхъ пріемовъ мысли или доказывать вѣрныя мысли посредствомъ завѣдомой подтасовки фактовъ. Само ученіе объ оправданіи дурныхъ средствъ хорошею цѣлью есть дурное ученіе, старающееся оправдать себя хорошими намѣреніями, т.-е. нѣчто въ родѣ тѣхъ благочестивыхъ обмановъ (piae fraudes), которые были такъ часты въ средніе вѣка. Истинное этическое воззрѣніе не нуждается въ оправданіи, ибо само по себѣ уже право: оправдываться приходится лишь тому, кто чувствуетъ за собою вину передъ правдою, хотя бы и смутно сознаваемою. Обманъ останется обманомъ, т.-е. вещью нехорошею, хотя бы мы и назвали его благочестивымъ; тому, кто разъ обманываетъ по принципу, нельзя вѣрить, когда онъ говоритъ, что обманываетъ онъ съ хорошею цѣлью, ибо кто можетъ поручиться, что и самая эта цѣль не есть тоже обманъ? Съ другой стороны, конечно, каждый, держащійся формулы: „цѣль оправдываетъ средства“, глубоко возмутился бы, еслибы къ нему самому примѣнили эту самую формулу, а это было бы уже прямымъ нарушеніемъ великой моральной заповѣди: „не дѣлай другимъ того, чего ты не хотѣлъ бы, чтобы тебѣ дѣлали другіе“.

Я нашелъ нужнымъ сдѣлать здѣсь это небольшое разсужденіе о доктринѣ, оправдывающей цѣлью средства, въ виду двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, съ точки зрѣнія телеологической этики, оцѣнивающей поступки по ихъ цѣлямъ, весьма легко впасть въ ошибку, если только думать, что однимъ вопросомъ о цѣли рѣшается весь вопросъ о нравственномъ достоинствѣ поступка. Для этическаго сужденія нужно брать дѣяніе во всей совокупности его моментовъ, начиная съ побужденія къ его

совершенію съ сопровождающимъ это побужденіе настроеніемъ и кончая тѣмъ вліяніемъ, которое дѣяніе это оказало на судьбу извѣстныхъ лицъ: безусловный нравственный законъ требуетъ, чтобы въ этомъ процессѣ все отъ начала до конца проникнуто было однимъ принципомъ, а этого не будетъ, если въ принципіальномъ отношеніи средства будутъ противорѣчить цѣли. Телеологическая этика отнюдь не устраняетъ требованій этики формалистической: поступокъ долженъ быть благотворенъ по своимъ послѣдствіямъ, но въ немъ не должно быть ничего, что противорѣчило бы нравственному закону, ибо въ противномъ случаѣ мы не могли бы называть его нравственнымъ дѣяніемъ. Это разъ. Съ другой стороны, долженъ существовать нѣкоторый высшій критерій для опредѣленія этическаго значенія не только поступковъ, но и тѣхъ нормъ, подъ которыя люди подводятъ свои поступки. Есть нормы, этическій характеръ коихъ никѣмъ не оспаривается; это тѣ нормы, которыя соотвѣтствуютъ общепризнанному принципу этическаго поведенія, формулированному въ смыслѣ недѣланія другимъ того, чего не желаешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали, — тѣ нормы, которыя прямо вытекаютъ изъ этого принципа. Но есть другія формулы, которыя не могутъ быть такими нормами и не могутъ быть ими потому, что не только не вытекаютъ изъ этого принципа (и слѣдовательно, являются по отношенію къ нему безразличными, каковы многія нормы поведенія въ дѣлахъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ моральному добру и злу), но даже прямо ему противорѣчатъ, его отрицаютъ или ограничиваютъ и ограничиваютъ — что самое важное — не во имя какого-либо высшаго принципа (въ данномъ случаѣ даже не существующаго), а во имя принциповъ низшихъ категорій (каковъ принципъ пользы, напримѣръ).

Все это указываетъ на то, что этическое міросозерцаніе должно быть прежде всего цѣльнымъ, т.-е. подчинять всѣ свои принципы одному высшему критерію добра, по отношенію къ которому эти принципы были бы не чѣмъ инымъ, какъ строго логическими выводами изъ одной основной истины. Въ этомъ смыслѣ, этика, не какъ наука о нравственныхъ явленіяхъ, ихъ природѣ и ихъ генезисѣ, а какъ философія нравственной жизни, должна быть наукой дедуктивной, подобной математикѣ, которая изъ немногихъ аксіомъ извлекаетъ цѣлый рядъ новыхъ истинъ и располагаетъ ихъ въ стройную систему. Работать надъ пріобрѣтеніемъ такого міросозерцанія есть одна изъ наиболѣе важныхъ задачъ для человѣческаго ума при этическомъ отношеніи къ жизни; отношеніе же такого рода къ жизни въ силу того, что было сказано по поводу этики индивидуальной и этики соціальной, не должно покидать насъ и тогда, когда мы изъ сферы вопросовъ личной жизни и частныхъ отношеній между людьми перейдемъ въ область жизни общественной и въ область историческаго существованія человѣчества.

V. О научной основѣ и субъективизмѣ соціологіи.

Психологія, какъ мы видѣли, должна изучать не только тѣ психическія явленія, которыя присходятъ въ индивидуальной жизни, но и тѣ, которыя заключаются въ психическомъ взаимодѣйствіи между индивидуумами или возникаютъ на почвѣ этого взаимодѣйствія. Къ явленіямъ послѣдней категоріи относится, во-первыхъ, все то, что мы называемъ духовною культурою народовъ, а

именно, языкъ, нравы, обычаи, миѳологія, религія, поэзія, философія, наука и т. п., а во-вторыхъ, все подводимое нами подъ понятіе общественности въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, народное хозяйство, право, государство. Будемъ ли мы изучать эти культурныя и соціальныя явленія, какими они намъ даны въ исторіи отдѣльныхъ странъ и эпохъ, или будемъ изучать законы, управляющіе этими явленіями, гдѣ бы и когда бы послѣднія ни были намъ даны, мы не въ состояніи представить ихъ себѣ на какой-либо иной почвѣ, кромѣ почвы психологической, ибо всѣ эти явленія въ послѣднемъ анализѣ сводятся къ отдѣльнымъ актамъ мышленія или воли отдѣльныхъ лицъ, взятыхъ въ ихъ духовномъ или общественномъ взаимодѣйствіи. Между тѣмъ дѣлались попытки основанія соціологіи, какъ науки о законахъ, управляющихъ общественными явленіями, на изученіи не духовной, а чисто животной жизни человѣка. Попытки эти дѣлались именно въ трехъ направленіяхъ. Первое изъ нихъ можно назвать дарвинизмомъ въ соціологіи. Когда великій англійскій естествоиспытатель обнародовалъ свою теорію о тѣхъ законахъ, которые господствуютъ въ видовой (т.-е. не индивидуальной, а коллективной для организмовъ одного и того же вида) жизни растеній и животныхъ, тотчасъ же стали дѣлаться попытки объясненія изъ этихъ началъ и общественной жизни человѣка. Несомнѣнно, въ жизни человѣчества продолжаютъ дѣйствовать тѣ же біологическіе законы, которые были установлены Дарвиномъ для всей органической природы, и въ этомъ смыслѣ распространеніе его идей на міръ человѣка имѣло свое весьма важное значеніе, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вся общественная жизнь сводилась къ тѣмъ явленіямъ, которыя наблюдаются въ совмѣстномъ существованіи многихъ организмовъ одного вида, не составляющемъ еще общественности: цѣлый рядъ

деревьевъ не образуетъ еще общества, какъ не образуетъ общества и цѣлый рой мухъ. Притомъ общественность покоится на солидарности, т. е. на началѣ, діаметрально противоположномъ борьбѣ за существованіе, понятіе о которой есть исходный пунктъ всей дарвиновой теоріи. Если зоологія чѣмъ-либо можетъ помочь соціологіи, то только изученіемъ животныхъ общежитій, представляющихъ изъ себя эмбріональныя, зародышевыя формы общественности, какія только возможны при томъ низкомъ уровнѣ психическаго развитія, какое наблюдается у всѣхъ общественныхъ животныхъ, взятыхъ, конечно, въ сравненіи съ человѣкомъ. Ставя соціологію на эволюціонную точку зрѣнія, мы прямо обязаны искать зародышей общественности еще въ зоологическомъ мірѣ, изъ котораго выдѣлился міръ человѣка съ его высшимъ духовнымъ развитіемъ и болѣе развитыми формами общественности. Соціологи-дарвинисты грѣшили именно тѣмъ, что думали строить свои теоріи не на изслѣдованіи психической и соціальной жизни животныхъ, а непосредственно на изученіи законовъ, управляющихъ чисто физическимъ существованіемъ растительныхъ и животныхъ видовъ, упуская изъ виду, что въ этомъ физическомъ существованіи нѣтъ самаго важнаго съ точки зрѣнія соціолога, т.-е. психическаго взаимодѣйствія индивидуумовъ и образованія изъ нихъ соціальныхъ организацій.

Другую категорію попытокъ основанія соціологіи непосредственно на данныхъ біологіи представляютъ изъ себя теоріи, общая черта коихъ—отождествленіе общества съ индивидуальнымъ организмомъ. Съ этой точки зрѣнія организмъ и общество одно и то же, и тѣ законы, коими управляются жизнь и развитіе организма, признаются за нѣчто, сохраняющее свою силу и по отношенію къ обществу. Противъ такого представленія глав-

нымъ возраженіемъ будетъ то, что въ организмѣ отдѣльныя клѣточки соединены въ одно цѣлое физическою связью, причемъ въ этомъ цѣломъ отдѣльная клѣточка теряетъ свою индивидуальность, тогда какъ въ обществѣ отдѣльныя особи (не только люди, но, напр., и муравьи, и пчелы, и грачи, и стадныя обезьяны и т. п.), существуя каждая раздѣльно, связываются между собою въ то или другое цѣлое чисто психическою связью и въ большей или меньшей мѣрѣ сохраняютъ свою индивидуальность. Организмъ есть цѣлое конкретное, въ коемъ отдѣльныя части, такъ-сказать, срастаются между собою въ одно физическое тѣло, общество же есть цѣлое дискретное, покоящееся на психической связи. Какъ въ случаѣ примѣненія къ обществу началъ біологіи коллективнаго существованія, такъ и въ этомъ случаѣ примѣненія къ соціологіи началъ біологіи индивидуума, обнаруживается невозможность основанія соціологіи непосредственно на біологическихъ началахъ, минуя индивидуальную и коллективную психологію.

Третью категорію попытокъ основанія соціологіи не на психологіи мы имѣемъ въ такъ-называемомъ экономическомъ матеріализмѣ. Такое названіе носитъ ученіе, стремящееся свести все содержаніе культурной и соціальной жизни въ ея историческомъ развитіи къ одной экономической основѣ. Съ этой точки зрѣнія соціологія должна строиться единственно на томъ фундаментѣ, какой представляетъ изъ себя политическая экономія, какъ наука о законахъ народнаго хозяйства. Подобно дарвинизму въ соціологіи и отождествленію общества съ организмомъ, экономическій матеріализмъ стремится объяснить общество, его строеніе, его отправленія, его жизнь, его развитіе изъ однихъ матеріальныхъ условій, причемъ предполагаетъ, что у человѣка существуетъ къ природѣ

и другимъ людямъ лишь одно экономическое отношеніе. Этого, конечно, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Еще въ этой бесѣдѣ мы увидимъ, что у человѣка и къ природѣ, и къ другимъ людямъ, кромѣ экономическаго отношенія, существуютъ отношенія и другихъ родовъ (отношенія, какъ будетъ показано ниже, эмоціональное и теоретическое, а въ примѣненіи къ другимъ людямъ, кромѣ того, и этическое): на почвѣ этихъ отношеній, въ образованіи коихъ участвуютъ наши умъ, чувство и воля, выростаютъ всѣ тѣ элементы духовной культуры и всѣ тѣ стороны соціальной организаціи, которые не могутъ быть выведены изъ одного экономическаго отношенія человѣка къ природѣ и къ другимъ людямъ. Наконецъ, само это отношеніе, имѣющее въ виду лишь потребности физической жизни человѣка, въ концѣ-концовъ, опять-таки сводится къ психическимъ факторамъ, къ извѣстнымъ расчетамъ, настроеніямъ, желаніямъ, дѣйствіямъ. Другими словами, сама политическая экономія не только не въ состояніи объяснить всей общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, но сама еще нуждается въ извѣстнаго рода психологическихъ предпосылкахъ относительно тѣхъ цѣлей, какія ставитъ человѣкъ своей хозяйственной дѣятельности, и тѣхъ средствъ, къ коимъ онъ прибѣгаетъ для достиженія этихъ цѣлей.

Итакъ, попытки устранить психологію, какъ единственную законную основу соціологіи, при критическомъ къ нимъ отношеніи, сами приводятъ къ мысли о томъ, что для соціологіи нѣтъ другой непосредственной основы, кромѣ психологіи. Для соціологовъ, думавшихъ строить науку объ обществѣ, люди были только животныя особи, составляющія предметъ біологіи, никакъ не личности, изучаемыя психологіей; не въ качествѣ же личностей, изучаемыхъ психологіей, брали ихъ соціологи органической

школы, для которыхъ люди были только своего рода клѣточками общественнаго организма; точно также и экономическій матеріализмъ беретъ человѣка не такимъ, какимъ онъ является въ психологіи, т.-е. беретъ его не въ качествѣ личности, а лишь въ одной сторонѣ ея существованія, беретъ именно человѣка лишь въ его роли производителя и потребителя матеріальныхъ средствъ человѣческаго существованія. Менѣе всего, конечно, можно уподобить человѣка клѣточкѣ организма: онъ все-таки самостоятельная животная особь. Но и свести всего человѣка къ понятію животной особи не приходится; онъ есть нѣчто большее, и даже то представленіе, какое имѣетъ о человѣкѣ экономическій матеріализмъ, приписываетъ ему нѣчто такое, что̀ не позволяетъ намъ видѣть въ человѣкѣ только животную особь. Однако, и это воззрѣніе еще далеко отъ истины: психологія, дѣлающая предметомъ своего изученія человѣка, не какъ животную особь, а какъ именно нѣчто большее, никогда не согласится на то, чтобы видѣть въ человѣкѣ лишь одареннаго высокими психическими способностями производителя и потребителя продуктовъ, необходимыхъ для поддержанія его собственнаго физическаго существованія. Попытки основанія соціологіи не на психологическихъ, а какихъ-нибудь другихъ данныхъ, касающихся физической природы человѣка, иногда называютъ реалистическими, противополагая имъ психологическое обоснованіе, какъ ненаучный яко-бы идеализмъ. Но это положительно невѣрно. Такія попытки мы можемъ назвать зоологическими, натуралистическими, матеріалистическими, ибо всѣ онѣ стремятся объяснить міръ человѣка одними началами міра животныхъ, міра природы, міра физическаго существованія, они только псевдореалистичны, настоящій же реализмъ на сторонѣ объясненія общественныхъ явленій изъ тѣхъ явленій психиче-

скихъ, безъ существованія которыхъ они сами были бы совершенно немыслимы, а уже потомъ и изъ условій чисто физическаго существованія человѣка. Все это — временныя, преходящія увлеченія, объясняющіяся, съ одной стороны, естественнымъ стремленіемъ къ самому широкому примѣненію новыхъ открытій, сдѣланныхъ въ области естествознанія, съ другой — теоретическою отсталостью соціальныхъ наукъ въ сравненіи съ науками, изучающими природу. Даже и признавая относительную пользу подобныхъ попытокъ, поскольку каждая изъ нихъ вносила въ соціологію и нѣчто положительное, нельзя, однако, не указать людямъ, обращающимся къ соціологическому чтенію для выработки общественнаго міросозерцанія, что имъ положительно слѣдуетъ остерегаться отъ соціологическихъ обобщеній, заимствованныхъ изъ не-соціологическихъ областей или ставящихъ въ самой соціологической области одну сторону общественной жизни на мѣсто и даже въ основу всей этой жизни въ ея цѣломъ.

Еще разъ повторивъ, что соціологію отъ естественныхъ наукъ отдѣляетъ психологія, которая потому и должна быть истинною основою соціологіи, я укажу еще и на то, что изъ общественныхъ наукъ такъ же трудно, какъ психологическую обосновку, было бы устранить равнымъ образомъ и этическую оцѣнку тѣхъ явленій, съ коими эти науки имѣютъ дѣло. Въ обществѣ реальны только отдѣльныя личности: лишь онѣ мыслятъ, чувствуютъ, наслаждаются, страдаютъ, желаютъ, стремятся, дѣйствуютъ и т. д. „Не человѣкъ существуетъ для субботы, а суббота для человѣка“: все то, что̀ мы называемъ общественными явленіями, можетъ поэтому и даже прямо должно подлежать нашей оцѣнкѣ съ точки зрѣнія блага этихъ личностей; это и есть этическая точка зрѣнія. Въ установленіи и объясненіи фактовъ общественныя науки

должны вполнѣ слѣдовать примѣру естествознанія съ его научнымъ объективизмомъ, но разъ въ природѣ не существуетъ и существовать не можетъ этическаго отношенія, какое мыслимо лишь къ человѣку, и рѣчи быть не должно въ естествознаніи о какомъ-либо такомъ субъективизмѣ, какой нужно признать необходимымъ и законнымъ въ соціологіи и исторіи,—необходимымъ и законнымъ въ качествѣ отношенія, отнюдь не вредящаго ихъ научности и въ то же время устраняющаго опасность неполноты въ добываемомъ ими знаніи о томъ, что̀ такое общественная жизнь и въ чемъ заключается ея развитіе.

Научный объективизмъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ подчиненія нашего знанія о явленіяхъ даннымъ опыта и результатамъ наблюденія надъ дѣйствительностью, т.-е. въ смыслѣ воспроизведенія дѣйствительности въ нашемъ представленіи такою, какою она намъ является, независимо отъ того, будетъ ли это представленіе для насъ пріятно или непріятно, выгодно намъ или невыгодно: наши понятія о томъ, что̀ есть, должны основываться на изслѣдованіи того, что̀ есть, а не зависѣть отъ того, что̀ доставляло бы намъ удовольствіе или было бы намъ полезно. Мнѣ пріятнѣе было бы думать, что я, напр., безсмертенъ, но объективная истина не на моей сторонѣ, и я долженъ признать эту истину, какъ она для меня ни непріятна. Для меня было бы выгоднѣе, чтобы то или другое въ моей ближайшей обстановкѣ было не такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности, но существованіе у меня того или другого интереса еще не даетъ мнѣ права на то, чтобы представлять себѣ свою обстановку не такою, какою она дается мнѣ въ дѣйствительности, а такою, какая вполнѣ соотвѣтствовала бы моимъ стремленіямъ. Наука должна констатировать факты, какъ они даны намъ въ опытѣ, должна ставить ихъ въ ту связь между собою, которая опять-таки

дана намъ въ опытѣ, и не должна отступать отъ этого пути, идя все далѣе и далѣе въ своемъ процессѣ добыванія объективной истины, обобщая отдѣльные факты, обобщая сдѣланныя обобщенія, открывая законы явленій и создавая свои общія теоріи. Въ этомъ смыслѣ требованія, какія мы предъявляемъ наукамъ гуманитарнымъ, ничѣмъ не должны отличаться отъ требованій, исполненіе коихъ составляетъ одно изъ первѣйшихъ условій научности въ естествознаніи. Съ такой точки зрѣнія слѣдуетъ, конечно, строго обсуждать всякій субъективизмъ, какого бы происхожденія онъ ни былъ, разъ онъ вноситъ въ представленіе дѣйствительности, которое должно быть прежде всего истиннымъ (т.-е. объективнымъ), какого бы то ни было рода искаженія. Занимаясь гуманитарными науками, нужно учиться у натуралистовъ истинно объективному отношенію къ дѣйствительности, которое есть залогъ настоящаго знанія того, что̀ есть, и какъ оно есть, а не того, что̀ соотвѣтствовало бы только нашимъ предвзятымъ взглядамъ, симпатіямъ или интересамъ. Субъективизмъ въ послѣднемъ смыслѣ, долго царившій въ изученіи міра человѣка, долженъ безвозвратно поэтому исчезнуть изъ науки, какъ принципъ, ничего общаго съ стремленіемъ къ чистой истинѣ не имѣющій, но мы еще увидимъ, что этимъ отнюдь не устраняется другой субъективизмъ, который, наоборотъ, какъ будетъ показано, тѣмъ и дорогъ, что въ немъ тоже заключено стремленіе къ чистой истинѣ, именно субъективизмъ этическій, какого быть не можетъ, по самому существу дѣла, въ изученіи природы, но какой обязательно долженъ существовать въ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ человѣческою личностью и съ человѣческимъ обществомъ.

Истина одна. Двухъ истинъ объ одномъ и томъ же предметѣ быть не можетъ. Между тѣмъ въ наукахъ гума-

нитарныхъ случается сплошь и рядомъ, что за истины принимаются положенія, которыя являются результатами не научнаго изслѣдованія, имѣющаго въ виду лишь одну объективную истину, а результатами соображеній, въ коихъ главную роль играютъ привычки, страсти, интересы и т. п. Историческая литература, напр., къ сожалѣнію, представляетъ немало примѣровъ ненаучнаго субъективизма, объясняющагося принадлежностью историковъ къ разнымъ національностямъ, вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ, партіямъ и т. п., къ разнымъ культурнымъ и соціальнымъ группамъ, въ основѣ существованія коихъ лежатъ явленія, имѣющія свои корни въ сферахъ настроеній чувства и стремленій воли, а не въ области чистой мысли: истина есть одна изъ категорій нашего ума, чувство и воля порождаютъ привычки, предразсудки, настроенія, страсти, желанія и интересы, благодаря коимъ люди и раздѣляются на большею частью враждующія между собою національныя, политическія, конфессіональныя, классовыя, партійныя группы, пріучающія отдѣльныхъ своихъ членовъ (въ томъ числѣ и историковъ) подчинять научное исканіе истины (часто совершенно безсознательно при отсутствіи критическаго отношенія къ собственному мышленію, требуемаго, однако, наукою), подчинять это исканіе другимъ стремленіямъ, съ исканіемъ истины не имѣющимъ ничего общаго. Господство такихъ стремленій выражается именно въ разныхъ видахъ пристрастнаго отношенія къ явленіямъ прошедшаго и настоящаго – отношенія, которое должно отвергаться наукою во имя объективной истины, искажаемой или прямо нарушаемой какими бы то ни было пристрастіями, и которое, кромѣ того, противорѣчитъ равнымъ образомъ и этической идеѣ справедливости, требующей, чтобы истина не приносилась въ жертву страстямъ и интересамъ. И объективная

наука, и субъективный моральный идеалъ требуютъ въ сущности одного и того же: и въ констатированіи фактовъ, и въ ихъ оцѣнкѣ, въ судѣ надъ ними будь прежде всего безпристрастенъ, не давай господства надъ изслѣдующею и судящею дѣятельностью своего ума настроеніямъ чувства и стремленіямъ воли, разъ и эти настроенія,и стремленія эти опредѣляются предразсудками, страстями и интересами тѣхъ культурныхъ и соціальныхъ группъ, къ которымъ ты принадлежишь.

Объективизмъ есть безпристрастіе. Тамъ, гдѣ къ явленіямъ и не можетъ быть пристрастнаго отношенія, именно въ изученіи природы, объективизмъ вытекаетъ естественно и необходимо изъ той задачи, какую ставитъ себѣ наука. Другое дѣло въ изученіи міра человѣка: дѣйствія людей, культурныя явленія, соціальныя формы затрогиваютъ насъ съ такой стороны, съ какой явленія природы совершенно уже неспособны насъ задѣвать, и вотъ тутъ приходится настаивать на необходимости научнаго объективизма и указывать на тѣ препятствія, которыя онъ встрѣчаетъ въ извѣстныхъ проявленіяхъ духовной природы человѣка, и приходится доказывать, что всякій національный, вѣроисповѣдный, партійный и другой тому подобный субъективизмъ ненаученъ, т.-е. не можетъ служить путемъ, ведущимъ къ истинѣ. Но можно доказать еще и то, что такой ненаучный субъективизмъ, какъ проявленіе пристрастнаго отношенія, т.-е. отношенія, диктуемаго личною или групповою страстью, личнымъ или групповымъ интересомъ, противорѣчитъ и этической идеѣ справедливости, ибо вѣдь и справедливость немыслима безъ безпристрастія.

Вотъ какой объективизмъ слѣдуетъ признать и какой субъективизмъ слѣдуетъ отвергнуть съ научной и этической точекъ зрѣнія, въ данномъ случаѣ между собою со-

впадающихъ. Но этическая точка зрѣнія возможна лишь въ изученіи явленій міра человѣка: въ дѣлѣ изученія природы этой точки зрѣнія быть не можетъ. На томъ основаніи, что въ естествознаніи объективизмъ зиждется на однихъ научныхъ соображеніяхъ, безъ какого бы то ни было этическаго элемента, многіе утверждаютъ, будто и въ области наукъ гуманитарныхъ достаточно одного научнаго объективизма. Съ той точки зрѣнія, на которую мы только-что стали, мы признали возможность не только констатированія, но и оцѣнки фактовъ, суда надъ ними—подъ условіемъ соблюденія научнаго и этическаго безпристрастія. Другіе понимаютъ объективизмъ въ томъ смыслѣ, что и по отношенію къ міру человѣка, какъ и по отношенію къ міру природы, наука должна ограничиваться однимъ объективнымъ изслѣдованіемъ, безъ какого бы то ни было субъективнаго сужденія. Но такой объективизмъ требуетъ не безпристрастія уже, а полнаго безстрастія, равнодушія, т.-е.—называя вещи настоящими ихъ именами,—индифферентнаго и, скажу прямо, апатичнаго отношенія къ человѣку и ко всему міру явленій культурнаго и соціальнаго характера. Я не стану здѣсь доказывать,—а доказать это можно,—что для самаго пониманія, напр., историческихъ фактовъ съ ихъ внутреннею психологическою подкладкою нуженъ извѣстный субъективизмъ, ибо это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, да и не въ томъ пока суть дѣла. Скажу только, что понять какой-либо человѣческій поступокъ значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказать и свой приговоръ объ этомъ поступкѣ, какъ о поступкѣ благоразумномъ или безразсудномъ, цѣлесообразномъ или нецѣлесообразномъ и т. п., т.-е. даже и не касаясь вопроса о его моральномъ достоинствѣ, не прилагая къ нему этической мѣрки. Скажу развѣ еще, что понять какое-либо историческое явленіе значитъ произнести свой приговоръ

о значеніи его для судьбы тѣхъ или другихъ людей, т.-е. о его соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи съ ихъ желаніями или интересами, опять, значитъ, даже при устраненіи чисто моральной оцѣнки явленія. Но это только къ слову: въ указанномъ направленіи я могъ бы сказать еще очень и очень много, еслибы не боялся длиннаго отступленія. Итакъ, продолжаю. есть такое пониманіе объективизма въ наукахъ гуманитарныхъ и соціальныхъ, которое устраняетъ изъ нихъ всякій субективизмъ во имя научнаго принципа, господствующаго въ естествознаніи. И вотъ, противъ этого-то мы тутъ и возражаемъ. Если, напр., историкъ, не переставая быть объективнымъ изслѣдователемъ, ради цѣлей этого самаго изслѣдованія, т.-е. знанія истины, не только можетъ, но и обязанъ судить, напр., о томъ, насколько изображаемыя имъ событія обнаруживали вѣрное или невѣрное пониманіе обстоятельствъ лицами, принимавшими участіе въ этихъ событіяхъ, насколько дѣйствія указанныхъ лицъ были цѣлесообразны или нецѣлесообразны, полезны или вредны для ихъ собственнаго дѣла, то нѣтъ ни малѣйшаго теоретическаго основанія отказывать историку въ правѣ судить обо всемъ этомъ не только съ точки зрѣнія категорій истины и пользы, но и съ точки зрѣнія идеи добра—въ ея этическомъ пониманіи. Противъ этого со стороны предполагаемаго (но нами нераздѣляемаго) объективизма возможно одно возраженіе. Намъ скажутъ, что пониманіе добра слишкомъ субъективно, и что разъ мы же сами устраняемъ субъективизмъ національный, вѣроисповѣдный, партійный и т. п., заключающійся именно въ извѣстномъ пониманіи добра,—такомъ у однихъ, иномъ у другихъ,—то нужно ради послѣдовательности устранить изъ своего научнаго отношенія къ міру человѣка и свое личное пониманіе добра. Но это возраженіе вовсе не есть возраженіе.

Конечно, пониманіе добра бываетъ часто слишкомъ субъективно, но если мы присмотримся къ причинамъ этого явленія, то увидимъ, что тутъ одну изъ главнѣйшихъ ролей играютъ именно раздѣляющіе людей и враждебно ихъ между собою сталкивающіе предразсудки, страсти и интересы, на почвѣ которыхъ люди соединяются въ государства, партіи и т. п., притомъ соединяются въ интересахъ эгоистическихъ, хотя бы тутъ дѣйствовалъ не личный, а групповой, коллективный эгоизмъ отдѣльныхъ націй, церквей, государствъ, сословій, партій и т. п. То научное и этическое безпристрастіе, о которомъ шла выше рѣчь, въ своемъ практическомъ примѣненіи какъ-разъ совпадаетъ съ одною изъ основныхъ формулъ этическаго блага: не дѣлай другимъ того, чего не хочешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали. Въ своихъ взаимныхъ распряхъ, отражающихся такъ часто, къ сожалѣнію, и на наукѣ, отдѣльныя человѣческія группы, въ коихъ возникаетъ ненаучный и безнравственный субъективизмъ національнаго, конфессіональнаго и т. п. содержанія, конечно, поступаютъ какъ-разъ въ противность только-что указанному основному требованію этики. И научная идея истины, и этическая идея справедливости требуютъ одинаково, чтобы всякій прилагалъ одну и ту же мѣрку ко всѣмъ людямъ,—значитъ, какъ къ себѣ и къ своимъ близкимъ (по націи, по вѣрѣ, по отечеству, по интересамъ, по стремленіямъ), такъ и къ чужимъ. Мало того: когда враждующія между собою человѣческія группы отъ активной борьбы переходятъ къ борьбѣ идейной на почвѣ принциповъ, онѣ всегда одна предъ другою стараются доказать свою собственную правоту и неправоту своихъ противниковъ, ссылаясь на нѣкоторыя идеи, которыя онѣ считаютъ имѣющими обязательную силу и для себя, и для этихъ своихъ противниковъ. Что это такое, какъ не аппел-

ляція къ нѣкоторому высшему суду, приговоры коего тяжущіеся ставятъ такимъ образомъ выше всего, что̀ раздѣляетъ людей между собою? Рекомендуя отказаться отъ разныхъ видовъ ненаучнаго и безнравственнаго субъективизма, мы имѣемъ, слѣдовательно, въ виду не замѣну субъективизма, возникающаго въ національной, вѣроисповѣдной, сословной, партійной жизни, субъективизмомъ совершенно личнаго произвола, а именно, подчиненіе нашего личнаго сужденія нѣкоторымъ общепризнаннымъ этическимъ истинамъ, обращеніемъ къ коимъ стараются оправдать себя (не всегда, конечно, искренне и съ одинаковымъ успѣхомъ) отдѣльныя человѣческія группы, объединившіяся на почвѣ привычекъ, предразсудковъ, страстей, интересовъ и желаній. Такимъ образомъ, отстаивая этическій субъективизмъ, мы разсуждаемъ весьма послѣдовательно, разъ устраняемъ субъективизмъ національный, вѣроисповѣдный, сословный и т. д., ибо устраняемъ его не въ пользу личнаго произвола, а именно вмѣстѣ съ этимъ самымъ личнымъ произволомъ во имя высшей этической идеи, которая для воли должна быть тѣмъ же самымъ, чѣмъ для нашего ума является идея истины. Идеалы отдѣльныхъ націй, вѣроисповѣданій, партій и т. п. основываются не на одномъ стремленіи къ истинѣ и справедливости, а на преданіяхъ, догматахъ, предразсудкахъ, которые сами подсказываются и поддерживаются страстями и интересами, и чѣмъ менѣе въ этихъ идеалахъ того, что есть, въ концѣ-концовъ, лишь проявленіе группового эгоизма, тѣмъ ближе эти идеалы къ справедливости и тѣмъ понятнѣе лицамъ, держащимся этихъ идеаловъ, голосъ объективной истины, голосъ научнаго безпристрастія.

Повторю еще разъ: научный объективизмъ и безпристрастіе, которое есть одно изъ требованій этики, суть одно и то же. Такое пониманіе объективизма не исклю-

чаетъ оцѣнки и суда, лишь бы они дѣлались съ должнымъ безпристрастіемъ, т.-е. безъ ущерба для истины и справедливости. Такое пониманіе объективизма даже требуетъ нѣкотораго дополненія со стороны субъективизма, при которомъ наука и этика шли бы рука объ руку и истина совпадала съ праведнымъ судомъ. Объективизмъ, основывающій себя на простомъ подражаніи естествознанію, исключая изъ научной мысли вопросъ объ оцѣнкѣ фактовъ культурной и соціальной жизни человѣка, объективизмъ, проповѣдующій тѣмъ самымъ моральное безразличіе въ отношеніи къ явленіямъ этой жизни, такой объективизмъ даже не можетъ быть названъ объективизмомъ, ибо характеризуетъ только индифферентное отношеніе субъекта къ объекту, отнюдь не самый этотъ объектъ.

Я долго думалъ о происхожденіи и свойствахъ такого quasi-объективизма и когда-нибудь подѣлюсь съ читателями своими мыслями на этотъ счетъ съ разнаго рода иллюстраціями изъ научной и философской литературы. Теперь я ограничусь лишь общимъ указаніемъ на источники этого предполагаемаго объективизма, который въ послѣднемъ анализѣ зависитъ не отъ чего иного, какъ отъ тѣхъ или другихъ недостатковъ, непремѣнно обнаруживающихся у такъ называемыхъ объективистовъ. Я думаю именно, что эти недостатки могутъ быть сведены къ тремъ категоріямъ. Представимъ себѣ, прежде всего, завзятаго эгоиста, который беретъ на себя изученіе человѣческаго міра въ силу простого теоретическаго интереса, какой вызываетъ къ себѣ съ его стороны этотъ міръ, разъ, положимъ у этого эгоиста есть умственные запросы, есть любознательность; конечно, міръ человѣка будетъ для него предметомъ простого созерцанія, безстрастнаго и безучастнаго, но въ такомъ случаѣ многое въ этомъ мірѣ ускользнетъ отъ его вниманія или останется для него

непонятнымъ. Представленіе имъ міра человѣка будетъ носить на себѣ черты его собственнаго характера, т.-е. его отношеніе къ міру будетъ все-таки субъективнымъ, вытекающимъ изъ его эгоизма и его соціальнаго индифферентизма. Это—первое. Съ другой стороны, субъективизмъ, защищаемый мною, предполагаетъ въ человѣкѣ не только существованіе альтруистическихъ чувствъ и соціальнаго инстинкта, но и существованіе опредѣленныхъ идеаловъ, которые и будутъ играть для него роль критеріевъ для оцѣнки разсматриваемыхъ имъ фактовъ, для суда надъ ними. Бываютъ, однако, люди, лишенные нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ, люди безъ прочныхъ убѣжденій, своего рода скептики по отношенію къ вопросамъ о томъ, что должно быть. Понятное дѣло, что и такимъ людямъ весьма удобно прикрывать и оправдывать свой моральный и соціальный скептицизмъ ссылками на требованія научнаго объективизма: въ сущности и ихъ отношеніе къ міру человѣка есть отношеніе, характеризующее только ихъ собственную скептическую въ нравственномъ и общественномъ смыслѣ субъективность. Наконецъ, есть случаи, когда проповѣдь объективизма—не въ томъ, конечно, смыслѣ, который мы всецѣло одобряемъ,—основывается уже прямо на нѣкоторомъ недоразумѣніи. Бываютъ люди, которые въ научныхъ трудахъ не хотятъ дать воли проявляться своему альтруизму, своему общественному инстинкту, своему моральному и соціальному идеализму лишь въ угоду ложно понятымъ требованіямъ научности. Разсужденіе ведется обыкновенно въ такомъ родѣ: задача науки—объяснить необходимость данныхъ явленій; необходимо—то, что вытекаетъ изъ достаточныхъ основаній; разъ явленіе выведено изъ достаточныхъ основаній и тѣмъ доказана его необходимость, роль науки окончена; выражать сожалѣніе о томъ, что явленіе прои-

зошло не такъ, какъ мы желали бы, въ силу сказаннаго уже по меньшей мѣрѣ странно, если не нелѣпо прямо; нужно хорошо помнить, что законы, управляющіе дѣйствительностью, не справляются съ нашими желаніями; дѣйствительность слѣдуетъ признавать такъ, какъ она есть, ибо ея существованіе находитъ свое оправданіе передъ разумомъ въ своей необходимости. Первую половину разсужденія я, конечно, принимаю, но не думаю, чтобы роль науки оканчивалась тамъ, гдѣ ей этимъ разсужденіемъ полагается предѣлъ. Хорошо: наука должна объяснить необходимость существующаго, но мы вѣдь хотимъ еще знать, хорошо или дурно это существующее, нисколько не нарушая этимъ правъ объективнаго объясненія необходимости. Послѣднее вѣдь останется самимъ собою и въ томъ случаѣ, если имъ однимъ мы и удовольствуемся (что весьма понятно при эгоистическомъ и индифферентномъ отношеніи къ человѣку и обществу и при отсутствіи моральныхъ и соціальныхъ убѣжденій), и въ томъ также случаѣ, когда мы въ силу небезразличнаго отношенія къ судьбѣ нашихъ ближнихъ и въ силу извѣстнаго идеализма станемъ къ дѣйствительности прикидывать нѣкоторую субъективную мѣрку, чтобы оправдать или осудить эту дѣйствительность не только передъ разумомъ, мирящимся съ необходимостью, но и передъ совѣстью, которая успокоивается лишь на одномъ должномъ. Само по себѣ, однако, разсужденіе, нами приведенное, не въ состояніи было бы запретить человѣку подвергать необходимое суду съ точки зрѣнія должнаго, еслибы разсужденіе это не подкрѣплялось своего рода скрытымъ оптимизмомъ, безсознательнымъ примиреніемъ съ дѣйствительностью въ силу нѣкоторой вѣры въ совершенную разумность естественнаго хода вещей. Субъективистамъ, критикующимъ дѣйствительность съ точки зрѣнія идеала, такъ называемые объ-

ективисты противополагаютъ защиту дѣйствительности съ точки зрѣнія ея необходимости, но такая защита отъ критическихъ нападокъ есть въ сущности оправданіе, т.-е. въ концѣ-концовъ своего рода субъективное отношеніе. Такой объективизмъ запрещаетъ судить дѣйствительность не потому, чтобы самъ избѣгалъ всякаго суда, а потому, что считаетъ неправыми тѣхъ, которые судятъ, и потому въ ихъ тяжбѣ съ дѣйствительностью становится на сторону послѣдней.

Итакъ, въ основѣ объективизма, желающаго идти далѣе научнаго и этическаго безпристрастія и устраняющаго какой бы то ни былъ судъ, какую бы то ни было субъективную оцѣнку изъ научныхъ соображеній, можетъ лежать или эгоизмъ съ отсутствіемъ общественнаго инстинкта, или моральный и соціальный скептицизмъ, или же только нѣкоторое недоразумѣніе относительно задачъ науки, будто изслѣдованіе необходимости устраняетъ оцѣнку того, что̀ эта необходимость производитъ. Въ первомъ случаѣ субъективное отношеніе къ міру человѣка, надѣвающее на себя личину объективизма, есть отношеніе индифферентизма, но вѣдь точно также и во второмъ, и въ третьемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло опять-таки съ субъективнымъ отношеніемъ, которое притомъ получаетъ или пессимистическій оттѣнокъ, или оттѣнокъ оптимистическій: пессимистическій—въ случаѣ скептическаго взгляда на какіе бы то ни было идеалы, оптимистическій — въ случаѣ вѣры въ то, что „все дѣйствительное разумно, и все разумное дѣйствительно“, какъ выражался одинъ вліятельный нѣмецкій философъ первой трети XIX столѣтія. Есть, значитъ, только два разряда субъективистовъ, а не то, чтобы были или субъективисты, или объективисты. Въ вопросахъ, о коихъ идетъ рѣчь, все—болѣе или менѣе субъективисты, и вся разница только въ томъ, что

одни суть явные субъективисты, откровенно себя таковыми и заявляющіе, а другіе суть субъективисты скрытые, лишь маскирующіе свой субъективизмъ соображеніями, которыя должны придать внѣшній видъ основательности ихъ заявленіямъ о томъ, что они какъ-то особенно объективно относятся къ окружающей дѣйствительности. Я не стану говорить уже о тѣхъ, коихъ заставляетъ становиться подъ знамя объективизма недостатокъ нравственнаго и общественнаго развитія; но если мы сравнимъ явныхъ субъективистовъ съ тѣми скрытыми субъективистами, которые становятся таковыми лишь по недоразумѣнію, то вся разница между ними сведется къ слѣдующему: мы,—я говорю такъ за себя и за всѣхъ, кто раздѣляетъ тѣ же мнѣнія, что и я,—мы вѣримъ въ разумность идеала и съ точки зрѣнія идеала считаемъ себя въ правѣ судить дѣйствительность, необходимость которой въ смыслѣ выведенія дѣйствительности изъ достаточныхъ основаній мы въ то же время прекрасно понимаемъ, тогда какъ тѣ, которые называютъ себя объективистами, вѣрятъ въ разумность дѣйствительности, основывающуюся для нихъ исключительно на необходимости послѣдней (если только это не дѣлается на основаніи предположеній мистическаго и метафизическаго свойства), и считаютъ потому совершенно неразумнымъ судить эту съ ихъ точки зрѣнія необходимую и въ своей необходимости разумную дѣйствительность. Я могъ бы здѣсь иллюстрировать эту общую мысль цѣлымъ рядомъ примѣровъ, но это завлекло бы меня слишкомъ далеко. Общая мысль моя, надѣюсь, понятна сама собою.

Но вотъ, что еще важно: если намъ приходится выбирать между разумностью построенія идеаловъ и суда надъ дѣйствительностью во имя этихъ идеаловъ, съ одной стороны, и разумностью дѣйствительности и отверженіемъ

суда надъ нею въ виду ея разумности, съ другой стороны, то намъ вмѣстѣ съ тѣмъ приходится рѣшать въ томъ или иномъ смыслѣ и другой вопросъ, и вопросъ, пожалуй, болѣе важный, нежели тотъ, которымъ мы занимались до сихъ поръ.

Вотъ въ чемъ еще тутъ дѣло. Кто признаетъ разумнымъ построеніе идеаловъ и вѣритъ въ возможность ихъ осуществленія, тотъ долженъ признавать, кромѣ того, что естественный ходъ вещей,—необходимость коего объясняется, конечно, изъ достаточныхъ основаній, въ свою очередь имѣющихъ свои достаточныя основанія и т. д.,—самъ по себѣ не въ состояніи осуществить наши идеалы, и что послѣдніе для своего осуществленія нуждаются въ нашей дѣятельности. Другими словами, защищаемый нами субъективизмъ тѣсно связанъ съ признаніемъ за личностью, противополагающею дѣйствительности свои идеалы и своею дѣятельностью стремящейся ихъ осуществить, извѣстной активной роли въ жизни и въ исторіи. На эту точку зрѣнія неизбѣжно становятся всѣ соціологи, полагающіе въ основу положительной науки объ обществѣ психологію и понимающіе дѣйствіе въ культурной и соціальной жизни и въ исторіи общихъ законовъ причинности и эволюціи не въ тѣхъ ихъ проявленіяхъ, которыя можно назвать механическими и біологическими, а въ тѣхъ, которыя прежде всего наблюдаются въ психической, а затѣмъ и въ общественной жизни людей. Ученія, стремящіяся понять общество натуралистически и матеріалистически, прежде всего устраняютъ изъ своихъ соображеній психологическое понятіе личности. Ни органическая теорія общества, которая утверждаетъ, что общество подобно организму развивается само собою (evolution spontanée = саморазвитіе), а не въ силу дѣятельности личностей, его составляющихъ, ни экономическій матеріализмъ, склонный представлять дѣло та-

кимъ образомъ, будто въ соціальной эволюціи построеніе идеаловъ ни причемъ,—не признаютъ никакой активной роли за личностью и за ея идеалами. Но кто проповѣдуетъ безсиліе личности, тотъ, конечно, долженъ былъ бы порицать всякое построеніе идеаловъ и рекомендовать одинъ изъ трехъ возможныхъ исходовъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ тремъ видамъ скрытаго субъективизма. Для эгоиста и соціальнаго индифферентиста ученіе о томъ, что жизнь общества есть процессъ, совершающійся яко-бы самъ собою, будетъ только подтвержденіемъ его взгляда на то, что ему, конечно, должно быть все равно, что бы тамъ ни дѣлалось, лишь бы, разумѣется, этимъ не были затронуты его личные интересы: о! вотъ если ихъ затронутъ, тогда другое дѣло, тогда и мы вмѣшаемся въ естественный ходъ вещей, дабы дать ему направленіе, нужное для нашего личнаго благополучія! Но вѣдь это только обнаружитъ истинный источникъ „объективнаго“ отношенія къ обществу и невѣрія въ роль личности. Другой исходъ: кто ни во что не вѣритъ въ смыслѣ моральнаго и особенно соціальнаго идеализма, такому скептику ученіе о томъ, что историческій процессъ совершается, какъ я тутъ выразился бы, натуралистически, — будетъ тоже на руку, ибо пессимизмъ, необходимо вытекающій изъ невѣрія въ идею блага, смотритъ на ходъ дѣлъ міра сего, какъ на такой, въ который вмѣшиваться не слѣдуетъ, потому что—не стоитъ, лучшаго изъ этого ничего все равно не выйдетъ. Наконецъ, для оптимистовъ, признающихъ совпаденіе необходимаго съ разумнымъ, дѣятельность личностей, ставящихъ себѣ идеальныя цѣли и стремящихся къ ихъ осуществленію, должна казаться и ненужною, ибо самъ-де историческій процессъ, который есть въ то же время процессъ естественный, какъ нельзя лучше

приспособленъ къ осуществленію того блага, котораго ищутъ люди.

Третій исходъ, такимъ образомъ, есть тотъ, который остается для quasi-объективистовъ по недоразумѣнію. Основа же этого недоразумѣнія заключается въ стремленіи перенести въ изученіе міра человѣка тѣхъ принциповъ, которые пригодны лишь въ изученіи міра природы. Въ сущности все дѣло сводится, съ одной стороны, къ попыткамъ устранить изъ объясненія соціальной жизни то, что для этого объясненія даетъ психологія, съ замѣною всего этого одними матеріальными моментами (дарвинизмъ въ соціологіи, органическое ученіе объ обществѣ, экономическій матеріализмъ), а съ другой, къ попыткамъ, не всегда, однако, послѣдовательно проводимымъ, вытѣснить изъ наукъ, изучающихъ міръ человѣка, моральный и соціальный идеализмъ, вытѣснить притомъ на такомъ лишь основаніи, что ничего подобнаго нѣтъ въ естествознаніи.

Но за то, чтобы строить соціологію на изученіи психической, а не физической природы человѣка (которую, конечно, соціологія должна тѣмъ не менѣе сильно принимать въ разсчетъ) есть масса аргументовъ, на которые соціологическій натурализмъ пока еще не сдѣлалъ ни одного серьезнаго возраженія. Этого прямо требуетъ простая логика, строящая классификацію наукъ въ извѣстномъ порядкѣ, въ коемъ каждая предыдущая наука является непосредственною основою каждой послѣдующей,—математика, механика, физика, химія, біологія, психологія и соціологія. Разъ, однако, мы начнемъ обосновывать общественную жизнь психологически—съ признаніемъ, оговариваюсь, вліянія на эту жизнь со стороны и непсихологическихъ факторовъ,—мы не въ состояніи будемъ перенести въ соціологію то натуралистическое воззрѣніе, которое

одинаково враждебно и защищаемому нами субъективизму, и признанію за личностью, строящею моральные и общественные идеалы и дѣйствующею во имя ихъ осуществленія,—активной, творческой роли въ жизни общества. Переносить натуралистическія воззрѣнія въ соціологію столь же ненаучно, какъ ненаучно было бы переносить соціологическія понятія въ естествознаніе. Если послѣднее прекрасно объясняетъ явленія, подлежащія его вѣдѣнію, безъ какихъ бы то ни было психическихъ силъ, и если ему не приходится оцѣнивать объясняемыя имъ явленія съ точки зрѣнія человѣческихъ идеаловъ (хотя и оно пользуется понятіями нормальнаго и ненормальнаго), то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы реализмъ въ соціологіи былъ синонимомъ натурализма въ смыслѣ устраненія психологическихъ объясненій и чтобы объективизмъ доводился или до отрицанія идеаловъ, или до оправданія дѣйствительности на основаніи лишь того, что эта дѣйствительность имѣетъ достаточныя основанія и, слѣдовательно, необходима.

О томъ, что было содержаніемъ этой бесѣды, нужно много и долго думать, стараясь, конечно, разсматривать вопросъ со всѣхъ сторонъ критически Сочиненія, о немъ трактующія, поэтому должны играть не послѣднюю роль въ чтеніи, посвященномъ вопросамъ соціологіи.

VI. Объ этическомъ отношеніи къ личности и обществу.

Я бы резюмировалъ цѣлый рядъ только-что высказанныхъ мыслей въ такомъ общемъ положеніи: естествознаніе допускаетъ лишь чисто теоретическое отношеніе къ изучаемымъ въ немъ предметамъ; науки, имѣющія дѣло

съ человѣкомъ и обществомъ, кромѣ теоретическаго отношенія къ своимъ явленіямъ, допускаютъ — и я бы сказалъ еще, что требуютъ — отношенія этическаго. Если хотите, первое есть объективизмъ, второе—субъективизмъ, причемъ требованія объективизма, поскольку они суть требованія научности, распространяются какъ на міръ природы, такъ и на міръ человѣка, субъективное же отношеніе возможно только къ послѣднему.

Къ человѣку у человѣка есть одно лишнее отношеніе, какого у человѣка нѣтъ къ природѣ. И это отношеніе есть отношеніе этическое, которое не должно быть устраняемо изъ соціологіи.

Дѣло въ томъ, что природа вызываетъ со стороны человѣка троякаго рода отношенія, а именно, отношеніе экономическое (утилитарное), эмоціональное (между прочимъ эстетическое) и теоретическое (научное). Тѣ же отношенія могутъ существовать у человѣка и къ человѣку съ прибавкою именно отношенія этическаго, которое, замѣтимъ, есть полная противоположность отношенію экономическому. Чтобы понять сущность этическаго отношенія, нужно разсмотрѣть три остальныя и притомъ въ ихъ примѣненіи и къ природѣ, и къ человѣку.

Чтобы поддерживать свое существованіе, человѣкъ нуждается въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ. Все это доставляетъ ему природа подъ условіемъ приложенія къ ней извѣстнаго труда, на чемъ и основывается вся промышленная дѣятельность человѣка: въ этой-то дѣятельности и заключается экономическое отношеніе человѣка къ природѣ, причемъ отдѣльные предметы, коими пользуется человѣкъ для удовлетворенія своихъ физическихъ потребностей и достиженія своихъ экономическихъ цѣлей, по отношенію къ потребностямъ этимъ и этимъ цѣлямъ играютъ роль средствъ и орудій: напр., быка можно разрѣзать на мясо,

которое непосредственно будетъ употреблено въ пищу, и быка можно запрячь въ плугъ, чтобы вспахать землю, на которой будетъ посѣяна пшеница опять-таки для употребленія въ пищу; точно такъ же дерево можно срубить или на дрова, которые сгорятъ въ печкѣ, дабы нагрѣть воздухъ въ моемъ жильѣ, или на выдѣлку какого-нибудь орудія, положимъ, тачки, на которой я буду возить хотя бы тѣ же самыя дрова. Рядомъ съ этимъ экономическимъ или утилитарнымъ отношеніемъ къ природѣ, коею человѣкъ пользуется, какъ средствомъ или орудіемъ для поддержанія и услажденія своего физическаго существованія, у человѣка могутъ быть и иного рода отношенія къ природѣ по той простой причинѣ, что природа способна дѣйствовать различными образами на чувствованія человѣка, на сферу его эмоціи. Грозныя явленія природы наводятъ на человѣка страхъ; человѣкъ чувствуетъ свою зависимость отъ природы вообще; на извѣстной ступени своего развитія онъ относится къ природѣ съ чувствомъ нѣкотораго благоговѣнія: все это легло въ основу первобытныхъ натуралистическихъ религій, въ коихъ, однако, чувства страха, зависимости, благоговѣнія стали относиться не къ самимъ явленіямъ природы, а къ сверхъестественнымъ существамъ (духамъ и богамъ), коихъ первобытное міросозерцаніе усматривало позади этихъ явленій. Къ числу эмоціональныхъ отношеній къ природѣ принадлежитъ и отношеніе эстетическое, характеризующее уже болѣе высокую ступень психическаго развитія лица и культурнаго развитія общества: природою въ ея прекрасныхъ или величественныхъ сторонахъ можно любоваться, ощущать предъ нею восторгъ и т. п. Но это еще не все: если въ экономическомъ отношеніи къ природѣ первенство принадлежитъ волѣ, ставящей себѣ цѣли и осуществляющей ихъ при помощи средствъ и орудій, доста-

вляемыхъ природою, если эмоціональное отношеніе есть отношеніе къ природѣ со стороны чувства, пріятнымъ или непріятнымъ образомъ волнуемаго ея страшными или прекрасными явленіями, то есть еще одинъ видъ отношенія къ природѣ, видъ, въ коемъ человѣкъ является со стороны своего ума, своей познавательной способности. Я назову отношеніе это теоретическимъ: на высшей ступени своего развитія оно проявляется въ философіи, въ наукѣ, въ стремленіи къ объективному знанію.

Къ одному и тому же предмету въ физическомъ мірѣ я могу относиться со всѣхъ трехъ точекъ зрѣнія: я могу воспользоваться водопадомъ, чтобы заставить его привести въ движеніе машину, которая будетъ молоть хлѣбъ или валять сукно; но я могу точно такъ же приходить любоваться на этотъ водопадъ, и онъ меня еще, кромѣ того, пожалуй, вдохновитъ, результатомъ чего будетъ его художественное описаніе, которое передастъ мое эстетическое отношеніе къ нему другимъ; наконецъ, я могу оставить мысль о мельницѣ или о стихотвореніи и произвести надъ водопадомъ рядъ научныхъ опытовъ, чтобы получить нѣкоторыя теоретическія истины, касающіяся законовъ паденія воды.

Всѣ эти три вида отношенія могутъ существовать и въ томъ случаѣ, когда объектомъ одного изъ этихъ отношеній явится не какой-нибудь предметъ природы, а такой же человѣкъ, какъ и мы сами.

Вспомнимъ, что экономическое отношеніе къ природѣ заключается въ пользованіи ею, какъ средствами и орудіями въ удовлетвореніи нашихъ потребностей. Экономическій взглядъ на природу есть взглядъ утилитарный, и всякій утилитарный взглядъ на человѣка въ концѣ-концовъ сводится къ представленію о человѣкѣ, какъ о средствѣ или какъ объ орудіи, нужномъ намъ для достиженія

нашихъ цѣлей. Когда дикари убиваютъ плѣнниковъ, взятыхъ на войнѣ, чтобы съѣсть ихъ мясо, они поступаютъ съ людьми совершенно такъ же, какъ и со всякою иною животною добычею на охотѣ. Когда военноплѣнныхъ перестали убивать, нашедши болѣе выгоднымъ оставлять имъ жизнь подъ условіемъ дарового пользованія ихъ трудомъ, въ человѣческомъ обществѣ явились рабы, которые съ успѣхомъ и съ бо́льшею выгодою стали замѣнять рабочую скотину. Крѣпостничество, какъ экономическая форма, было лишь простымъ смягченіемъ рабства, остатки коего сильно чувствуются и въ эксплоатаціи человѣка человѣкомъ и въ современныхъ формахъ наемничества. Конечно, экономическое отношеніе человѣка къ человѣку можетъ выражаться и не въ одной эксплуатаціи, ибо два человѣка могутъ вступить между собою въ равноправый экономическій союзъ для общей эксплуатаціи природы: этотъ случай мы называемъ кооперацією, но если въ основѣ кооперації лежитъ единственно и исключительно соображеніе о выгодѣ такого союза, то отношеніе остается все-таки экономическимъ, такъ какъ и въ данномъ случаѣ человѣкъ смотритъ на другого человѣка лишь какъ на одно изъ постороннихъ орудій въ своей борьбѣ за существованіе: при исключительно экономическомъ отношеніи весь вопросъ въ томъ, что̀ выгоднѣе для меня — съѣсть ли другого человѣка, эксплуатировать ли его въ качествѣ раба, крѣпостного либо свободнаго рабочаго, или же вступить съ нимъ въ товарищескій союзъ, какъ съ силою, которая мнѣ можетъ быть полезною, но которою инымъ путемъ при данныхъ условіяхъ я воспользоваться совсѣмъ не въ состояніи.

Экономическое отношеніе къ природѣ и къ человѣку есть прежде всего отношеніе эгоистическое. Попытки основанія морали на принципѣ себялюбія и выгоды (ути-

литаризмъ (всегда приводили къ теоретической непослѣдовательности. Своекорыстіе въ отношеніи къ людямъ есть явленіе антиморальное и антисоціальное; при немъ, пользуясь знаменитыми формулами Гоббза, человѣкъ становится для человѣка волкомъ (homo homini lupus), и происходитъ война всѣхъ противъ всѣхъ (bellum omnium contra omnes). Но дѣло въ томъ, что у человѣка къ человѣку существуютъ отношенія и эмоціональнаго характера, отношенія психическаго взаимодѣйствія путемъ возбужденія одними у другихъ и передачи отъ однихъ другимъ разнаго рода чувствъ и настроеній. Не касаясь всѣхъ случаевъ эмоціональнаго отношенія къ людямъ, я укажу лишь на тѣ чувства, которыя обозначаются, какъ симпатія, альтруизмъ, состраданіе, любовь къ ближнему, и кладутся многими въ основу человѣческой нравственности. Если война всѣхъ противъ всѣхъ на экономической почвѣ ограничивается кооперацією, то такое же ограниченіе этой войны создается на почвѣ эмоціональной существованіемъ симпатическихъ чувствъ, которыя сами являются результатомъ психическаго взаимодѣйствія между людьми. Если уже природа способна вызывать въ душѣ человѣка извѣстныя эмоціи, тѣмъ болѣе способенъ человѣкъ заставлять другого человѣка испытывать тѣ или другія чувства. Кооперація, сама немыслимая безъ психическаго взаимодѣйствія, и симпатія, являющаяся также однимъ изъ результатовъ этого взаимодѣйствія, суть первыя основы общества,—одна экономическая, другая эмоціональная Но единство интересовъ и сходство чувствъ со всѣмъ, что̀ ихъ вызываетъ и ими порождается, создаетъ лишь отграниченныя одна отъ другой экономическія и культурныя группы (ассоціаціи, общины, классы, сословія, націи, вѣроисповѣданія, государства), которыя въ своихъ

взаимныхъ отношеніяхъ могутъ проявлять (и часто на дѣлѣ проявляютъ) лишь одни своекорыстіе и вражду.

Но человѣкъ можетъ быть для человѣка и предметомъ чисто теоретическаго интереса, того интереса, который порождаетъ философію и науку. Съ чисто теоретической точки зрѣнія человѣкъ интересуется человѣкомъ вообще, не личнымъ своимъ *я*, во-первыхъ, а во-вторыхъ, другими людьми не со стороны той пользы, какую они намъ могутъ приносить и не со стороны тѣхъ узъ, которыя насъ связываютъ съ людьми одной и той же національности и т. п., а именно человѣкомъ вообще и всѣмъ вообще человѣческимъ. На этой высотѣ теоретическаго созерцанія идеи человѣка, созерцанія совершенно безкорыстнаго и безпристрастнаго, созерцанія, при которомъ умолкаетъ голосъ личнаго или группового интереса, исчезаетъ всякое лицепріятіе, только и зарождается настоящее этическое отношеніе къ человѣку. И вотъ какъ это происходитъ.

Экономическое отношеніе къ человѣку имѣетъ въ основѣ своей взглядъ на человѣка, какъ на орудіе, въ лучшемъ случаѣ, какъ на выгоднаго помощника, что въ концѣ-концовъ сводится къ тому же самому. Когда эксплуатацію, т.-е. наболѣе грубую форму экономическаго отношенія, замѣняетъ кооперація, то происходитъ лишь замѣна менѣе выгоднаго или даже только менѣе удобнаго болѣе выгоднымъ или удобнымъ: разъ вѣрный разсчетъ докажетъ выгодность противнаго и внѣшнія обстоятельства окажутся благопріятными, ничто съ чисто экономической точки зрѣнія не помѣшаетъ совершить замѣну въ обратномъ направленіи, такъ какъ и въ первомъ, и во второмъ случаѣ другой человѣкъ разсматривается мною лишь какъ нѣчто для меня нужное, какъ орудіе или средство, какъ физическая сила, безъ которой мнѣ очень трудно или совер-

шенно невозможно обходиться, но не какъ живая человѣческая личность. Съ другой стороны, каждая кооперативная группа ограничена въ своихъ размѣрахъ и, признавая за своими сочленами пользованіе выгодою не быть предметомъ эксплуатаціи со стороны членовъ группы, отказываетъ въ этой выгодѣ внѣ ея стоящимъ людямъ, на нихъ уже прямо смотря, какъ на существа, которыя съ выгодою для себя слѣдуетъ эксплуатировать. Ограничены въ своихъ размѣрахъ и тѣ группы, которыя связываются семейною, общинною, артельною, сословною, вѣроисповѣдною, національною симпатіей, и даже, чѣмъ сильнѣе эта групповая симпатія, тѣмъ сильнѣе нерѣдко антипатія этихъ группъ къ другимъ подобнымъ группамъ: настоящаго этическаго отношенія къ человѣку нѣтъ, когда требованія справедливости ограничиваютъ кругъ своихъ дѣйствій лишь лицами извѣстной категоріи. Притомъ тутъ поведеніе человѣка по отношенію къ другому человѣку ставится въ зависимость отъ чувства, которое необходимо дѣлаетъ различіе между людьми: при сильной любви къ другому человѣкъ, пожалуй, готовъ будешь принести себя въ жертву ради спасенія дорогого существа, но тотъ же самоотверженный человѣкъ не задумается для той же цѣли пожертвовать постороннимъ человѣкомъ, который въ данномъ случаѣ будетъ для него лишь орудіемъ, т.-е. вещью, а не личностью. При теоретическомъ отношеніи къ человѣку, поставленномъ на почвѣ психологіи, нашъ умъ, а не желанія наши и не чувства, которыя подсказываютъ намъ о людяхъ вещи весьма различныя,—нашъ умъ открываетъ весьма великія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма простыя истины. Во-первыхъ, человѣкъ есть духовная личность, и въ этомъ заключается главное отличіе человѣка отъ какихъ бы то ни было вещей, неодушевленныхъ и одушевленныхъ (т.-е. животныхъ). Во-вторыхъ, личность со-

знаетъ себя, какъ самостоятельное *я*, въ себѣ самомъ носящее цѣль своего существованія и потому не могущее быть лишь средствомъ или орудіемъ для постороннихъ цѣлей. Въ-третьихъ, духовная природа всѣхъ личностей совершенно одинакова, и разъ я признаю эту природу тождественною съ своею собственною, у меня не можетъ быть никакихъ теоретическихъ основаній не признавать въ другихъ того же человѣческаго достоинства и вытекающихъ изъ него правъ, какія я признаю за собою, и вести себя по отношенію къ нимъ иначе, нежели съ людьми, которыхъ мнѣ выгодно или пріятно не приравнивать къ простымъ вещамъ. Это и есть этическое отношеніе къ человѣку. Оно заключается, слѣдовательно, въ признаніи за каждымъ человѣкомъ личнаго достоинства и вытекающихъ изъ этого достоинства правъ и въ сообразномъ съ этимъ поведеніи. Оно діаметрально противоположно отношенію экономическому и вообще утилитарному, отношенію къ человѣку, какъ къ орудію, какъ къ средству, какъ къ физической силѣ, какъ къ вещи. Въ экономической сферѣ, эксплуатируемый работникъ—въ рабствѣ или на свободѣ—всегда съ успѣхомъ замѣнялъ безсловесныхъ животныхъ и самъ съ успѣхомъ замѣняется бездушною машиною. Кооперація потому выше эксплуатаціи въ этическомъ смыслѣ, что ставитъ людей въ равное положеніе. Съ другой стороны, эмоціональное отношеніе къ человѣку ограничиваетъ равенство положенія или признанія за людьми равнаго достоинства и равныхъ правъ лишь извѣстными предѣлами, т.-е. искажаетъ этическій принципъ въ самой его основѣ, какъ принципъ универсальный.

Изъ принципа, въ силу котораго мы должны уважать достоинство и права человѣческой личности, не трудно вывести кодексъ индивидуальной и соціальной этики, другими словами, правила личнаго поведенія по

отношенію къ другимъ людямъ и начала, на коихъ должна основываться общественная жизнь. Первое понятно само собою, но и второе не потребуетъ длинныхъ объясненій, если только мы примемъ въ расчетъ слѣдующее. Разъ этическое отношеніе къ личности запрещаетъ превращать ее въ средство или орудіе какихъ-либо ей постороннихъ цѣлей, оно признаетъ за личностью право на свободу, ибо всякое ограниченіе свободы личности, не вытекающее изъ необходимости огражденія свободы другихъ лицъ, можетъ совершаться лишь въ такихъ цѣляхъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ этическимъ принципомъ. Разъ, съ другой стороны, этическое отношеніе къ личности вытекаетъ изъ признанія тождества человѣческой природы во всѣхъ представителяхъ человѣческаго рода, тѣмъ самымъ выставляется соціальный идеалъ равенства. Свобода и равенство, это — двѣ великія идеи этическаго происхожденія, которыя играли весьма крупную роль въ исторіи человѣческаго прогресса.

Въ этомъ отношеніи и съ точки зрѣнія соціальной этики органическая теорія общества не выдерживаетъ критики. Эта теорія, которая приравниваетъ личность, считающую самое себя цѣлью и требующую отъ другихъ признанія этого своего достоинства, къ простой клѣточкѣ организма, играющаго въ немъ чисто служебную роль, тѣмъ самымъ превращаетъ личность въ орудіе или средство, служащее какимъ-то внѣ личной жизни существующимъ цѣлямъ общественнаго организма. Разъ мы смотримъ на личность не съ натуралистической, а съ гуманитарной точки зрѣнія, мы не только не должны строить соціологіи на біологіи, но сверхъ того обязаны внести въ соціологію этическій элементъ, котораго не можетъ дать отождествленіе общества съ организмомъ. Соціальная этика можетъ быть основана на этикѣ индиви-

дуальной, а послѣдняя возможна лишь при изученіи человѣка, какъ духовной личности, а не какъ животнаго только организма или не какъ только рабочей силы, производящей общественное богатство. Органическая теорія общества можетъ ставить идеаломъ лишь рабскую солидарность совершенно между собой неравныхъ особей, противъ чего должно протестовать развитое этическое начало, требующее, чтобы люди были свободно солидарны и чтобы общія имъ цѣли достигались ими безъ односторонняго искаженія ихъ природы. Деспотическое государство съ кастическимъ устройствомъ общества,—вотъ то, что въ жизни человѣческой наиболѣе олицетворяетъ органическій идеалъ. На принципѣ борьбы за существованіе, коимъ нѣкоторые соціологи, желавшіе перенести въ свою науку цѣликомъ и безъ измѣненій принципы видовой біологіи, пытались объяснить существо и развитіе соціальной жизни, нельзя построить ни соціологіи, ни этики: соціологія имѣетъ дѣло съ обществомъ, какъ солидарнымъ цѣлымъ, а этика своимъ исходнымъ понятіемъ имѣетъ уваженіе къ чужому достоинству и чужимъ правамъ, исключающее животную борьбу. Политическая экономія, встрѣчающаяся одинаково и съ явленіями борьбы (конкурренція, эксплуатація), и съ явленіями солидарности (кооперація) равнымъ образомъ одна, какъ того требуетъ экономическій матеріализмъ, не въ состояніи также обосновать ни соціологіи, ни этики,—первой потому, что человѣческое общество сплачивается не одною солидарностью интересовъ, но и солидарностью симпатій, а также тою солидарностью, которая вытекаетъ изъ этическаго принципа; второй же, т.-е. этики, она, политическая экономія, обосновать не можетъ потому, что беретъ человѣка, лишь какъ трудовую силу, а не какъ духовную личность, и разсматриваетъ тѣ явленія жизни, въ коихъ господствуетъ матеріальный интересъ, самъ по себѣ,

безъ примѣси отношеній другого рода, пріучаетъ человѣка смотрѣть на другого человѣка, какъ на орудіе или средство для достиженія экономическихъ цѣлей. Для политической экономіи весьма долгое время человѣкъ былъ главнымъ образомъ только производителемъ цѣнностей. Напр., въ интересахъ выработки изъ человѣка умѣлаго работника указывалось на важное значеніе спеціализаціи занятій (раздѣленія труда), которая, будучи доведена до послѣдней степени совершенства, предполагаетъ, однако, превращеніе живого человѣка въ своего рода автоматъ, способный лишь къ работѣ извѣстнаго вида: въ экономическомъ отношеніи это весьма выгодно, чтобы рабочій умѣлъ, положимъ, быстро и чисто насаживать булавочныя головки, хотя бы послѣ долгой практики въ этомъ искусствѣ былъ совершенно неспособенъ къ какой-либо иной работѣ, но лишь такая школа политической экономіи, которая совершенно устраняла изъ своихъ отвлеченныхъ разсужденій какія бы то ни было этическія соображенія, могла не принимать въ расчетъ, что выгодное съ одной точки зрѣнія превращеніе личности въ автоматъ, въ простую часть сложнаго производства (или, что то же, въ функціонирующую особымъ образомъ клѣточку организма) съ другой точки зрѣнія оказывается безнравственнымъ, ибо, повторяю, этика запрещаетъ человѣку смотрѣть на человѣка, лишь какъ на орудіе (въ данномъ случаѣ орудіе производства). На принципѣ экономической выгоды (равно какъ на принципѣ политическаго интереса, точно также допускающаго пользованіе людьми, какъ орудіями для достиженія разнаго рода государственныхъ, національныхъ, партійныхъ и т. п. цѣлей) нельзя основать правилъ этики, и потому, лишь тогда экономика и политика становятся вполнѣ гуманитарными науками, когда видятъ въ людяхъ, какъ производителяхъ и потре-

бителяхъ богатствъ и какъ подданныхъ государства, кромѣ того, живыя человѣческія личности, обладающія нравственнымъ достоинствомъ, которое не позволяетъ превращать ихъ въ простыя орудія производства, и извѣстными правами, нарушеніе коихъ со стороны государства было бы точно также отрицаніемъ ихъ моральнаго достоинства.

Субъективизмъ, защищавшійся нами въ предыдущей бесѣдѣ, есть не что иное, какъ именно только-что разсмотрѣнное нами этическое отношеніе къ человѣку. Какимъ же образомъ можетъ оно быть примѣнено къ предмету общественныхъ наукъ?

Не забудемъ прежде всего, что, какъ и всѣ науки вообще, и науки, имѣющія дѣло съ человѣкомъ, занимаются или явленіями, или законами, которые этими явленіями управляютъ. Въ первомъ случаѣ субъективное отношеніе сводится не къ чему иному, какъ къ оцѣнкѣ явленій съ точки зрѣнія принциповъ индивидуальной и соціальной этики, во-второмъ—изслѣдованіе законовъ, управляющихъ жизнью личности и общества, дополняется изслѣдованіемъ принциповъ, которые должны осуществляться въ этой жизни. Въ отличіе отъ феноменологическаго знанія (т.-е. знанія самихъ явленій) и знанія номологическаго (т.-е. знанія законовъ) знаніе принциповъ должнаго мы можемъ назвать деонтологическимъ (наукою о должномъ), съ точки зрѣнія коего явленія дѣйствительности и подлежатъ оцѣнкѣ.

Главною феноменологическою наукою о жизни человѣка нужно признать, конечно, исторію, по отношенію къ которой и современность есть лишь моментъ, имѣющій завтра же сдѣлаться прошедшимъ, т.-е. стать предметомъ той же исторіи.

Явленія, изучаемыя исторіей, суть прежде всего по-

ступки, поведеніе людей, понимать которое мы можемъ, лишь высказывая о нихъ свои сужденія, производя имъ оцѣнку не только съ точки зрѣнія разумности или неразумности, цѣлесообразности и нецѣлесообразности этихъ поступковъ, этого поведенія и т. п., но и съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ морали данной эпохи и ихъ значенія въ исторіи прогресса, о чемъ сейчасъ будетъ сказано.

Далѣе, факты, изучаемые исторіей, подводятся подъ понятія духовной культуры и соціальной организаціи. Первая состоитъ изъ религіозныхъ, философскихъ, научныхъ, моральныхъ, политическихъ воззрѣній, которыя могутъ оцѣниваться не только съ объективной точки зрѣнія ихъ истинности, но и съ субъективной точки зрѣнія этическаго идеала. Соціальная организація въ свою очередь можетъ быть разложена на формы экономическаго, юридическаго и политическаго содержанія, и, разумѣется, эти формы равнымъ образомъ могутъ быть предметомъ оцѣнки не только со стороны достиженія ими тѣхъ цѣлей, какія въ свое время имъ ставились, но и со стороны ихъ соотвѣтствія (или несоотвѣтствія) идеальной цѣли всякаго общежитія, каковою можетъ быть лишь осуществленіе извѣстныхъ этическихъ принциповъ. Такъ какъ исторія, взятая не съ прагматической своей стороны,—не со стороны именно человѣческихъ поступковъ, происшествій, событій, движеній.—есть постоянное измѣненіе культурныхъ и соціальныхъ формъ, то можно, далѣе, поставить вопросъ, во-первыхъ, о томъ, не мѣняются ли вмѣстѣ съ тѣмъ и принципы, лежащіе въ основѣ этихъ формъ, а во-вторыхъ, что же дѣлается съ самою личностью, какъ таковою, съ ея внутреннимъ достоинствомъ, съ ея внѣшними правами, съ ея матеріальнымъ благосостояніемъ вслѣдствіе перемѣнъ, происходящихъ въ исторіи духовной культуры и соціальной организаціи. Въ совершенно раз-

ныхъ формахъ возможно существованіе одного и того же принципа, въ силу коего человѣкъ разсматривается, какъ орудіе, но возможно также, что въ основѣ измѣненій, коимъ подвергаются культурныя и соціальныя формы, обнаруживаются измѣненія какъ-разъ принципіальнаго свойства. Въ первомъ случаѣ всѣ культурныя и соціальныя измѣненія не имѣютъ никакой этической цѣны, какъ бы ни были важны эти перемѣны въ другихъ отношеніяхъ, во второмъ случаѣ можетъ быть одно изъ двухъ: съ одной стороны, исторія можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ процессомъ, въ коемъ личность утрачиваетъ все болѣе и болѣе свое достоинство, свои права, свое благосостояніе, съ другой, наоборотъ, историческій процессъ, быть можетъ, въ общемъ лишь содѣйствуетъ все бо́льшему и бо́льшему развитію личности, все бо́льшему теоретическому признанію за нею и осуществленію на практикѣ ея достоинства, ея правъ на свободу и на равенство, ея стремленія къ матеріальному благополучію. Отвѣтъ на вопросъ о томъ, что же такое представляетъ изъ себя исторія, взятая съ этой точки зрѣнія, конечно, можетъ быть данъ только объективнымъ изслѣдованіемъ самой исторической дѣйствительности, но точку зрѣнія, съ которой эта дѣйствительность въ такомъ случаѣ изслѣдуется, и мѣрку для субъективной оцѣнки данныхъ этого объективнаго изслѣдованія намъ и даетъ этическій идеалъ полнаго и всесторонняго развитія личности въ обществѣ, устроенномъ въ согласіи съ этимъ идеаломъ.

Таково примѣненіе этическаго идеализма къ историческому (феноменологическому) изученію человѣческой жизни, но кромѣ того та же самая жизнь изучается и теоретически (номологически) въ соціологіи.

Въ слѣдующей бесѣдѣ рѣчь будетъ идти подробнѣе о томъ, что такое соціологія, а тутъ я ограничусь лишь

общимъ указаніемъ на то, что соціологія есть теорія общества, изслѣдующая законы его существованія и развитія, что, кромѣ того, общество изучается теоретически, но съ особыхъ точекъ зрѣнія—частныхъ и спеціальныхъ—политикой, юриспруденціей и политической экономіей, и что, наконецъ, соціологія должна быть синтезомъ изученія общественныхъ явленій въ отношеніяхъ политическомъ, юридическомъ и экономическомъ. Политика имѣетъ своимъ предметомъ государство, какъ единое цѣлое, обладающее принудительною властью по отношенію къ отдѣльнымъ своимъ частямъ, каковыми въ послѣднемъ анализѣ являются отдѣльныя лица. Въ достиженіи своихъ цѣлей оно смотритъ на отдѣльныхъ людей, какъ на свои орудія, коими и считаетъ себя въ правѣ распоряжаться. Если стоять въ политикѣ лишь на точкѣ зрѣнія государственнаго интереса (raison d'état), то необходимо придешь къ отрицанію за личностью какихъ бы то ни было правъ по отношенію къ государству, и дѣйствительно, существуетъ цѣлый рядъ политическихъ теорій подобнаго рода, сводящихся къ ученію о поглощеніи личности государствомъ. Гоббзъ въ XVII в. отрицалъ за личностью даже право имѣть свое сужденіе о томъ, что̀ хорошо и что̀ дурно, т.-е. подчинялъ этику политикѣ. Теоріи подобнаго рода весьма благопріятны для отождествленія общества съ организмомъ, отдѣльной личности—съ клѣточкою организма. Лишь при взглядѣ на личность, какъ на самостоятельное *я*, имѣющее свое собственное достоинство и обладающее извѣстными неотъемлемыми правами, возможно построить политику, которая не только не противорѣчила бы этическому принципу, но и находилась бы въ соотвѣтствіи съ современными намъ явленіями государственной жизни передовыхъ странъ, равно какъ и съ исторіей, приведшей къ утвержденію личныхъ

правъ. Далѣе, въ самомъ понятіи права, изученіемъ коего занимается юриспруденція, заключается признаніе за личностью чего-то такого, что общество беретъ подъ свою охрану, но тѣмъ не менѣе между правомъ и нравственностью существуетъ все-таки большая разница, и право освящаетъ нерѣдко такія отношенія, которыя являются полнымъ отрицаніемъ этическаго принципа, какъ это случилось, напр., съ рабствомъ. Юридическая правда иногда бывала и бываетъ моральною неправдою (summum jus summa injuria), и если смотрѣть на людскія отношенія и положенія лишь съ юридической точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія охраны закономъ существующихъ фактическихъ отношеній, то это опять значило бы иногда приносить достоинство и права живыхъ людей въ жертву тѣмъ или инымъ формальнымъ принципамъ (fiat justitia, pereat mundus). Право, какъ таковое, охраняетъ не только личность, въ чемъ и заключается его этическое raison d'être, но и разнаго рода интересы, которые сами по себѣ, какъ это бываетъ преимущественно въ экономической сферѣ, могутъ въ своей основѣ имѣть какъ-разъ не-этическое отношеніе однихъ людей къ другимъ. Наконецъ, и предметомъ политической экономіи, какъ таковой, является нѣчто, при изученіи чего можно, какъ это и дѣлало цѣлое направленіе названной науки, игнорировать личность. По отношенію къ національному богатству, изученіемъ коего занимается политическая экономія, человѣкъ долженъ разсматриваться прежде всего, какъ одинъ изъ факторовъ, участвующихъ въ производствѣ, какъ трудовая сила, и дѣйствительно, многіе экономисты проникались этимъ взглядомъ до такой степени, что забывали видѣть въ трудовой силѣ духовную человѣческую личность. Для нихъ, по остроумному замѣчанію одного критика такихъ экономическихъ теорій, не богатство существуетъ ради человѣка, а человѣкъ—ради

богатства. Только при внесеніи въ экономику соображеній этическаго свойства, т.-е. лишь при признаніи въ человѣкѣ, факторѣ производства, личнаго достоинства, въ смыслѣ самостоятельнаго *я* и вытекающихъ отсюда правъ, изученіе явленій и законовъ народнаго хозяйства не будетъ имѣть такого уродливаго характера, какой оно получаетъ у иныхъ экономистовъ.

Подведемъ итоги. Въ дѣйствительной жизни человѣкъ, конечно, сплошь и рядомъ играетъ роль орудія или средства: ни политика, ни юриспруденція, ни экономика не могутъ отрицать этого факта; онѣ объясняютъ его происхожденіе и прямо должны доказывать его необходимость для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя ставятъ себѣ государство, право, народное хозяйство. Но на этомъ названныя науки остановиться не могутъ. Онѣ должны именно памятовать, что „не человѣкъ существуетъ для субботы, а суббота для человѣка", что не личность существуетъ для государства, для права, для народнаго хозяйства, а что и государство, и право, и народное хозяйство существуютъ для личности; что всякій разъ, когда личность становится только орудіемъ политическихъ, юридическихъ и экономическихъ цѣлей, совершается нарушеніе основного этическаго принципа, какъ цѣли, коей, наоборотъ, должны служить государство, право и народное хозяйство,—и что по всему этому онѣ, названныя науки, не могутъ стоять только на почвѣ дѣйствительности, не внося въ свои построенія идеальныхъ требованій. Что можно сказать объ изученіи общества съ особыхъ точекъ зрѣнія политики, юриспруденціи и экономики, то же самое должно сказать и объ изученіи его съ общей точки зрѣнія соціологіи. Всѣ попытки построить послѣднюю не на психологіи (дарвинизмъ въ соціологіи, органическая школа, экономическій матеріализмъ) необходимо, — если

эти попытки только вполнѣ послѣдовательны.—приводятъ къ тому же самому, къ чему приходятъ политики, юристы и экономисты, игнорирующіе въ изучаемыхъ ими отношеніяхъ существованіе вопроса о личности. Разъ этотъ вопросъ долженъ имѣть большую важность въ политикѣ, юриспруденціи, экономикѣ, разсматривающихъ общество, какъ нѣкоторое цѣлое, взятое съ той или другой стороны, то соціологія, берущая общество, какъ прежде всего аггрегатъ живыхъ единицъ. связанныхъ между собою не только государственными, правовыми и хозяйственными отношеніями, но узами духовной культуры, уже прямо должна поставить главнымъ своимъ вопросомъ отношеніе индивидуальнаго начала къ началу общественному въ культурныхъ. соціальныхъ и историческихъ проявленіяхъ общественнаго начала

Въ соціологическомъ міросозерцаніи вопросъ о положеніи личности въ обществѣ такой же основной вопросъ, какимъ въ міросозерцаніи физическомъ является вопросъ о мѣстѣ человѣка въ природѣ.

Вопросъ этотъ можетъ и долженъ рѣшаться двояко— на почвѣ фактической (объективной, научной въ строгомъ смыслѣ) и на почвѣ принципіальной (субъективной, этической). Въ первомъ отношеніи общій вопросъ распадается на два частныхъ: 1) каково было и есть положеніе личности въ обществѣ въ разныя времена и у разныхъ народовъ и 2) гдѣ естественные предѣлы, между которыми возможны колебанія этого положенія въ ту или другую сторону? Въ связи съ ними стоятъ историко-философскіе вопросы о томъ, въ какомъ направленіи совершается развитіе взаимоотношеній между личностью и обществомъ (вопросъ о прогрессѣ) и какое участіе принадлежитъ личности въ процессѣ этого развитія (вопросъ о роли личности въ исторіи). Что касается до принципіаль-

ной постановки вопроса, то тутъ дѣло рѣшается просто. Не личность существуетъ для общества, но общество для личности: общественныя цѣли суть только средства для личныхъ цѣлей. Такъ какъ, однако общество состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, то никто не имѣетъ права дѣлать общество лишь орудіемъ или средствомъ въ достиженіи *своихъ* эгоистическихъ цѣлей: за услуги, которыя общество приноситъ человѣку, человѣкъ долженъ оказывать обществу услуги съ своей стороны. Но общественная жизнь, давая людямъ извѣстныя выгоды, требуетъ съ ихъ стороны и извѣстныхъ жертвъ: у личности существуютъ не только права, но и обязанности Если права отдѣльныхъ лицъ должны находить свою границу въ правахъ другихъ лицъ, то и обязанности, коихъ общество въ правѣ требовать отъ личности, должны быть также заключены въ извѣстныя границы, идти далѣе которыхъ значило бы прямо дѣлать изъ живой личности орудіе для достиженія постороннихъ ей цѣлей. Принципіально вопросъ рѣшается ясно и просто: другое дѣло — практическое осуществленіе принципа. Лишь знаніе законовъ человѣческой природы и законовъ общественной жизни, столь еще несовершенное, и знаніе фактическихъ отношеній, доставляемое прежде всего изученіемъ исторіи, можетъ вести къ теоретическому разрѣшенію проблеммъ соціальной этики и въ ея деталяхъ, откуда, однако, опять-таки еще очень далеко до того, чтобы принципы этой этики нашли воплощеніе въ самыхъ культурныхъ и соціальныхъ формахъ.

VII. Объ историческомъ и соціологическомъ образованіи.

Факты духовной культуры и соціальной организаціи могутъ изучаться или исторически (феноменологически), или теоретически (номологически). Настоящее знаніе и пониманіе общественной жизни человѣка возможно лишь при соединеніи историческаго и теоретическаго метода въ ихъ изученіи. Еще съ психологическою стороною этой жизни, съ духовною культурою, съ господствовавшими въ разное время идеями религіозными, философскими, моральными, научными и т. п. до извѣстной степени можно знакомиться лишь съ исторической точки зрѣнія, ибо (опять-таки только до извѣстной степени) гносеологія и этика могутъ замѣнять общую теорію духовной культуры народовъ, но когда мы вступаемъ въ область соціальной организаціи, то рядомъ съ исторіей относящихся къ этой области фактовъ, т.-е. съ исторіей государства, права, народнаго хозяйства мы должны непремѣнно изучать и соотвѣтственныя указаннымъ сторонамъ общественнаго быта науки, а именно, политику, юриспруденцію и политическую экономію, которыя въ свою очередь суть лишь первыя ступени общей теоріи общества, соціологіи. Въ настоящей бесѣдѣ у насъ и будетъ идти рѣчь о занятіяхъ исторіей, общими теоріями государства, права и народнаго хозяйства и соціологіей.

Объ особой важности историческаго образованія въ дѣлѣ выработки міросозерцанія я уже довольно подробно говорилъ въ „Письмахъ о самообразованіи“ и потому позволяю себѣ ограничиться здѣсь только ссылкою на по-

священную этому вопросу главу названной книжки и нѣ которыми дополнительными замѣчаніями.

Въ исторію я включаю и описаніе такъ называемой первобытной эпохи, которая до сихъ поръ еще продолжается въ жизни низшихъ расъ (дикарей). Если историческая біологія доводитъ насъ до того момента, когда изъ зоологическаго міра выдѣлился человѣкъ, то знакомство съ первобытною культурою должно занять посредствующее звено между исторіей человѣка, какъ одной изъ составныхъ частей органической природы, и исторіей человѣка, какъ существа, возвышающагося надъ остальнымъ животнымъ міромъ своими духовными способностями и формами своей общественности. Съ изученіемъ первобытной культуры (и быта дикарей) тѣсно связаны вопросы о происхожденіи языка, нравовъ, вѣрованій, техническихъ искусствъ, семьи, собственности, права, государства и т. д., изслѣдованіе коихъ съ эволюціонной точки въ высшей степени важно и въ чисто теоретическомъ отношеніи. Конечно, въ рѣшеніяхъ вопросовъ такого рода еще много предположительнаго, спорнаго, неустановившагося, и это обстоятельство нужно принимать всегда въ расчетъ.

Въ самомъ изученіи настоящей исторической жизни цивилизованныхъ народовъ нужно выдвигать на первый планъ такъ называемыя внутреннія отношенія, т.-е. духовную культуру и общественную организацію, идеи и учрежденія, факты изъ исторіи міросозерцаній (религіи, философіи, науки, этики и т. п.), экономическихъ, юридическихъ и политическихъ отношеній, не забывая, разумѣется, при этомъ судебъ самого человѣка, какъ личности, въ зависимости отъ характера и измѣненій всей духовной и общественной среды. Особенно важно въ исторіи идей и учрежденій то, что̀ можетъ служить пока-

зателемъ внутренняго развитія и внѣшняго положенія личности въ данную эпоху.

Далѣе, и отдѣльныя эпохи имѣютъ, разумѣется, неодинаковую важность для того, кто берется за изученіе исторіи въ цѣляхъ выработки міросозерцанія. Во-первыхъ, есть эпохи, въ которыя историческая жизнь быстрѣе идетъ впередъ, рѣзче измѣняется, порождаетъ болѣе новыхъ явленій, чѣмъ въ другія эпохи, и, конечно, первыя представляютъ гораздо больше интереса, чѣмъ вторыя. Во-вторыхъ, времена, къ намъ болѣе близкія, заслуживаютъ и бо́льшаго вниманія, и въ цѣляхъ общаго образованія болѣе детальное знакомство съ такими временами прямо даже слѣдуетъ особенно настойчиво рекомендовать.

Еще вотъ что̀ нужно замѣтить. Приступающій къ систематическому чтенію по исторіи (хотя бы̀ и не въ хронологическомъ порядкѣ) долженъ имѣть вполнѣ ясное представленіе объ общемъ ходѣ исторіи и о взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными эпохами. Всегда нужно имѣть подъ руками хорошій учебникъ и заглядывать въ него каждый разъ, когда приходится приступать къ ознакомленію съ какою-либо новою эпохой. Завершеніемъ первой серіи историческаго чтенія, въ которую должны войти наиболѣе общіе труды по исторіи главнѣйшихъ эпохъ, должно служить историко-философское обозрѣніе всей жизни человѣчества и въ особенности человѣчества европейскаго, какъ историческаго по преимуществу, дабы всѣ эпохи были связаны въ представленіи читателя въ одно цѣлое и притомъ съ философской точки зрѣнія (съ точки зрѣнія идеи прогресса).

Параллельно съ ознакомленіемъ съ отдѣльными эпохами весьма полезно заглядывать въ сочиненія по исторіи философіи, литературы и т. п., которыя могутъ и должны читаться и сами по себѣ въ интересахъ чисто

философскаго или литературнаго образованія. Между прочимъ, нѣкоторыя экономическія, юридическія и политическія сочиненія я бы совѣтовалъ прочитывать въ связи съ историческимъ изученіемъ отдѣльныхъ эпохъ. Напр., весьма удобно было бы сочиненія по исторіи экономическихъ ученій прочитывать параллельно съ исторіей тѣхъ эпохъ, когда ученія эти возникали и господствовали, или историческую часть государственнаго права иностранныхъ державъ прочитывать по отдѣламъ, смотря по тому, къ какой эпохѣ, въ данную минуту изучаемой, это будетъ подходить.

Вмѣстѣ съ изученіемъ исторіи мыслящему читателю приходится постоянно наталкиваться на разные теоретическіе вопросы исторической науки. Я даже укажу здѣсь нѣсколько такихъ вопросовъ: вліяніе внѣшней природы на исторію, значеніе въ исторіи племенныхъ (расовыхъ) особенностей, зависимость духовной культуры отъ экономическихъ условій, роль идей въ историческомъ движеніи, историческое значеніе такъ-называемыхъ великихъ людей и пр. и пр. Все это общіе вопросы, рѣшеніе коихъ должно составлять содержаніе теоріи исторіи (исторіологіи), которая сама можетъ разсматриваться, какъ часть соціологіи.

Лишь при серьезномъ изученіи исторіи можно запастись необходимымъ количествомъ фактическихъ знаній, безъ коихъ знакомство съ науками теоретическими не въ состояніи принести той пользы, какую можно изъ нихъ извлечь въ дѣлѣ выработки міросозерцанія. Такія науки, какъ политическая экономія, юриспруденція (взятая здѣсь въ значеніи общей теоріи права), политика (то, что̀ называется у насъ государственнымъ правомъ) въ чисто теоретическихъ своихъ частяхъ имѣютъ дѣло съ отвлеченными понятіями, подъ которыя подводится великое мно-

жество явленій и притомъ весьма разнообразныхъ въ каждой категоріи, равно какъ съ обобщеніями, въ основѣ коихъ лежитъ также громадное количество весьма различныхъ фактовъ: однѣ и тѣ же идеи и формулы названныхъ наукъ будутъ говорить читателю очень мало, если онъ не будетъ знать реальныхъ явленій, которыя подводятся подъ данныя понятія, фактовъ, послужившихъ основаніями для данныхъ обобщеній. Но это еще не все: экономика, юриспруденція, политика, каждая изъ этихъ наукъ разсматриваетъ общество лишь съ извѣстной стороны, и удобнѣе всего именно путемъ историческаго изученія постигнуть то взаимодѣйствіе, въ какомъ находятся одни по отношенію къ другимъ факты экономической, юридической и политической исторіи. Исторія притомъ изображаетъ намъ и то взаимоотношеніе, въ какомъ между собою находятся факты соціальные (экономическіе, юридическіе, политическіе) съ фактами культурными (съ религіей, философіей, наукой и т. д.) Мало того: и взаимодѣйствіе, въ какомъ находятся между собою факты соціальные трехъ указанныхъ категорій, и взаимодѣйствіе ихъ съ фактами культурными исторія изображаетъ не отвлеченно, а конкретно, на отдѣльныхъ примѣрахъ, которые своимъ анализомъ превращаетъ въ своего рода основанія для болѣе вѣрнаго и всесторонняго пониманія взаимоотношеній, существующихъ въ сложномъ механизмѣ общественнаго бытія. Наконецъ, въ наше время всѣ общественныя науки, не отказываясь отъ теоретическихъ задачъ, поставленныхъ имъ въ самомъ началѣ ихъ возникновенія, стремятся къ сближенію съ исторіей, пользуются ея матеріаломъ и ея выводами, пользуются ея методомъ, пользуются ея основною точкою зрѣнія, которая есть точка зрѣнія эволюціонная. Для общественныхъ наукъ прошло то время, когда онѣ строились на основахъ однихъ общихъ поня-

тій, шли по пути чистой дедукціи и приходили къ представленіямъ, съ которыми плохо мирились данныя исторической дѣйствительности. Не отрицая великаго значенія, какое раціонализмъ и этическій идеализмъ имѣли въ дѣлѣ разработки вопросовъ о существѣ и цѣляхъ государственной, правовой и хозяйственной жизни обществъ, отнюдь не желая вытѣснить теоретизма историзмомъ, я лишь указываю на то, что одно раціоналистическое и этическое отношеніе къ явленіямъ государства, права, народнаго хозяйства безъ научнаго (историческаго, статистическаго и т. д.), изслѣдованія этихъ явленій, основаннаго на опытѣ и наблюденіи. не можетъ быть признано ведущимъ къ цѣли знанія и пониманія того, что̀ представляетъ изъ себя жизнь общества. взятая въ своемъ цѣломъ или въ отдѣльныхъ сторонахъ своихъ. Внесеніе исторической точки зрѣнія въ политику, юриспруденцію и экономику вполнѣ соотвѣтствуетъ философскому принципу, объединяющему въ наше время изученіе міра природы и міра человѣка, принципу эволюціонизма. Государство и право, съ одной стороны, экономическій порядокъ, съ другой, перестали быть какими-то неизмѣнными типами вещей во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ: это суть явленія, развивающіяся во времени и въ пространствѣ и въ развитіи своемъ слѣдующія извѣстнымъ законамъ въ зависимости отъ условій внѣшней среды. Кто хочетъ, дѣйствительно, проникнуться эволюціонной идеей современной философіи, кто хочетъ, чтобы эта идея не была для него мертвой буквой, простымъ словомъ, пустой фразой, тотъ долженъ самъ себѣ, такъ сказать, выработать эту идею путемъ изученія исторіи. На это не нужно жалѣть ни времени, ни силъ, ни труда, ибо все это вознаградится сторицею.

Серьезное историческое образованіе, въ коемъ должно

быть отведено соотвѣтственное мѣсто ознакомленію со всѣми важнѣйшими сторонами общественной жизни, одно способно предохранить отъ односторонних взглядовъ на эту жизнь, съ какими мы встрѣчаемся у политиковъ. юристовъ и экономистовъ, когда они смотрятъ на нее исключительно съ своихъ спеціальныхъ точекъ зрѣнія. Конечно, соціологія, какъ завершеніе всѣхъ общественныхъ знаній, надлежащимъ образомъ можетъ изучаться лишь на основѣ извѣстной подготовки въ областяхъ государства и правовѣдѣнія и науки о народномъ хозяйствѣ, но я думаю также, что прежде чѣмъ человѣкъ начнетъ знакомиться съ политической экономіей, общей теоріей права и государствовѣдѣніемъ, ему нужно имѣть нѣкоторый запасъ общихъ соціологическихъ понятій, хотя бы для того, чтобы не думать, будто та или другая изъ этихъ наукъ представляетъ изъ себя всю теорію общества. Такою теоріей не только нельзя считать, напр., одну политическую экономію, но вмѣстѣ съ нею и другія двѣ науки, съ нею же вмѣстѣ и взятыя, безъ той коллективной психологіи, которая должна была бы изучать психическое взаимодѣйствіе, происходящее въ обществѣ и дающее въ результатѣ общій языкъ, общіе нравы и обычаи, общія вѣрованія и т. д. у отдѣльныхъ народовъ. Къ сожалѣнію, трудно было бы указать на какую-либо книгу, въ которой заключалась бы подобная соціологическая пропедевтика Конечно, она не могла бы замѣнить изученія исторіи, но послѣднее ее съ успѣхомъ замѣнить можетъ. Въ этой книгѣ нужно было бы показать, что общество не есть организмъ, а нѣчто отъ него отличное, поскольку организмъ есть конкретное цѣлое, состоящее изъ неодушевленныхъ клѣточекъ, а общество — цѣлое дискретное, состоящее изъ индивидуумовъ, за коими мы не можемъ не признавать того же достоинства и тѣхъ правъ,

какія признаемъ за собою; что эти личности связываются въ одно цѣлое чисто психическою связью, и что потому безъ психическаго взаимодѣйствія самый фактъ существованія общества былъ бы немыслимъ, что на почвѣ этого взаимодѣйствія возникаетъ вся духовная культура человѣчества, сводящаяся въ послѣднемъ анализѣ къ разнаго рода эмоціональнымъ, теоретическимъ и этическимъ отношеніямъ человѣка къ природѣ и къ людямъ (этическое отношеніе существуетъ лишь къ послѣднимъ); что само экономическое отношеніе къ природѣ и къ другимъ людямъ, ложащееся въ основу всего хозяйственнаго быта общества, было бы невозможно безъ существованія указаннаго психическаго взаимодѣйствія между людьми; что право и государство выростаютъ не на одной экономической почвѣ, но и на почвѣ культурной; что понять общество и законы его развитія можно лишь подъ условіемъ всесторонняго пониманія взаимоотношеній, въ какихъ находятся между собою духовная культура (между прочимъ, начало національности), экономическая жизнь, право и государство; что для пониманія этихъ взаимоотношеній нужно исходить изъ понятія человѣческой личности въ ея физіологическомъ и психологическомъ опредѣленіяхъ; что вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ началъ личности и общественности долженъ быть однимъ изъ основныхъ вопросовъ соціологіи. Вотъ что̀ слѣдовало бы разсмотрѣть въ такомъ введеніи въ соціологію, которое должно было бы предшествовать и изученію исторіи, и занятіямъ политической экономіей, общей теоріей права и государственнымъ правомъ. Обо всемъ этомъ я кое-что сказалъ въ настоящихъ бесѣдахъ, но, конечно, я только намѣтилъ тутъ главные пункты, и намѣтилъ ихъ лишь съ тою цѣлью, чтобы показать одно: изученіе общества вовсе не такая легкая вещь, какъ это предполагаютъ

нѣкоторые, ибо ни одна наука, въ отдѣльности взятая,— изъ тѣхъ, о коихъ рѣчь будетъ идти дальше, — не въ состояніи дать полнаго и всесторонняго понятія о явленіяхъ и законахъ общественной жизни.

Изъ трехъ наукъ, теоретически изучающихъ общественную жизнь съ спеціальныхъ точекъ зрѣнія государства, права и народнаго хозяйства, самою широкою является политика; и въ исторіи государственная жизнь сдѣлалась предметомъ изображенія и изученія гораздо ранѣе, чѣмъ право, чѣмъ народное хозяйство. Наоборотъ, самою молодою наукою является политическая экономія, соотвѣтственно съ чѣмъ и исторія лишь очень поздно стала обнаруживать самостоятельный интересъ къ хозяйственнымъ явленіямъ народной жизни. Совершенно также историческое направленіе изъ трехъ разсматриваемыхъ наукъ ранѣе всего возникло въ политикѣ, позднѣе всего— въ экономикѣ. Тѣмъ не менѣе именно послѣдняя наука должна считаться наиболѣе выработанною въ научномъ смыслѣ, наиболѣе соотвѣтствующею тому идеалу науки, который выставленъ естествознаніемъ. Причинъ этому, на мой взглядъ, двѣ Во-первыхъ, въ сравненіи съ явленіями правовой и политической жизни, въ коихъ весьма важную роль играютъ факторы и духовной культуры, явленія экономическія болѣе просты и легче выдѣляются изъ массы другихъ явленій соціальной жизни, чтобы стать самостоятельнымъ предметомъ изученія. Во-вторыхъ, на первыхъ же порахъ своего существованія политическая экономія (еще въ французской школѣ физіократовъ) поставила задачу—открыть законы, управляющіе производствомъ, распредѣленіемъ и обмѣномъ богатствъ, причемъ съ самаго же начала стала понимать закономѣрность явленій въ смыслѣ, довольно близкомъ тому, въ какомъ это понятіе стало употребляться при изученіи явленій

физическаго міра. Юридическія явленія уже сложнѣе экономическихъ и даже зависятъ отъ послѣднихъ въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ первыя отъ нихъ, хотя право и не безусловно, не исключительно обу́словливается экономикой, что́ нужно тоже всегда имѣть въ виду, такъ какъ на правѣ отражается и культурное состояніе общества. Съ другой стороны, теоретическая юриспруденція зародилась въ эпоху господства метафизическихъ идей и пріемовъ мысли, и еще очень недавно въ юридическихъ сочиненіяхъ можно было встрѣчать непозволительное отождествленіе законовъ въ научномъ смыслѣ (естественныхъ законовъ, законовъ природы, законовъ причинности и развитія и т. п.) съ законами въ смыслѣ юридическомъ (т.-е. правовыхъ нормъ). Еще болѣе сложны явленія жизни политической, и потому государствовѣдѣнію еще много остается сдѣлать, чтобы выработать настоящую научную теорію въ смыслѣ системы законовъ, управляющихъ явленіями жизни государственной. Изъ того, однако, что экономическія явленія въ сравненіи съ явленіями юридическими и политическими въ общемъ менѣе сложны и, такъ сказать, первоначальнѣе, вовсе не слѣдуетъ, чтобы государство и право, выростающія на почвѣ экономическихъ и культурныхъ отношеній (именно не однихъ экономическихъ только отношеній), въ свою очередь не оказывали самостоятельнаго вліянія на хозяйственную жизнь общества и не усложняли ея явленій до послѣдней степени возможности разнаго рода явленіями не-экономическаго происхожденія. Въ виду вышесказаннаго, въ дальнѣйшемъ я буду говорить раньше всего о политической экономіи, послѣ всего о политикѣ, хотя изъ этого не слѣдуетъ, чтобы съ политическою экономіей можно было знакомиться, не имѣя никакихъ понятій изъ государствовѣдѣнія, и чтобы основныхъ поло-

женій послѣдняго нельзя было усвоить, не изучивъ предварительно политической экономіи.

Политическая экономія изучаетъ процессы производства, распредѣленія и обмѣна тѣхъ предметовъ, которые служатъ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей людей, преимущественно потребностей первой необходимости, именно потребности въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ (съ топливомъ, гдѣ оно нужно по климатическимъ условіямъ). Производство, составляющее основу всей экономической дѣятельности людей, направленной на удовлетвореніе указанныхъ потребностей, состоитъ въ добываніи и обработкѣ всего того, что̀ нужно человѣку, дабы быть сытымъ и согрѣтымъ. Такъ какъ для цѣлей производства люди соединяются между собою и притомъ на весьма неодинаковыхъ условіяхъ, то произведеннымъ продуктамъ приходится еще распредѣляться между участниками производства: напр., не имѣя ни земли, ни денегъ, но желая самъ работать въ качествѣ земледѣльца, я могу снять участокъ земли у другого человѣка и занять денегъ у третьяго на покупку скота, орудія, сѣмянъ и т. п., и полученный продуктъ затѣмъ распредѣлить между мною, собственникомъ снятой мною земли и моимъ кредиторомъ. На этомъ дѣло не оканчивается: я могу на своемъ участкѣ посѣять хлѣбъ, котораго уродится гораздо больше, чѣмъ его нужно для личнаго моего пропитанія, и вотъ я продаю излишекъ, чтобы на вырученныя деньги купить себѣ холста и сукна на одежду или дровъ для отопленія своего жилища, а тотъ, кто выдѣлываетъ холстъ или сукно или рубитъ лѣсъ на дрова, въ свою очередь тоже продаетъ свои продукты, чтобы пріобрѣсти такія вещи, коихъ онъ самъ не производитъ. и въ этомъ-то состоитъ обмѣнъ. Производство, распредѣленіе, обмѣнъ—суть общія понятія, подъ которыя мы

подводимъ цѣлую массу единичныхъ явленій въ экономической жизни общества, а стоя на общей точкѣ зрѣнія закономѣрности всѣхъ явленій, совершающихся въ мірѣ, мы и стремимся узнать тѣ законы, коимъ подчиняются (и въ причинномъ, и въ эволюціонномъ порядкѣ) явленія производства, распредѣленія и обмѣна.—Адамъ Смитъ первый показалъ, что тремя основными факторами производства являются природа, трудъ и капиталъ. Природа доставляетъ человѣку матеріалъ и тѣ силы, коими онъ пользуется, чтобы сдѣлать изъ даннаго матеріала то, что̀ ему нужно. И этотъ матеріалъ, и эти силы даромъ пропадали бы для человѣка, еслибы онъ не прилагалъ къ нимъ своего труда, причемъ политическая экономія имѣетъ дѣло лишь съ тѣми видами труда, посредствомъ коихъ создаются новыя матеріальныя вещи, служащія человѣческимъ потребностямъ. Политическая экономія изучаетъ условія бо̀льшей или меньшей производительности труда, взятаго съ количественной и качественной стороны. Въ числѣ этихъ условій уже первые экономисты обратили вниманіе на раздѣленіе труда, которое сильно увеличиваетъ его производительность, и объяснили, отъ чего зависитъ это основное свойство раздѣленія труда. Вмѣстѣ съ этимъ политическая экономія указываетъ на выгоды, проистекающія отъ сочетанія труда, какъ простого, когда нѣсколько людей трудятся надъ однимъ дѣломъ (напр., вмѣстѣ подымаютъ бревно), и сложнаго, подъ коимъ разумѣется сумма труда отдѣльныхъ лицъ, занятыхъ каждый своимъ дѣломъ и обмѣнивающихся результатами своей работы. Далѣе, опять таки съ точки зрѣнія бо̀льшей производительности труда въ интересахъ производства экономисты давно стали указывать на бо̀льшую выгодность труда свободнаго въ сравненіи съ трудомъ подневольнымъ, рабскимъ, и на бо̀льшую же вы-

годность принадлежности самимъ трудящимся орудій производства сравнительно со всѣми случаями, когда человѣкъ пользуется чужими орудіями производства. Съ той же точки зрѣнія хозяйственной выгоды смотритъ политическая экономія и на знаніе, какъ на экономическую силу громаднаго значенія. Наконецъ, производство нуждается въ орудіяхъ, въ сыромъ матеріалѣ, добытомъ предыдущимъ трудомъ, въ постройкахъ и т. п., т.-е. всякое производство требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ затратъ труда, безъ коихъ и самое производство было бы немыслимо. Такія-то затраты и носятъ въ политической экономіи названіе капитала, который есть въ сущности не что иное, какъ результатъ прежняго труда, нужный для производства новыхъ вещей. Появленіе капитала въ производствѣ сдѣлалось возможнымъ лишь благодаря двумъ условіямъ: возрастанію производительности труда до такой степени, что человѣкъ сталъ вырабатывать въ день больше, чѣмъ ему нужно для дневного существованія, и образованію свободнаго времени, которое могло бы употребляться на увеличеніе качества орудій производства. Капиталъ есть поэтому сбереженіе продуктовъ труда, и отличіе капитала отъ предметовъ потребленія въ томъ и заключается, что онъ тратится для того, чтобы быть возобновленнымъ въ другомъ видѣ. Политическая экономія занимается изслѣдованіемъ законовъ образованія и промышленнаго потребленія капитала.

Вотъ общая программа теоріи производства. Здѣсь рядомъ съ природою и капиталомъ (а природа и капиталъ суть совокупности вещей), какъ одинъ изъ факторовъ производства, ставится трудъ, но этотъ трудъ есть въ сущности человѣкъ, взятый въ смыслѣ физической мускульной силы. Извѣстное направленіе экономической науки такъ даже прямо и смотрѣло на человѣка, какъ

на своего рода живое орудіе производства, а въ рабскомъ хозяйствѣ рабы и совсѣмъ играли роль капитала. Если экономисты стали высказываться за свободу рабочихъ, то лишь въ виду бо̀льшей производительности, т.-е. бо̀льшей выгодности свободнаго труда. Съ такой точки зрѣнія весь вопросъ сводится къ тому, какъ выгоднѣе пользоваться тѣмъ, что̀ человѣку даетъ природа, трудомъ самого человѣка и сбереженіями его прежняго труда: человѣкъ здѣсь не выдѣляется изъ той природы, которою пользуется для экономическихъ цѣлей, и не отличается отъ того капитала, который создается его трудомъ. Между тѣмъ теорія производства—вполнѣ научно разработанная часть политической экономіи. Какъ же смотрѣть на такое отношеніе этой науки къ человѣку? Оно вполнѣ правильно, конечно, лишь постольку, поскольку беретъ человѣка не вообще, а какъ факторъ производства, но разъ это такъ, нельзя утверждать, чтобы въ политической экономіи человѣкъ брался, какъ весь человѣкъ, и чтобы экономическое ученіе о человѣкѣ не нуждалось въ дополненіи со стороны другихъ, столь же самостоятельныхъ ученій о человѣкѣ съ иныхъ точекъ зрѣнія. Правда, уже въ теоріи производства человѣкъ фигурируетъ не только въ видѣ „труда“, а и въ видѣ живого существа, ставящаго цѣли своей дѣятельности, но и тутъ дѣло въ томъ, что политическая экономія преднамѣренно ограничиваетъ себя изслѣдованіемъ лишь одной хозяйственной дѣятельности человѣка въ цѣляхъ добыванія и обработки предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія его матеріальныхъ потребностей, причемъ основнымъ предположеніемъ всей науки является то, что въ своей хозяйственной дѣятельности человѣкъ руководствуется исключительно разсчетомъ выгоды. Другими словами, политическая экономія отвлекаетъ отъ реальнаго человѣка лишь одну сторону его

личнаго и общественнаго бытія и ею одною только и занимается. Человѣкъ политической экономіи есть такой же гипотетическій человѣкъ, какъ и человѣкъ этики: и тотъ, и другой нужны для цѣлей научнаго анализа, но ни тотъ, ни другой не соотвѣтствуютъ вполнѣ реальному человѣку, какого даетъ намъ дѣйствительность.

Вторая часть политической экономіи есть ученіе о распредѣленіи. Экономисты раздѣляютъ доходъ, т.-е. все, что производится экономическою дѣятельностью людей, на ренту, получаемую владѣльцемъ даровъ природы, на прибыль, отходящую на долю владѣльца капитала, и на заработную плату, остающуюся рабочему въ качествѣ вознагражденія за его трудъ, причемъ эти три доли могутъ доставаться или одному лицу, когда ему принадлежатъ и дары природы, и капиталъ, и трудъ, или двумъ лицамъ, или тремъ. Политическая экономія въ ученіи о распредѣленіи занимается именно вопросами о происхожденіи ренты, прибыли и заработной платы, о ихъ взаимоотношеніяхъ, объ измѣненіяхъ, коимъ они подвергаются съ теченіемъ времени. Въ этой части политической экономіи отношеніе къ человѣку уже нѣсколько иное, чѣмъ въ предыдущей. Человѣкъ здѣсь уже не орудіе, безъ коего не могло бы существовать производство, а та цѣль, ради которой оно существуетъ: все то, что произведено совокупною дѣятельностью людей, должно поступить въ обладаніе этихъ людей и должно быть распредѣлено между ними сообразно съ участіемъ каждаго въ общемъ дѣлѣ. Тутъ уже является идея права, но не права, основаннаго на этической идеѣ личности, а права, вытекающаго изъ фактовъ обладанія дарами природы и капиталомъ или изъ факта участія въ производствѣ личнымъ трудомъ Въ сущности политическая экономія „распредѣляетъ“, однако, не между самими людьми, а между дарами природы, произ-

водящими ренту, между капиталомъ, создающимъ прибыль, между трудомъ, заслуживающимъ платы, а если и между людьми. то лишь по ихъ прикосновенности (и въ мѣрѣ этой прикосновенности) къ этимъ тремъ условіямъ производства. Рента происходитъ отъ того, что не всѣ участки земли равны по качеству и находятся не въ одинаковомъ разстояніи отъ мѣста сбыта, т.-е. не одинаково доходны. Значитъ, рента есть, если можно такъ выразиться, естественное право того или другого участка земли, т.-е. право вещи, а чрезъ нея и лица, этою вещью владѣющаго. Прибыль тоже есть право вещи, а именно право капитала (и того, кто имъ обладаетъ), ибо прибыль, которую получаетъ капиталистъ, какъ таковой, есть слѣдствіе того, что работникъ вырабатываетъ хозяину своимъ трудомъ больше, чѣмъ получаетъ, если только одно и то же лицо не будетъ совмѣщать въ себѣ и хозяина, и работника, въ какомъ случаѣ и прибыль, и заработная плата достанутся одному лицу [1]). Наравнѣ съ правомъ земли (=вещи) на ренту и капитала (=вещи) на прибыль политическая экономія ставитъ право труда (=лица) на заработную плату, а она, какъ показываетъ теоретическое и историческое ея изученіе, всегда стремится приблизиться къ такой величинѣ, которая едва окупаетъ предметы первой необходимости. Взаимныя отношенія ренты, прибыли и рабочей платы подчинены дѣйствію законовъ причиннаго и эволюціоннаго характера. Между прочимъ, найдено, что рента все болѣе и болѣе возрастаетъ, прибыль, наоборотъ, все падаетъ (не въ абсолютномъ смыслѣ, а въ смыслѣ процентнаго отношенія къ капи-

[1]) Дѣло въ томъ, что рабочій день состоитъ изъ „необходимаго рабочаго времени“, въ теченіе коего вырабатываются продукты, равные по цѣнѣ заработной платѣ, и изъ прибавочнаго рабочаго „времени“, идущаго на выработку прибыли.

талу), заработная же плата подымается, но не столь же быстро, какъ цѣна на хлѣбъ и вообще на всѣ необходимые рабочему продукты. Вопросъ о распредѣленіи—одинъ изъ наиболѣе важныхъ въ политической экономіи. Исторія труда и теорія заработной платы имѣютъ въ высшей степени важное значеніе въ современной жизни въ виду того, что ею выдвинутъ на первый планъ такъ-называемый рабочій вопросъ, который есть не только вопросъ экономическій, но и вопросъ этическій. Такъ-называемый капиталистическій строй превращаетъ рабочаго въ орудіе производства, на которое этотъ строй имѣетъ тенденцію издерживать изъ капитала лишь столько, сколько нужно, чтобы это живое орудіе могло исполнять свою функцію. Если въ политической экономіи явились теоріи, которыя разглядѣли за отвлеченнымъ „трудомъ“, приравненнымъ къ вещамъ въ родѣ земли и орудій производства, живую человѣческую личность и вслѣдствіе этого отнеслись критически къ капиталистическому строю, то произошло это благодаря внесенію въ экономику этическаго принципа, не позволяющаго ставить личность на одну доску съ вещами.

Третью часть политической экономіи составляетъ ученіе объ обмѣнѣ. Это та часть, въ которой разсматриваются такія явленія, какъ торговля, деньги, кредитъ, банки, акціонерныя компаніи и т. п. Но и здѣсь есть одинъ въ высшей степени важный вопросъ принципіальнаго характера: это—вопросъ о стоимости (или цѣнности), разрѣшеніе коего дало поводъ къ возникновенію множества противорѣчивыхъ теорій. Я укажу здѣсь на одну теорію, которая главное значеніе придаетъ элементу труда, т.-е., тому элементу, который представляетъ собою человѣка, а не мертвыя вещи, называемыя землею (дары природы) или орудіями производства (капиталъ).

Цѣнностью (или стоимостью) вещи называется, какъ извѣстно, то количество продуктовъ, которое даютъ за эту вещь при обмѣнѣ на другую вещь, причемъ цѣнность вещи и ея цѣна (на деньги) не одно и то же. Цѣнность вещи не можетъ опредѣляться ея полезностью, ибо, напр., воздухъ ничего не стоитъ, хлѣбъ, который всегда нуженъ, все болѣе и болѣе дорожаетъ, а желѣзо, которое дѣлается даже все нужнѣе и нужнѣе, напротивъ, все дешевѣетъ. Если въ городѣ за воду платятъ, то лишь потому, что доставленіе воды сопровождается трудомъ, требующимъ оплаты. Вообще цѣнность вещей опредѣляется трудомъ, употребляемымъ на ихъ производство, а потому равноцѣнными должны быть вещи, на производство коихъ употреблено одинаковое количество труда, измѣряя послѣднее временемъ, взятымъ въ видѣ какой-либо единицы въ родѣ рабочаго часа. Правда, быстрота работы надъ совершенно одинаковыми вещами не бываетъ одинаковой (особенно, напр., при ручномъ и машинномъ производствѣ), но въ разсчетъ должно идти не все количество времени, употребленное на производство вещи, а лишь то, какое нужно употреблять на нее вообще при существующихъ способахъ работы. Отъ естественной стоимости вещи нужно отличать рыночную цѣну, опредѣляемую отношеніемъ спроса къ предложенію, уже не принимающимъ въ разсчетъ, сколько часовъ употреблено на эту вещь и во что цѣнится каждый часъ. Рыночная цѣна въ зависимости отъ спроса, ее повышающаго, и предложенія, ее понижающаго, постоянно колеблется, но не иначе, какъ въ извѣстныхъ предѣлахъ вверхъ и внизъ отъ естественной стоимости вещи, опредѣляемой количествомъ затраченнаго на нее труда. Послѣдній въ концѣ-концовъ остается мѣриломъ цѣнности и былъ бы мѣриломъ цѣны, еслибы предложеніе было всегда въ равновѣсіи со спросомъ. Между

тѣмъ при извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ самый трудъ дѣлается предметомъ рыночной цѣны, зависящей и тутъ отъ отношенія спроса къ предложенію. Это происходитъ отъ того, что когда у человѣка нѣтъ ничего, кромѣ рукъ, годныхъ къ работѣ, онъ вынужденъ продавать свой трудъ. Извѣстно, что продукты (вещи), назначенные въ продажу, называются товарами,—такъ вотъ при извѣстныхъ условіяхъ и трудъ человѣка дѣлается товаромъ и въ качествѣ такового подчиняется закону спроса и предложенія, т.-е. приравнивается къ вещи. Но трудъ есть дѣятельность, которую нельзя отдѣлить отъ дѣйствующаго лица: кто продаетъ свой трудъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ какой-либо товаръ, тотъ тѣмъ самымъ продаетъ самого себя. Во имя этическаго принципа трудъ не долженъ быть товаромъ, предметомъ мѣновой цѣны, будучи и по существу дѣла единственнымъ законнымъ мѣриломъ цѣнности и съ теоретической точки зрѣнія (предполагая, что послѣдняя вполнѣ правильна).

Политической экономіи, объективно изучающей реальныя явленія и формулирующей ихъ законы, конечно, весьма часто приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ (= трудомъ), какъ съ орудіемъ производства, наравнѣ съ бездушными вещами, получающимъ наравнѣ же съ этими вещами свою долю въ доходѣ и наравнѣ же съ ними являющимся въ роли товара съ извѣстною рыночною цѣною. Политическая экономія сама по себѣ имѣетъ въ виду одинъ расчетъ выгоды, но выгоды для кого? Что выгодно для однихъ, то для другихъ невыгодно: что выгодно для обладателей вещей, называемыхъ дарами природы и сбереженіями продуктовъ прежняго труда, то невыгодно для представителей трудовой силы, и наоборотъ. Въ чью же пользу долженъ быть рѣшенъ споръ? Въ пользу общества? Но само оно есть только совокупность и тѣхъ,

кому выгодно одно, и тѣхъ, кому выгодно другое. Споръ долженъ быть рѣшенъ въ пользу личности, а это можетъ быть лишь при томъ условіи, чтобы личность не ставилась на одну доску съ вещью, чтобы личность не зависѣла отъ вещей, а чрезъ нихъ отъ другихъ личностей, чтобы она сама обладала вещами, которыя вмѣстѣ съ трудомъ, вносимымъ въ производство личностью отъ себя, необходимы для этого производства. Человѣкъ самыми условіями своей жизни поставленъ въ необходимость стоять въ извѣстныхъ экономическихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, но отношенія эти могутъ быть или отношеніями эксплуатаціи, или отношеніями кооперації. Для громаднаго большинства людей, выгоднѣе, конечно, послѣднія, но они являются и болѣе этическими, ибо именно при эксплуатаціи человѣкъ превращается въ вещь, въ орудіе, въ средство, тогда какъ въ основѣ кооперації лежитъ равноправность. Политическая экономія поэтому не можетъ ограничиваться изученіемъ того, что есть и что болѣе выгодно: она должна не упускать изъ виду того, что должно быть и что болѣе справедливо. О послѣднемъ я говорю не въ смыслѣ рекомендаціи утопій, не считающихся съ законами дѣйствительности, а въ смыслѣ этическихъ принциповъ, безъ коихъ экономическая жизнь превратилась бы въ животную борьбу за существованіе.

Въ предыдущемъ мы разсматривали дѣятельность человѣка, отвлекаясь отъ культурныхъ и соціальныхъ условій, въ коихъ она совершается. Мы нарочно упускали изъ виду двѣ категоріи явленій. Во-первыхъ, именно, кромѣ труда, посредствомъ коего производятся тѣ или другія вещи, есть еще трудъ, направленный на удовлетвореніе разныхъ другихъ потребностей человѣка, помимо потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, въ орудіяхъ производства и въ средствахъ перемѣщенія продук-

товъ: это трудъ людей, которые, не производя никакихъ вещей, оказываютъ обществу извѣстныя услуги матеріальнаго и нематеріальнаго свойства и которые въ обмѣнъ за эти услуги получаютъ средства къ жизни. Часть этихъ услугъ касается матеріальной жизни людей (трудъ врачей, торговцевъ, всѣхъ, занимающихся перевозкою людей и вещей), другая часть—удовлетворенія культурныхъ и соціальныхъ потребностей (все, что относится къ религіи, философіи, наукѣ, искусству, воспитанію, образованію, къ законодательству, управленію, судопроизводству, поддержанію внутренняго порядка и внѣшней безопасности и т. п.). Существованіе культурныхъ и соціальныхъ потребностей, удовлетвореніе коихъ заставляетъ людей трудиться и тратить матеріальныя средства, добываемыя физическимъ трудомъ, вноситъ въ экономическій процессъ осложняющіе его моменты, которые сами имѣютъ неэкономическое происхожденіе. Поэтому экономическая теорія, не желающая быть одностороннею, необходимо должна принимать въ расчетъ, съ одной стороны, явленія культурныя, возникающія на почвѣ духовныхъ потребностей человѣка, но нуждающіяся въ матеріальныхъ средствахъ, а съ другой—явленія правовыя и политическія, имѣющія свое начало въ другихъ условіяхъ соціальной жизни, помимо необходимости добывать средства къ существованію и также нуждающіяся въ матеріальныхъ средствахъ. Во-вторыхъ, говоря о производствѣ, распредѣленіи и обмѣнѣ, мы предполагали, что на эти процессы не оказываютъ никакого вліянія и въ нихъ не принимаютъ никакого участія факторы культурнаго или юридико-политическаго характера. Особенно важно то, что право такъ или иначе регулируетъ отношенія чисто экономическаго характера, а государство само играетъ роль экономическаго фактора, имѣя свое особое хозяйство (хо-

зяйство государственное въ отличіе отъ хозяйства народнаго) и создавая законы, коими регулируются процессы производства, распредѣленія и обмѣна. Напримѣръ, рента, получаемая обладателями даровъ природы, поступаетъ въ руки этихъ обладателей лишь потому, что существуетъ право собственности, защищаемое всею силою государства. Или еще другой примѣръ: часть дохода въ формѣ налоговъ поступаетъ въ государственную казну, которая расходуетъ ихъ потомъ на тѣ или другія цѣли, что̀ не проходитъ безслѣдно для всего народнаго хозяйства. Наконецъ, государство можетъ такъ или иначе относиться къ промышленности и торговлѣ, то поощряя, то задерживая развитіе отдѣльныхъ ихъ отраслей, то давая этому развитію бо̀льшую или меньшую свободу, (laissez faire, laissez passer), то въ бо̀льшей или меньшей степени вмѣшиваясь въ экономическую жизнь, взятую или въ ея цѣломъ, или въ отдѣльныхъ ея сторонахъ.

Мы видѣли человѣка такимъ, какимъ беретъ его для спеціальнаго и тѣмъ самымъ односторонняго изученія политическая экономія. Того же въ сущности человѣка изучаетъ съ другой и точно также совсѣмъ особой стороны юриспруденція, понимая подъ послѣднею общую теорію права, а не отдѣльныя его дисциплины въ родѣ гражданскаго, финансоваго, полицейскаго и т. п. права, спеціально изучаемыя на нашихъ юридическихъ факультетахъ.

Въ числѣ предметовъ, преподаваемыхъ на юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ, есть одинъ предметъ, называемый оффиціально энциклопедіей права и въ сущности стремящійся сдѣлаться общей теоріей права не въ смыслѣ только подготовленія (пропедевтики) къ спеціальному занятію юридическими науками, а въ смыслѣ общаго философскаго ученія о правѣ. Я самымъ

положительнымъ образомъ убѣжденъ въ томъ, что соціологическое образованіе не можетъ быть всесторонне и полно безъ общей теоріи права, поскольку послѣднее представляетъ изъ себя совокупность явленій соціальной жизни, отличныхъ по содержанію своему и отъ явленій экономическихъ, и отъ явленій политическихъ Въ обществѣ существуютъ извѣстныя фактическія отношенія разнаго содержанія (культурнаго, экономическаго и т. п.), которыя суть или отношенія между отдѣльными лицами (напр., между капиталистами и рабочими), или между отдѣльными лицами и всѣмъ обществомъ въ лицѣ отдѣльныхъ его органовъ (напр , между подданными и правительствомъ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общество (именно какъ государство) беретъ на себя защиту фактически существующихъ отношеній, осуществляя эту защиту заранѣе опредѣленнымъ порядкомъ и при содѣйствіи особенныхъ установленныхъ для того органовъ. Такая организованная форма защиты фактическихъ отношеній носитъ названіе юридической или правовой, причемъ не только фактическія отношенія становятся вынудительными, но нерѣдко возникновеніе юридической защиты (т.-е. объявленіе, что такія-то отношенія будутъ защищаться) влечетъ за собою образованіе соотвѣтственныхъ фактическихъ отношеній. Сущность права, такимъ образомъ, заключается въ организованной защитѣ отношеній въ отличіе отъ защиты неорганизованной, когда извѣстныя отношенія берутся подъ охрану приличій, нравовъ, морали, религіи, общественнаго мнѣнія и т. п.: юридическая защита, какъ организованная, есть явленіе соціальной организаціи, изучаемой соціологіею, моральная защита, какъ неорганизованная, есть явленіе духовной культуры и входитъ въ область коллективной психологіи и этики.

Отношенія, получающія юридическую защиту, защищаются правомъ лишь потому, что кому-либо приносятъ пользу: иначе ихъ не стоило бы защищать. Правомъ охраняются чьи-либо интересы, т.-е. право всегда беретъ подъ защиту цѣлаго общества или вѣрнѣе той власти, которая въ данномъ случаѣ общество представляетъ, какія-либо лица, ограждая ихъ отъ другихъ лицъ, могущихъ въ томъ или другомъ отношеніи вредить чужимъ интересамъ. Для права (разумѣется, рѣчь идетъ здѣсь о правѣ частномъ, а не о публичномъ) личность, имъ защищаемая, есть та цѣль, ради которой существуетъ само право, и въ этомъ заключается, главнымъ образомъ, этическій элементъ права: послѣднее смотритъ на человѣка, какъ на личность (persona римскихъ юристовъ), а не какъ на вещь, и въ этомъ заключается родство права съ моралью, существованіемъ коего только и можно объяснить всѣ теоретическіе споры о разграничительной чертѣ между правомъ и моралью: еслибы не было этого родства, не было бы надобности и проводить границы, гдѣ оканчивается мораль (въ самомъ широкомъ смыслѣ) и начинается право, и еслибы это родство не было такъ тѣсно, то не могло бы возникнуть и споровъ относительно того, въ чемъ слѣдуетъ полагать эту границу. Между прочимъ этическій элементъ въ юриспруденціи выразился въ цѣломъ ученіи о такъ-называемомъ „естественномъ правѣ“, которое въ этомъ ученіи ставилось всегда выше положительнаго права, т.-е. права, созданнаго законодательствомъ и защищаемаго судами: въ послѣднемъ анализѣ подъ естественнымъ правомъ обыкновенно разумѣлись извѣстныя требованія равенства и свободы, вытекающія изъ этическаго отношенія къ личности, будемъ ли мы съ этой точки зрѣнія разсматривать воззрѣнія римскихъ юристовъ или отдѣльныя статьи

„декларацiи правъ человѣка и гражданина“ эпохи французской революцiи. Исторiя права, кромѣ того, показываетъ, что въ него все болѣе и болѣе входило съ теченiемъ времени этическихъ элементовъ (между прочимъ подъ вліянiемъ представленiй объ естественномъ правѣ). Наконецъ, и то нужно принять въ расчетъ, что право охраняетъ не одни только имущественныя отношенiя, но и самую личность внѣ какихъ бы ея отношенiй къ экономической сторонѣ жизни, охраняетъ жизнь, здоровье (отъ увѣчiй напр.), свободу, достоинство (отъ оскорбленiй напр.), доброе имя личности и т. п. Все это положительно нужно принимать въ расчетъ особенно въ виду существующей въ наше время склонности разсматривать право, лишь какъ „функцiю“ экономическихъ отношенiй, будто взя задача права заключается въ охранѣ имущественныхъ отношенiй, т. е. собственности и договоровъ экономическаго содержанiя. Конечно, право въ нѣкоторыхъ своихъ сторонахъ есть лишь „надстройка“ надъ экономической основой, но это относится лишь къ нѣкоторымъ сторонамъ права: когда оно, напримѣръ., превращало въ право собственности фактическую зависимость экономически слабаго отъ экономически сильнаго и превращало перваго въ раба, т.-е. въ вещь, принадлежащую второму, то право являлось тутъ, дѣйствительно, надстройкою надъ экономическимъ строемъ, дѣлавшимъ изъ массы людей живыя орудiя производства, но когда то же право объявляло раба свободнымъ, оно осуществляло требованiе этическаго идеала (естественнаго права), признающаго въ каждомъ человѣкѣ прежде всего свободную личность, равную по своему человѣческому достоинству всѣмъ другимъ членамъ общества. Конечно, право находится въ извѣстномъ отношенiи обусловленности къ экономическимъ явленiямъ и стремленiямъ, суще-

ствующимъ въ обществѣ, но оно находится въ такомъ же отношеніи обусловленности къ моральному поведенію и этическому сознанію этого общества, а съ другой стороны, оно само, именно какъ право, обусловливаетъ собою многія явленія и экономическаго, и моральнаго характера: не существуй, напр., права частной собственности, хозяйственная жизнь вылилась бы въ другія формы, или не защищай право человѣческую личность, поведеніе людей по отношенію къ другимъ было бы менѣе моральнымъ (по своимъ послѣдствіямъ). И въ экономической, и въ моральной жизни общества право, такимъ образомъ, играетъ свою особую роль.

Я не буду намѣчать здѣсь всѣхъ вопросовъ, которые должны войти въ общую теорію права. Наиболѣе важными съ точки зрѣнія общаго соціологическаго міросозерцанія я считаю слѣдующіе вопросы. Прежде всего, конечно, нужно опредѣлить, что̀ такое право. Замѣчу, что общепризнаннаго опредѣленія не существуетъ, но во всякомъ случаѣ есть нѣчто, что̀ заставляетъ всѣхъ извѣстныя явленія называть правовыми и отличать ихъ, съ одной стороны, отъ явленій культурныхъ вообще и въ частности отъ моральныхъ, а съ другой—отъ явленій экономическихъ и политическихъ. Далѣе, необходимо провести разграничительную черту между не только правомъ и нравственностью,—чѣмъ юристы уже очень много занимались,—но и между правовыми и экономическими отношеніями или правовою и экономическою стороною однихъ и тѣхъ же отношеній. Такъ какъ потомъ право есть такое же явленіе соціальной жизни, какъ и языкъ, и религія, и семья, и государство, то научная теорія права должна дать отвѣтъ на вопросъ о генезисѣ (происхожденіи) и эволюціи (развитіи) права и формулировать законы причинности и развитія права, его возникновенія и его

измѣненій: это необходимо для рѣшенія вопроса о природѣ права, которая для однихъ можетъ казаться чисто экономическою (экономическій матеріализмъ), для другихъ чисто этическою (теорія естественнаго права), для третьихъ и экономическою, и этическою въ зависимости притомъ отъ санкціи, даваемой праву государствомъ. Наконецъ, должны быть изслѣдованы внутреннія отношенія самого права, которыя могутъ быть предметомъ особой классификаціи (право въ объективномъ и субъективномъ смыслахъ, право частное и публичное и т. д.

Рядомъ съ политической экономіей и юриспруденціей нужно поставить въ общей системѣ соціологическихъ наукъ политику. Предметомъ ея является государство. На юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ этотъ предметъ преподается подъ названіемъ государственнаго права, причемъ въ него входятъ, во-первыхъ, общая теорія государства, а во-вторыхъ, описаніе государственнаго устройства важнѣйшихъ европейскихъ державъ и въ особенности государственнаго устройства Россіи. И то, и другое, т.-е. и теорія, и описательная часть имѣютъ въ высшей степени важное общеобразовательное значеніе, о которомъ я здѣсь распространяться не буду, замѣтивъ только, что описаніе современнаго государственнаго устройства Россіи и другихъ европейскихъ странъ должно быть не чѣмъ инымъ, какъ послѣднею главою исторіи развитія политическихъ формъ всѣхъ этихъ государствъ. Я прямо даже совѣтую приступить къ ознакомленію съ дѣйствующимъ государственнымъ правомъ, лишь усвоивши, хотя бы по общимъ историческимъ сочиненіямъ, исторію государственныхъ формъ Россіи и западно-европейскихъ народовъ (особенно средневѣковой и новой Англіи, а для континентальныхъ странъ съ конца XVIII вѣка). Это историческое изученіе политическихъ формъ должно быть

дополнено ознакомленіемъ съ исторіей политическихъ ученій, которое тоже на первыхъ порахъ можетъ совершаться при помощи общихъ историческихъ сочиненій. Замѣчу, впрочемъ, что знакомство съ современнымъ состояніемъ и съ исторіей съ той же точки зрѣнія нужно рекомендовать,—о чемъ, впрочемъ, было уже раньше упомянуто,—и по отношенію къ экономическому и юридическому быту—равнымъ образомъ и здѣсь въ связи съ исторіей юридическихъ и экономическихъ ученій. За всѣмъ тѣмъ у государственнаго права, кромѣ исторической части (повѣствовательной для прошлаго и описательной для настоящаго), остается теоретическая часть, которую, пожалуй, и можно назвать политикою въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Какъ и въ области экономическихъ или юридическихъ отношеній, такъ и въ области отношеній политическихъ задача теоріи не можетъ (съ той точки зрѣнія, которую мы вообще защищаемъ) ограничиваться изученіемъ того, что̀ есть, устраняя вопросъ о томъ, что̀ должно быть (въ данномъ случаѣ вопросъ о томъ, чѣмъ должно быть государство) У народнаго хозяйства, у права, у государства есть свои особыя задачи, свои спеціальныя цѣли, которыя мы и называемъ задачами и цѣлями экономическими, юридическими и политическими, но всѣ эти задачи и цѣли суть только средства по отношенію къ задачамъ и цѣлямъ общества вообще, послѣднія же не могутъ лежать гдѣ-либо внѣ блага личностей, составляющихъ общество. Поскольку народное хозяйство, право, государство существуютъ для общества, а общество—для составляющихъ его личностей, постольку высшею цѣлью всей экономической, правовой, государственной и вообще соціальной жизни можетъ быть только этическій идеалъ. Благодаря этому, народное хозяйство, право и государство должны осуществлять не только свои прямыя задачи

и цѣли, требующія отъ нихъ нерѣдко пользованія людьми, лишь какъ средствами и орудіями, но и задачи и цѣли личности, которая сама смотритъ на всѣ экономическія, юридическія и политическія отношенія, какъ на способы для достиженія своихъ цѣлей (конечно, если только эти цѣли нравственны). Такимъ образомъ, когда рѣчь идетъ о томъ, чѣмъ должно, напр., быть государство, то принимать въ расчетъ нужно не только достиженіе имъ того, что необходимо ему для его собственнаго существованія, но и осуществленіе имъ законныхъ требованій личности. Для того, однако, чтобы знать и понимать, что возможно и что невозможно для государства по самой его природѣ или по даннымъ условіямъ, въ какія оно поставлено, слѣдуетъ, конечно, имѣть общее теоретическое понятіе о государствѣ и различныхъ его формахъ и имѣть большой запасъ историческихъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ государствахъ, существующихъ и существовавшихъ на землѣ.

Вопросъ о происхожденіи государства есть одинъ изъ наиболѣе важныхъ въ общей политической теоріи. Въ прошломъ столѣтіи господствовало ученіе о договорномъ происхожденіи государства: предполагалось, что прежде люди жили въ такъ-называемомъ естественномъ состояніи, выходомъ изъ коего было заключеніе договора, установившаго государственную власть. Въ XIX вѣкѣ это ученіе было оставлено, и вопросъ о происхожденіи государства былъ поставленъ на историческую почву, причемъ отвергнуто было представленіе объ естественномъ до-общественномъ состояніи. Человѣкъ есть животное стадное: на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія онъ живетъ группами, въ коихъ уже замѣчается элементъ власти, этотъ существенный признакъ государства. Самыя раннія формы общежитія имѣютъ въ своей основѣ общность происхожденія, совмѣстное добываніе средствъ къ существованію, взаимную защиту отъ

внѣшнихъ враговъ или совокупныя предпріятія противъ сосѣдей, наконецъ, нѣчто такое, безъ чего все предыдущее было бы немыслимо и что порождаетъ нравственную связь, а именно, психическое взаимодѣйствіе съ эмоціональными отношеніями членовъ другъ къ другу и съ общею для всѣхъ культурою, какъ слѣдствіями этого взаимодѣйствія. Утверждать, будто государство есть лишь „надстройка“ на исключительно экономической основѣ не приходится. Государство имѣетъ весьма сложное происхожденіе, равно какъ и власть въ государствѣ, которая является и какъ принудительная сила, опирающаяся на матеріальныя средства, и какъ моральный авторитетъ, опирающійся на добровольное, но безсознательное подчиненіе, какъ органъ, коему сознательно ввѣряется завѣдываніе общими дѣлами. Отличительную особенность государства видятъ именно въ принудительномъ властвованіи, какимъ бы образомъ это властвованіе не осуществлялось. Эволюція государственности заключалась въ концентраціи властвованія, въ объединеніи мелкихъ политическихъ единицъ въ болѣе крупныя, въ поглощеніи первыхъ вторыми. Исторія знаетъ великое разнообразіе формъ, въ коихъ проявляется государственный принципъ: государство-племя, государство-городъ, государство-страну, государство-федерацію, государство - унитарное, государство-деспотію, государство-монархію, государство-аристократію, государство-демократію и пр. и пр. Равнымъ образомъ исторія можетъ указать на большое разнообразіе задачъ, какія въ разныя времена осуществлялись государствомъ. Общимъ вездѣ является то, что государство ставило себѣ тѣ или другія объективныя цѣли и стремилось ихъ осуществить путемъ принудительнаго властвованія надъ своими подданными, находилась ли верховная власть въ рукахъ, напр., восточнаго деспота или въ рукахъ самихъ гражданъ, какъ

то было въ античныхъ демократіяхъ. Это властвованіе не знало никакихъ границъ, никакого ограниченія: личность человѣка во имя государственныхъ цѣлей должна была безусловно подчиняться государственной власти, личность человѣка поглощалась государствомъ. Государство было не только политическимъ, но и религіознымъ цѣлымъ: ни деспотіи древняго Востока, ни республики въ Греціи и Италіи не знали отдѣльнаго существованія чего-либо, похожаго на церковь, т.-е. въ этихъ деспотіяхъ и республикахъ то, что можно было бы назвать церковью, или организаціей для религіозныхъ цѣлей, сливалось во-едино съ государствомъ (что можетъ служить лишнимъ аргументомъ противъ ученія объ исключительно экономическомъ происхожденіи государства). Соотвѣтственно съ этимъ возникали и политическія теоріи, совершенно устранявшія вопросъ объ индивидуальной свободѣ: въ античномъ мірѣ свобода понималась въ смыслѣ самаго широкаго участія гражданъ въ государственномъ правленіи, но эти свободные граждане считали себя обязанными поддерживать безграничную власть государства надъ его членами и считали себя въ правѣ издавать законы, нарушавшіе то, что позднѣе было признано за естественныя права личности. При разнообразіи задачъ, какія приходилось брать на себя государству, при безграничности своихъ правъ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, государство могло касаться одинаково всѣхъ сферъ жизни личности и общества, начиная съ вопросовъ народнаго хозяйства и кончая вопросами религіи. Исторія фактическихъ отношеній, касающихся государства, и параллельно съ нею исторія политическихъ ученій весьма наглядно намъ показываютъ на существованіе стремленія поставить власть и дѣятельность государства въ извѣстныя границы. Съ одной стороны, государство такъ или иначе вынуждалось отказы-

ваться отъ исполненія нѣкоторыхъ задачъ по соображеніямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ признаніемъ индивидуальныхъ правъ. когда, напр., или было безсильно сдѣлать то или другое, или находило это для себя невыгоднымъ, или видѣло, что поступать извѣстнымъ образомъ нецѣлесообразно и т. п.; съ другой стороны, ограниченія, налагавшіяся на государство, вытекали изъ признанія за гражданами извѣстныхъ правъ, неприкосновенныхъ для самого государства. Въ первыхъ случаяхъ принудительное властвованіе не распространялось на тѣ или другія сферы жизни или вслѣдствіе фактической невозможности, или на основаніи извѣстнаго расчета, причемъ государство не налагало на себя принципіальнаго ограниченія. Другое дѣло, когда принудительное властвованіе должно было признать существованіе извѣстныхъ сферъ, на которыя оно не должно было распространять своего дѣйствія во имя этическаго принципа свободы личности. Новое европейское государство, въ отличіе отъ античнаго, признаетъ за личностью извѣстныя права, священныя для себя самого,—индивидуальную неприкосновенность, свободу совѣсти и культа, свободу мысли и научнаго изслѣдованія, свободу слова и печати, свободу обмѣна мыслей и общенія и т. п., допуская въ то же время гражданъ и къ участію во власти въ формѣ представительства, причемъ самое это участіе разсматривается, какъ наиболѣе важная гарантія для существованія самой личной свободы. Сочетаніе принудительнаго властвованія, какъ основного признака государственности, съ свободою, вытекающею изъ этическаго принципа личности, представляетъ изъ себя одну изъ труднѣйшихъ задачъ теоретической и практической политики. Признавъ за личностью извѣстную сумму естественныхъ и ненарушимыхъ правъ, современное государство ставитъ себѣ въ

то же время задачу помогать личности въ ея развитіи. Признаніе правъ личности и свое содѣйствіе ея развитію государство съ этой точки зрѣнія не должно обусловливать внѣшними опредѣленіями личности, зависящими отъ ея принадлежности къ той или другой національности, къ тому или другому вѣроисповѣданію, къ тому или другому классу и т. п: этическій принципъ, во имя коего мы въ свое время требовали безпристрастія въ наукѣ, долженъ господствовать и въ справедливомъ, т. е. равномъ отношеніи государства къ своимъ гражданамъ. Содѣйствіе свое развитію личности государство должно оказывать не только предоставленіемъ личности свободы, безъ коей немыслимо никакое самостоятельное развитіе, но и положительною помощью личности въ ея матеріальномъ и ея духовномъ существованіи.

Были времена, когда государство сильно вмѣшивалось въ экономическую жизнь, стремясь подчинить промышленность и торговлю служенію интересамъ одной казны. Противъ этого возстали многіе экономисты, начавъ доказывать, что такимъ путемъ государство приноситъ самому себѣ больше вреда, чѣмъ пользы, прямо даже въ ущербъ промышленности и торговлѣ, и что въ число естественныхъ правъ личности входитъ и экономическая свобода. Въ этихъ заявленіяхъ экономистовъ было много вѣрнаго; но та индустріальная свобода, о которой они говорили, вела въ концѣ-концовъ къ порабощенію слабаго сильнымъ, къ безграничной эксплуатаціи труда капиталомъ. И вотъ, теорія государственнаго невмѣшательства была оставлена, за государствомъ снова было признано право регулировать экономическія отношенія, но на этотъ разъ уже не во имя экономическаго (вѣрнаго или невѣрнаго) пониманія казеннаго интереса, а во имя этическаго принципа — защиты человѣ-

ческой личности отъ превращенія въ простое орудіе производства, ради охраненія жизни, здоровья, матеріальнаго благосостоянія личности рабочаго. Само принудительное властвованіе становится здѣсь лишь средствомъ, осуществляющимъ благо личности.

Старое государство вторгалось во имя своихъ, вѣрно или невѣрно понимаемыхъ, интересовъ не въ одну экономическую, но и въ культурную жизнь своихъ гражданъ, прежде всего въ сферу религіозныхъ вѣрованій, не допуская въ этой области индивидуальной свободы. Подъ вліяніемъ старыхъ традицій даже французская революція считала себя въ правѣ „декретировать“ новыя религіи, коимъ должны были безпрекословно подчиняться „свободные“ граждане республики. И здѣсь мыслители стали доказывать, что вмѣшательство правительства въ дѣла совѣсти не приноситъ пользы ни государству, ни самой религіи, и что оно вмѣстѣ съ тѣмъ нарушаетъ одно изъ священнѣйшихъ правъ личности. Но значитъ ли это, что современному государству нужно совсѣмъ оставить внѣ своего воздѣйствія культурную жизнь общества? Конечно, нѣтъ, и именно въ дѣлѣ народнаго образованія, на которое культурныя страны тратятъ все болѣе и болѣе значительныя средства, государство является въ роли могущественнаго помощника индивидуальнаго развитія: оно вмѣшивается тутъ въ культурную жизнь народа не для порабощенія, а для освобожденія личности, ибо образованіе есть великая освободительная сила.

На предыдущихъ страницахъ я говорилъ объ экономикѣ, объ юриспруденціи, о политикѣ преимущественно съ одной точки зрѣнія: главное, что я имѣлъ въ виду, это—вопросъ о личности въ хозяйственной, правовой и государственной жизни. Не будемъ забывать, что изъ личностей слагается общество, и что потому, какъ было уже

сказано, вопросъ о положеніи личности въ обществѣ есть и одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ соціологіи, т.-е. общей теоріи общества, какъ вопросъ о роли личности въ исторіи есть одинъ изъ наиболѣе основныхъ въ общей теоріи историческаго процесса. Я уже указалъ выше, какія темы соціологіи и исторіологіи (теоріи исторіи) имѣютъ принципіальное значеніе. Соціологія можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ обобщеніемъ всѣхъ нашихъ знаній о соціальной организаціи, взятой съ ея экономической, юридической и политической сторонъ. Поэтому соціологическое образованіе должно покоиться на теоретическомъ и историческомъ изученіи народнаго хозяйства, права и государства, причемъ никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ стороны соціальной организаціи существуютъ не только чрезъ личность, которая поддерживаетъ или измѣняетъ данныя соціальныя формы, но и для личности, духовному развитію и матеріальному благосостоянію коей должны служить и народное хозяйство, и право, и государство. Говоря о личности, я разумѣю, конечно, всякаго человѣка или, что то же, всѣхъ людей, входящихъ въ составъ даннаго общества, не дѣлая тутъ противоположенія между единицею и народною массою, какъ суммою единицъ. Чтобы, однако, наши экономическія, юридическія и политическія воззрѣнія сведены были къ высшему единству, какъ завершеніе всѣхъ этихъ знаній, нужна еще соціологія (съ соціальною этикою). Къ сожалѣнію, соціологія, какъ вполнѣ сформировавшаяся наука, еще не существуетъ. Поэтому было бы въ высшей степени трудно указать на какую-либо систему соціологіи, которая пользовалась бы сколько-нибудь широкимъ признаніемъ. Зато нѣкоторые общіе соціологическіе вопросы, уже указывавшіеся ранѣе въ этихъ бесѣдахъ, можно считать настолько разработанными, что

ознакомленіе съ ними болѣе или менѣе обязательно должно входить въ кругъ общеобразовательныхъ предметовъ.

VIII. Общіе выводы.

Попробуемъ теперь подвести общіе итоги подъ тѣмъ, что составляетъ содержаніе этой книжки.

Въ основѣ всякаго міросозерцанія лежитъ то или другое рѣшеніе вопроса о томъ, что̀ доступно можетъ быть знанію человѣка. Философскій критицизмъ, исходящій изъ изслѣдованія познавательной способности человѣка, ограничиваетъ область человѣческаго знанія однимъ міромъ явленій (феноменологическое знаніе) и законовъ, этими явленіями управляющихъ (номологическое знаніе), предоставляя то, что̀ лежитъ за предѣлами этого міра, вѣдѣнію вѣры, а не знанія. Вѣра можетъ касаться вопросовъ существованія (вѣра онтологическая, въ свою очередь раздѣляющаяся на религіозную и метафизическую) или вопросовъ долженствованія (вѣра деонтологическая, т.-е. этическій и соціальный идеализмъ). Міросозерцаніе, состоящее изъ одного знанія того, что̀ есть, безъ какой бы то ни было вѣры въ то, что̀ должно быть осуществляемо въ личной и общественной жизни человѣка, не можетъ быть названо міросозерцаніемъ полнымъ. Полное міросозерцаніе должно быть и научнымъ (феноменологическимъ и номологическимъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ этическимъ (деонтологическимъ).

Доступныя знанію нашему явленія раздѣляются на двѣ большія категоріи: одни изъ нихъ мы называемъ явленіями матеріальными, другія—духовными. Понятія матеріи и духа суть лишь два великихъ обобщенія, подъ

которыя подводятся всѣ явленія въ насъ самихъ и въ окружающей насъ дѣйствительности Матеріализмъ, разсматривающій вещество, какъ всеобщую сущность, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ явленій, и спиритуализмъ, приписывающій то же самое значеніе духу, суть два воззрѣнія, которыя при всей своей противоположности для критической философіи имѣютъ совершенно одинаковое значеніе: и матеріализмъ, и спиритуализмъ, стремясь постигнуть міровую сущность, лежащую за предѣлами міра явленій, суть не двѣ различныя системы знанія, а двѣ различныя вѣры, именно, два противоположныхъ вида онтологической вѣры, имѣющей своимъ предметомъ нѣчто такое, что̀ знанію нашему недоступно. Мы знаемъ лишь существованіе явленій матеріальныхъ и явленій духовныхъ, совершенно отличныхъ одни отъ другихъ, и знаемъ, что между этими явленіями существуютъ нѣкоторыя постоянныя отношенія, но у насъ нѣтъ никакихъ основаній видѣть причину духовныхъ явленій въ явленіяхъ матеріальныхъ или, наоборотъ, причину матеріальныхъ явленій въ явленіяхъ духовныхъ: скорѣе все заставляетъ насъ вѣрить въ бытіе единой сущности, которая является намъ въ нашемъ внѣшнемъ опытѣ, какъ матеріальный міръ, въ нашемъ опытѣ внутреннемъ—какъ міръ духовный. Такимъ образомъ, научное міросозерцаніе можетъ пользоваться понятіями матеріи и духа, какъ высшими обобщеніями, подъ которыя подводятся явленія двухъ противоположныхъ категорій, и изслѣдовать общіе законы матеріи и духа, не какъ метафизическихъ сущностей, а какъ тѣхъ общихъ свойствъ, какія обнаруживаются, съ одной стороны, въ явленіяхъ матеріальныхъ, съ другой—въ явленіяхъ духовныхъ. Матеріалистическое выведеніе духа изъ матеріи есть уже не наука, не знаніе, а метафизика, своего рода вѣра.

Всѣ науки соотвѣтственно съ указаннымъ раздѣленіемъ явленій на матеріальныя и духовныя распадаются на двѣ большія категоріи—естествознаніе и науки гуманитарныя (включая въ послѣднія и науки соціальныя). Науки обѣихъ категорій могутъ быть или чистыя, имѣющія своимъ предметомъ одну истину, или прикладныя, ставящія своею цѣлью то или другое приложеніе знанія къ практической жизни. Чистыя науки, въ свою очередь, подраздѣляются на феноменологическія, имѣющія дѣло съ самими явленіями или предметами разныхъ категорій, и номологическія, изслѣдующія общіе законы этихъ явленій. Закономѣрность господствуетъ одинаково и въ явленіяхъ матеріальной природы, и въ духовной жизни человѣка: и тамъ, и здѣсь царитъ законъ причинности; и тамъ, и здѣсь происходитъ развитіе, подчиняющееся своимъ законамъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что въ мірѣ духа господствуютъ тѣже самые законы, которые найдены для міра матеріи: каждая категорія явленій,—явленія механическія, физическія, химическія, біологическія, психическія, соціальныя,—подчинена своимъ особеннымъ законамъ. Высшая цѣль чистыхъ наукъ—знаніе истины. Задача наукъ прикладныхъ—служеніе пользѣ. И къ природѣ, и къ человѣку мы можемъ относиться съ утилитарной точки зрѣнія, но къ человѣку у насъ можетъ и должно существовать еще одно отношеніе, именно отношеніе этическое. Все различіе между утилитарнымъ и этическимъ отношеніемъ состоитъ въ томъ, что первое заключается во взглядѣ на вещь, какъ на средство или орудіе, коимъ можно пользоваться для достиженія той или другой цѣли, тогда какъ отношеніе этическое возможно лишь къ личностямъ, а не къ вещамъ,—къ личностямъ, которыя тѣмъ отъ вещей и отличаются, что сами составляютъ свою цѣль и не мо-

гутъ быть съ этой точки зрѣнія превращаемы въ средства или орудія. Объективная задача чистой и прикладной науки состоитъ въ томъ, чтобы узнать, что̀ есть, какъ оно есть, и на основаніи этого знанія умѣть находить подходящія средства для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей, причемъ совершенно не принимаются въ расчетъ ни качество того, что̀ есть, ни достоинство тѣхъ цѣлей, коихъ хотятъ достигнуть. На такой точкѣ зрѣнія и стоитъ все естествознаніе во всѣхъ чистыхъ и прикладныхъ своихъ наукахъ, что̀ вытекаетъ изъ возможности относиться къ природѣ или просто теоретически, или утилитарно (экономически). Другое дѣло науки гуманитарныя: къ человѣку, какъ личности, мы должны еще относиться этически. что̀ заставляетъ насъ не только констатировать то, что̀ есть или что̀ бываетъ, но и производить оцѣнку всему этому, а вмѣстѣ съ тѣмъ не только изслѣдовать пригодность средствъ, ведущихъ къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ, но и изслѣдовать достоинство тѣхъ цѣлей, которыя мы ставимъ личной и общественной жизни человѣка. Вполнѣ признавая, что въ мірѣ человѣка нашему знанію совершенно также, какъ и въ мірѣ природы, доступны лишь одни явленія; вполнѣ признавая, далѣе, что и здѣсь, и тамъ явленія совершаются вполнѣ закономѣрно, т.-е. въ силу причинности и въ извѣстномъ порядкѣ; вполнѣ признавая, наконецъ, что безъ знанія соотвѣтственныхъ явленій и законовъ ни тамъ, ни здѣсь нельзя достигать цѣлей, какія мы себѣ ставимъ, — мы въ тоже время вынуждаемся признать, что точки зрѣнія, всецѣло господствующія въ чистыхъ и прикладныхъ наукахъ естествознанія, должны считаться въ области наукъ, изучающихъ міръ человѣка, еще и съ этическою точкою зрѣнія, невозможною по отношенію къ вещамъ, изъ коихъ состоитъ весь міръ природы, но прямо обя-

зательною по отношенію къ человѣческой личности и къ обществу, какъ совокупности человѣческихъ личностей. Въ этомъ и заключается тотъ субъективизмъ, который, какъ совершенно законный въ наукахъ гуманитарныхъ, защищали многіе мыслители, стоявшіе во всемъ остальномъ на строго-научной почвѣ. Это именно субъективизмъ этическій, субъективизмъ справедливости и безпристрастія, а потому субъективизмъ и истины, тѣмъ самымъ устраняющій ненаучный и, конечно, неэтическій субъективизмъ предразсудковъ и интересовъ, какую бы окраску онъ ни принималъ, чему бы онъ ни служилъ, т.-е. будетъ ли то извѣстная нація, извѣстная религія, извѣстное сословіе и пр. и пр. Ставить знаніе чистой истины въ зависимость отъ національныхъ, вѣроисповѣдныхъ, сословныхъ и т. п. раздѣленій столь же ненаучно, какъ неэтично ставить въ зависимость отъ тѣхъ же раздѣленій наше отношеніе къ человѣческой личности, какъ таковой. Такого субъективизма не должно быть въ наукахъ гуманитарныхъ на томъ же самомъ основаніи, на какомъ его не можетъ быть въ естествознаніи; но на томъ же самомъ основаніи, на коемъ въ естествознаніи, имѣющемъ дѣло съ вещами, не можетъ быть субъективизма этическаго, послѣдній долженъ существовать въ наукахъ гуматитарныхъ, поскольку онѣ имѣютъ дѣло не съ вещами, а съ личностями или съ обществомъ, какъ совокупностью личностей.

Наука, въ которой мы впервые встрѣчаемся съ понятіемъ личности, есть психологія и эта же самая наука есть ближайшая основа соціологіи, такъ какъ общество было бы немыслимо, если бы его члены были бездушными вещами и между ними не существовало психическаго взаимодѣйствія. Психологія прежде всего изучаетъ индивидуальнаго человѣка: это главный научный органъ

человѣческаго самопознанія. Съ одной стороны, она примыкаетъ къ біологіи вообще и въ частности къ физіологіи, разсматривающимъ человѣка, какъ животный организмъ, и мѣсто его въ природѣ. съ другой—къ ней самой примыкаютъ науки соціальныя, изучающія человѣческое общество и положеніе въ немъ личности. На почвѣ именно индивидуальной психологіи мы только и имѣемъ дѣло съ личностью. которая есть нѣчто большее, нежели индивидуумъ въ біологическомъ смыслѣ, и нѣчто большее, чѣмъ индивидуумъ въ смыслѣ соціологическомъ: въ первомъ смыслѣ это—животный организмъ, во второмъ—клѣточка организма соціальнаго, такъ какъ для психологіи личность есть начало духовное и самостоятельное, какъ сознающее себя и въ себѣ самомъ видящее свою цѣль, индивидуальное *я*. Съ этимъ *я* мы знакомимся въ своемъ внутреннемъ опытѣ, приписывая тѣ же свойства и качества, то же достоинство и тѣ же права, какія признаемъ за собою, и всѣмъ другимъ людямъ. Лишь психологія, имѣющая дѣло съ этимъ понятіемъ, можетъ служить основою для соціологіи и этики, ибо общество состоитъ именно изъ личностей (а не изъ атомовъ, молекулъ или клѣточекъ) и лишь къ личности (а не къ вещи) можетъ существовать этическое отношеніе.

Въ матеріальномъ бытіи своемъ человѣкъ составляетъ часть природы наравнѣ съ другими тѣлесными предметами. Въ химическомъ составѣ человѣческаго тѣла нѣтъ ничего такого, чего мы не находили бы въ остальной природѣ. Анатомическое строеніе и физіологическія отправленія человѣка имѣютъ такой же характеръ какъ и у другихъ млекопитающихъ. Всѣ законы механики, физики, химіи, біологіи оказываются дѣйствующими и въ матеріальной жизни человѣка: нѣтъ ни одного естественнаго закона, которому человѣкъ не былъ бы подчиненъ. какъ

тѣлесный предметъ, имѣющій извѣстную организацію, и въ этой сторонѣ своего бытія онъ не подчиняется никакимъ законамъ, которые не дѣйствовали бы въ остальной природѣ. Съ точки зрѣнія современнаго эволюціонизма человѣкъ является лишь завершеніемъ естественнаго развитія, выработавшаго высшія формы твореній изъ низшихъ. Но человѣкъ состоитъ не изъ одного только тѣла. Параллельно съ развитіемъ его тѣлесной организаціи происходило и развитіе его духовныхъ способностей. Взаимныя отношенія, въ какихъ находятся между собою въ отдѣльномъ человѣкѣ его тѣло и его душа (взятыя въ смыслѣ данныхъ въ опытѣ явленій, а не въ метафизическомъ смыслѣ матеріи и духа), съ одной стороны, и параллелизмъ біологическаго и психологическаго развитія, совершающагося во всемъ человѣчествѣ, съ другой,—вотъ два предмета, которые переводятъ насъ изъ области естествознанія въ область наукъ гуманитарныхъ.

Вопросъ о мѣстѣ человѣка въ природѣ составляетъ лишь одну сторону вопроса объ отношеніи человѣка къ средѣ, его окружающей. Другую сторону того же вопроса составляетъ проблемма объ отношеніи человѣка, не какъ организма, а какъ личности къ тому особому міру, который мы называемъ общественностью въ смыслѣ совокупности явленій культурнаго и соціальнаго характера. Здѣсь отношеніе уже совсѣмъ иное, чѣмъ въ первомъ случаѣ Какъ часть природы, человѣкъ представляетъ изъ себя ея продуктъ, тогда какъ вся общественность, наоборотъ, есть сама продуктъ духовной дѣятельности человѣка и психическаго взаимодѣйствія отдѣльныхъ людей. Хотя отдѣльная человѣческая личность и формируется окружающею ее культурно-соціальною средою, однако, и послѣдняя въ свою очередь поддержи-

вается и измѣняется лишь потому, что ее поддерживаютъ или измѣняютъ люди. Природа имѣетъ самостоятельное существованіе и развивается помимо человѣка, тогда какъ вся общественность лишь чрезъ человѣка существуетъ и только чрезъ его дѣятельность и развивается. Въ послѣднемъ анализѣ и бытіе, и эволюція культуры и соціальной организаціи обусловлены дѣятельностью личностей, которая всегда стремится къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ. По отношенію къ природѣ мы не можемъ поставить вопроса, существуетъ ли она для человѣка или человѣкъ для природы; такой вопросъ былъ бы прямо безсмысленнымъ. Но вопросъ о томъ, существуетъ ли личность для культуры и соціальной организаціи, какъ таковыхъ („человѣкъ для субботы“) или, наоборотъ, культура и соціальная организація—для личности („суббота для человѣка“), имѣетъ весьма глубокій смыслъ. Личность, одаренная самосознаніемъ, ставитъ своему существованію цѣли, коихъ вообще не могутъ ставить своему существованію вещи, какъ лишенныя самосознанія: личность есть цѣль сама въ себѣ и потому на извѣстной ступени духовнаго развитія не можетъ примириться, чтобы то, въ чемъ она полагаетъ человѣческое достоинство свое собственное и себѣ подобныхъ, чтобы личность, какъ таковая, какъ сознающая свою индивидуальность, свою самостоятельность и свое значеніе, какъ цѣли самой въ себѣ,—могла разсматриваться, лишь какъ средство или орудіе для постороннихъ ей цѣлей, какъ несамобытная и служебная часть нѣкотораго цѣлаго, которое поглощало бы ее цѣликомъ, безъ всякаго остатка. Вопросъ о томъ, существуетъ ли она для культурныхъ и соціальныхъ формъ, взятыхъ въ отвлеченіи отъ людей, которые составляютъ данное общество, или, наоборотъ, эти формы существуютъ для личностей, образующихъ общество, рѣ-

шается личнымъ самосознаніемъ, конечно, не въ первомъ смыслѣ. За такое рѣшеніе должны высказаться и соціологія, и этика: соціологія показываетъ, что все общественное существуетъ лишь чрезъ личность и внѣ ея или помимо ея не могло бы имѣть существованія, а этика исходитъ изъ того принципа, что вообще человѣкъ не можетъ быть орудіемъ или средствомъ какой-либо посторонней ему цѣли.

Индивидуалистическая точка зрѣнія, къ коей приводятъ насъ подобныя соображенія, вовсе не должна разматриваться, какъ нѣчто противонравственное и противообщественное. Мы исходимъ изъ понятія личности со всѣми ея моральными задатками и соціальными инстинктами, т.-е. беремъ индивидуализмъ не въ одностороннемъ значеніи эгоизма и индифферентизма. Мало того: ставя основнымъ принципомъ этики уваженіе къ личному достоинству, къ личнымъ правамъ, принадлежащимъ всѣмъ людямъ, мы тѣмъ самымъ устраняемъ эгоизмъ и индифферентизмъ, такъ какъ оба они и отличаются неуваженіемъ или невниманіемъ къ человѣку, ставящими другихъ людей наравнѣ съ вещами для насъ только полезными или безразличными. Мы проповѣдуемъ индивидуализмъ культурный въ смыслѣ самостоятельной выработки каждымъ собственнаго міросозерцанія, признавая въ то же время, что личная инициатива можетъ разсматриваться, какъ главный факторъ духовнаго прогресса человѣчества. Но этимъ мы отнюдь не думаемъ отдѣлять личность отъ общечеловѣческаго сознанія истины и справедливости, которое вырабатываются культурною жизнью всѣхъ историческихъ народовъ: именно все то, что въ окружающей культурной обстановкѣ препятствуетъ свободному и всестороннему развитію личности, и является главною помѣхою тому, чтобы личность могла подняться на высоту общечеловѣче-

скаго сознанія истины и справедливости. Изъ того, что личность въ себѣ самой носитъ цѣль своего бытія, можно вывести лишь одно этическое положеніе: цѣлью этою долженъ быть извѣстный идеалъ, достиженіе коего требуетъ отъ личности работы надъ самою собою, надъ развитіемъ въ себѣ всего того, что возвышаетъ духовную сторону нашей природы надъ стороною матеріальною, работы надъ развитіемъ въ себѣ критической мысли и разумной воли, альтруистическихъ чувствъ и общественныхъ инстинктовъ. Съ точки зрѣнія того же индивидуалистическаго принципа мы должны желать, чтобы въ экономической жизни общества личность человѣка не играла роли одного изъ орудій производства только, а признавалось именно за живую человѣческую личность, имѣющую свое достоинство и свои права внѣ своей экономической полезности. Экономическій индивидуализмъ, какъ полная изоляція личности въ ея хозяйственной дѣятельности, совершенно невозможенъ, разъ мы имѣемъ дѣло съ личностью, живущею хотя бы въ зачаточной соціальной организаціи. Человѣкъ нуждается въ помощи другого человѣка, но этою помощью онъ можетъ пользоваться или путемъ эксплуатаціи, или путемъ кооперації. Этическою является лишь вторая форма, ибо только она не допускаетъ превращенія живыхъ человѣческихъ личностей въ орудія производства, тогда какъ эксплуатація, наоборотъ, именно въ томъ и состоитъ, что эксплуатируемые ставятся въ положеніе орудій или средствъ для достиженія тѣхъ цѣлей, какія себѣ ставятъ эксплуатирующіе. Что соотвѣтствуетъ этическому принципу личности и что ей противорѣчитъ въ сферѣ экономической? Разумѣется, соотвѣтствуетъ кооперація, противорѣчитъ эксплуатація: послѣдняя сводится къ пользованію чужою личностью, какъ орудіемъ или средствомъ, тогда какъ первая предполагаетъ соединеніе людей на равныхъ

правахъ. Между тѣмъ многіе, понимая индивидуализмъ въ экономической сферѣ не въ смыслѣ принципа, въ силу коего должны быть ограждены интересы личности, а въ смыслѣ разъединенности экономическихъ усилій, противополагаютъ этой разъединенности принципъ единенія (ассоціаціи), какъ болѣе выгодный, чѣмъ начало разъединенности. Дѣло въ томъ, однако, что такъ какъ полная разъединенность хозяйственной дѣятельности немыслима, а соединеніе можетъ быть осуществлено либо путемъ эксплуатаціи, либо путемъ кооперації, то въ интересахъ какъ-разъ личнаго начала именно и приходится указывать на этотъ второй путь и видѣть въ ассоціаціи не какую-то противоположность индивидуализма, а напротивъ, лучшую его опору, ибо лишь въ единеніи на правахъ равенства человѣкъ лучше всего можетъ обезпечить свое личное существованіе въ экономическомъ отношеніи. Съ этой точки зрѣнія кооперація и является не только болѣе выгодною, но и болѣе этическою формою, становясь средствомъ къ достиженію экономической самостоятельности индивидуума. Понятно, что и въ другомъ отношеніи нашъ индивидуализмъ, взятый въ его отношеніи къ экономической жизни, не совпадаетъ съ тѣмъ экономическимъ индивидуализмомъ (неправильно, на нашъ взглядъ, такъ называемымъ), который подъ именемъ промышленной свободы разумѣетъ полное невмѣшательство общественной власти во взаимныя экономическія отношенія отдѣльныхъ лицъ и классовъ. Принципъ индивидуализма, послѣдовательно проведенный, требуетъ, чтобы государство во имя этическихъ принциповъ ограждало интересы личности отъ возможности быть эксплуатируемою, и какъ-разъ тутъ неэтическій индивидуализмъ (т.-е. эгоизмъ) возстаетъ обыкновенно противъ государственнаго вмѣшательства, когда принципомъ свободы личности (въ данномъ случаѣ лич-

ности экономически сильной) прикрывается стремленіе этой личности безпрепятственно эксплуатировать, т.-е. пользоваться, какъ орудіями, другими личностями (экономически безсильными). Такимъ образомъ изъ того этическаго индивидуализма, который, по нашему мнѣнію, долженъ быть положенъ въ основу соціальной этики, выводятся и необходимость кооперацiи, и необходимость общественнаго регулированія экономическихъ отношеній, однимъ словомъ, выводится то, противъ чего протестуютъ критики индивидуализма въ экономической жизни, но индивидуализма, понятаго не въ этическомъ смыслѣ уваженія къ личности, къ ея достоинству, къ ея правамъ, а въ смыслѣ эгоистическаго признанія лишь за самимъ собою или за своимъ классомъ этого достоинства и этихъ правъ.

Такъ нужно понимать приложеніе этическаго индивидуализма къ вопросамъ культурной и экономической жизни обществъ: личность должна быть и духовно, и матеріально самостоятельной въ свободномъ общеніи съ другими и при помощи съ ихъ стороны, помогая въ свою очередь и имъ, развивая работою своей мысли и своимъ собственнымъ трудомъ духовную сторону своей природы и обезпечивая свое матеріальное благосостояніе. Тотъ же принципъ индивидуализма требуетъ, чтобы притязанія одной личности находили свою границу въ правахъ другихъ личностей, и чтобы притязанія общества, какъ одного цѣлаго, находили точно также свою границу въ правахъ его отдѣльныхъ членовъ. Если, съ одной стороны, во имя принципа личности приходится, напр., ограждать цѣлые классы отъ эксплуатацiи со стороны немногихъ лицъ, владѣющихъ дарами природы и капиталомъ и на этомъ строющихъ все свое право, предъ коимъ, по ихъ мнѣнію, должны молчать естественныя и прирожденныя права другихъ личностей, то, съ другой стороны, во имя того же самаго принципа

можетъ являться необходимость ограждать, напр., единичную личность отъ притязанія всего общества или меньшинство отъ притязанія большинства, навязывающихъ этой личности или этому меньшинству извѣстныя мысли, коихъ держится все это общество или это большинство Какое бы происхожденіе ни имѣло право, его цѣлью всегда было ограждать личность отъ всѣхъ покушеній на то, что когда-либо и гдѣ бы то ни было считалось ея достояніемъ. Каково бы ни было происхожденіе государства, оно всегда и вездѣ брало на себя задачу организованной защиты того, что̀ признавало неотъемлемымъ достояніемъ личности. Правда, на первыхъ порахъ право защищало въ индивидуумѣ не то, что̀ составляетъ присущее ему этическое начало, а то, что̀ сообщалось ему извнѣ—принадлежностью къ извѣстной націи или вѣрѣ, къ извѣстному государству или сословію, равно какъ фактическимъ обладаніемъ дарами природы или сбереженіями труда, но весь прогрессъ права, взятый съ этической точки зрѣнія, заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ постепенномъ признаніи за личностью самой въ себѣ извѣстныхъ правъ, которыхъ не можетъ нарушить внѣшнее положеніе личности по отношенію къ культурнымъ и соціальнымъ различіямъ, существующимъ между людьми. Правда и то, что въ началѣ и государство, защищая личность отъ возможныхъ по отношенію къ ней правонарушеній со стороны другихъ людей, оставляло эту личность совершенно безправною по отношенію къ самому себѣ, но и здѣсь осуществился уже прогрессъ, въ силу коего государство само признаетъ за личностью извѣстныя права, свободу въ извѣстныхъ сферахъ личной жизни, на которыя не можетъ и не должно распространяться государственное дѣйствіе. Тотъ же самый принципъ признанія за личностью нѣкоторыхъ правъ,

которыя должны быть осуществлены и ограждены, такимъ образомъ можетъ быть примѣненъ и къ культурной, и къ экономической, и къ юридической, и къ политической жизни народовъ. И общій соціологическій вопросъ о положеніи личности въ обществѣ долженъ рѣшаться съ той же точки зрѣнія. Мы, однако, не имѣли бы права заявлять такихъ требованій, какія возвышенныя въ моральномъ отношеніи основанія они бы ни имѣли, еслибы для этическаго идеализма не было, въ свою очередь, реальныхъ основаній въ психической природѣ человѣка, какъ личности, и въ соціологической природѣ общества, какъ соединенія и продукта дѣятельности отдѣльныхъ личностей, ставящихъ извѣстныя цѣли какъ для соединенія своего, такъ и для своей дѣятельности. Ни матеріализмъ метафизическій, сводящій психологію къ простой физіологіи мозга и нервной системы, ни матеріализмъ экономическій, сводящій всю соціологію къ теоріи народнаго хозяйства, не въ состояніи объяснить міръ человѣка—не потому, однако, чтобы правда была на сторонѣ метафизическаго спиритуализма съ его отраженіемъ въ идеалистической исторіологіи, а потому, что матеріалистическія психологія и соціологія, въ противорѣчіе съ принципомъ научнаго реализма, требующаго изученія явленій, какъ они даны въ опытѣ, основываютъ себя на результатахъ одного изученія природы и физической стороны человѣка, т.-е. на натурализмѣ, когда слѣдуетъ класть въ основаніе изученія всестороннее изслѣдованіе духовной и общественной жизни человѣка (гуманитаризмъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Указывая на нѣсколько сочиненій наиболѣе общаго характера, мы имѣли въ виду преимущественно такія, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ содержаніемъ настоящей книжки. Звѣздочками отмѣчены названія книгъ, чтеніе коихъ, на нашъ взглядъ, особенно можетъ содѣйствовать разъясненію основныхъ философскихъ и научныхъ понятій. Болѣе подробныя указанія читатель найдетъ, какъ было уже сказано въ предисловіи, обратившись къ „Программамъ чтенія для самообразованія", составленнымъ именно съ точки зрѣнія, съ которой цѣлью самообразованія является выработка міросозерцанія. Первое изданіе этихъ „рПограммъ" въ настоящее время разошлось, а второе изданіе предполагается выпустить въ свѣтъ осенью 1896 г.

* *Паульсенъ.* Введеніе въ философію

Льюисъ и *Миль.* Огюстъ Контъ и положительная философія.

Лаландъ. Этюды по философіи наукъ.

* *Хвольсонъ.* Популярныя лекціи по основнымъ гипотезамъ физики.

Тиндаль. Статьи и рѣчи.

Гельмгольцъ. Научныя статьи и рѣчи

* *Клодъ Бернаръ.* Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ.

* *Тимирязевъ.* Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе.

* *Циген.* Физіологическая психологія.

Гефдингъ. Очерки психологіи.

* *Циглеръ.* Что такое нравственность?

Милль. Утилитаризмъ.

Спенсеръ. Научныя основанія нравственности.

* *Гижицкій.* Основы морали.

Спенсеръ. Соціологія, какъ предметъ изученія.

* *Фуллье.* Современная общественная наука.

Коркуновъ Лекціи по общей теоріи права.

* *Іерингъ.* Борьба за право.

* *Милль.* О свободѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе къ 4 изданію	I
I. О взаимныхъ отношеніяхъ между естественными и гуманитарными науками	1
II. О научномъ изученіи матеріальной природы	17
III. О научномъ изученіи психическихъ явленій	37
IV. О существенномъ содержаніи философскаго образованія.	60
V. О научной основѣ и субъективизмѣ соціологіи	76
VI Объ этическомъ отношеніи къ личности и обществу . .	99
VII. Объ историческомъ и соціологическомъ образованіи . .	119
VIII. Общіе выводы.	154
Указанія на литературу предмета	168